

С. В. Онищук
М. В. Белоусенко

**ИСТОРИЧЕСКИЕ ТИПЫ ОБЩЕСТВЕННОГО
ВОСПРОИЗВОДСТВА
ПОЛИТЭКОНОМИЯ МИРОВОГО ИСТОРИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА**

Донецк, ДонГТУ, 2009.

Онищук С.В., Белоусенко М. В. Исторические типы общественного воспроизводства: политэкономия мирового исторического процесса. - 2-е изд. (в соавторстве), перераб. и доп. - Донецк, РИА ДонГТУ, 1999. - 157 с.

В монографии предпринята оригинальная попытка выявить специфику развития производительных сил в различных регионах планеты в разные исторические эпохи, и, исходя из этого, объяснить крайнюю неравномерность хозяйственного развития отдельных стран и регионов.

Для научных работников, преподавателей и студентов, всех, кто интересуется фундаментальными экономическими проблемами,

Оніщук С.В., Білоусенко М.В. Історичні типи суспільного відтворення: політекономія світового історичного процесу - 2-е вид. (у співавторстві), перероб. і доповн. - Донецьк, РІА ДонДТУ, 1999. - 157 с.

У монографії здійснена оригінальна спроба виявити специфіку розвитку продуктивних сил в багатьох регіонах планети в різні історичні епохи і, виходячи з цього, з'ясувати надзвичайну нерівномірність господарського розвитку окремих країн та регіонів.

Для наукових робітників, викладачів та студентів вищих учбових закладів, усіх, хто цікавиться фундаментальними економічними проблемами.

ВВЕДЕНИЕ

С древнейших времен человеческая мысль пытается постичь причины, движущие силы и направления исторического развития. Каждый штрих величественной картины мирового исторического процесса поражает воображение и приковывает к себе внимание исследователей.

Исчезают и рождаются великие цивилизации, меняются общественные отношения людей, их представления о мире, политические и экономические воззрения, некогда цветущие области приходят в запустение, а отсталые прежде регионы становятся эпицентрами бурного развития. Какие силы стоят за всем этим? Многие поколения мыслителей пытались ответить на этот вопрос. Ими был проанализирован ряд факторов, влияющих на развитие мирового исторического процесса и выдвинут ряд научных гипотез.

Почти все эти гипотезы объясняли исторические судьбы стран и регионов последовательной сменой господствующих в обществе идей - политических, экономических, социальных, философских и религиозных воззрений. При этом некоторые исследователи подчеркивали значение природных факторов в историческом процессе, но их влияние трактовали весьма упрощенно, как влияние непосредственно на идеологическую сферу, приводящее к установлению господства тех или иных идей. Выходило, что сознательно совершая изменения в сфере идей, люди тем самым сознательно устанавливают и изменяют производительные силы и производственные отношения. На вопрос же, отчего зависят изменения в сфере идей, ответа не было и при данном подходе не могло быть.

Лишь К. Марксу удалось сделать единственный в своем роде переворот в общественной науке, установив одну великую истину, которая состоит в том, что общественные отношения людей (производственные и идеологические) в принципе не могут строиться сознательно, что они объективны и определяются уровнем и характером развития производительных сил общества. Тем самым процесс общественно-го развития предстает как естественно-исторический процесс.

Вычленение в качестве главного фактора, определяющего историческое развитие, уровня и характера развития производительных сил общества, а также разде-

ление общественных отношений на базисные и надстроечные, составляют непреходящую научную заслугу К. Маркса, закладывают основу единственно верного научного метода познания общественных явлений.

Но история, как известно, пошла совсем не по Марксу. Тогда возникает справедливый вопрос: если Маркс разработал правильный научный метод, то каким же образом, следуя этому методу, он пришел к ошибочным результатам? Противоречие состоит в том, что Маркс, разработав правильный научный метод, в своих дальнейших исследованиях не применял его. По сути дела, исследования уровня и характера развития производительных сил он заменил исследованием производственных отношений и даже преимущественно одной их части - отношений собственности на средства производства.

Чем можно объяснить такую замену Марксом открытого им метода? В первую очередь состоянием научно-информационной базы в его эпоху. Если в тот период и существовали кое-какие конкретные исследования отношений собственности в стадияльно и территориально различных обществах, то о долговременных тенденциях развития их производительных сил, и, прежде всего, производительных сил в сельском хозяйстве, не было известно практически ничего. Естественно, не имея конкретных данных и даже отдаленной перспективы их получения, Маркс занялся адаптацией в своей модели результатов существовавших исследований. А так как господствующим предметом этих исследований были отношения собственности, то они вытеснили из теоретических моделей Маркса уровень и характер развития производительных сил.

Оторвав развитие отношений собственности от производительных сил и сделав его решающим и самодовлеющим фактором общественной эволюции, Маркс тем самым отказался от своего правильного первоначального метода исследования и заменил его неправильным методом, следуя которому он и построил теоретически неправильные пяти- и шестичленную схему сменяющих друг друга общественно-экономических формаций.

Почему нельзя заменять анализ развития производительных сил анализом отношений собственности? Потому что уровень и характер развития производительных сил общества представляет собой коренную базисную структуру, которой необ-

ходимо соответствуют прочие элементы базиса и надстройки. Не отношения собственности определяют характер и направление развития производительных сил, а наоборот, уровень и характер развития производительных сил общества определяет остальные элементы базиса и надстройки, в том числе, конечно, и отношения собственности.

После Маркса открытый им и неиспользованный метод не был подхвачен и развит другими исследователями. В нашей стране в силу понятных причин это было абсолютно невозможным. Что касается общественной науки на Западе, то на протяжении полстолетия с лишним после смерти Маркса она шарахалась от его методов, правильных и неправильных, и тратила больше усилий на их ниспровержение, а впоследствии, разобравшись, начала не без успеха использовать различные его идеи, не замахиваясь, однако, на сколько-нибудь целостное исследование процесса исторического развития производительных сил в мировом масштабе.

Заслуживающую упоминания попытку продвинуться в этом направлении сделал У.Ростоу в своей книге "Стадии экономического роста"[83]. В этой работе он, основываясь на исследовании экономического роста индустриальных стран за последние два столетия, дал периодизацию его стадий и выявил присущие каждой из этих стадий качественные характеристики. Однако целый ряд вопросов, без решения которых невозможно построение политэкономии мирового развития, не был У.Ростоу не то чтобы решён, но даже поставлен.

Начнем с того, что все качественно различные доиндустриальные общества, существовавшие на протяжении 9/10 человеческой истории, сведены им под одну рубрику "Традиционное общество". Такой подход не дает ответа на вопрос, каковы необходимые условия генезиса капитализма (или индустриального общества), почему в одних случаях капитализм зарождается в недрах "традиционного общества" и качественно преобразует его, а в других (которых большинство) - ничего подобного не происходит. Не поставлен У. Ростоу и вопрос о том, какими факторами определяется последовательность перехода различных регионов мира к капитализму (индустриальному обществу) и неравномерность их развития. Наконец, он нигде не упоминает о том, что кроме стадияльного подхода к проблеме экономического роста необходим еще и типологический, что существуют качественно различные, подчи-

няющиеся определенным закономерностям, исторические типы индустриального развития.

В свете вышеизложенного задача авторов настоящего исследования состоит в том, чтобы применить открытый Марксом и не применявшийся им метод к анализу общественного развития и создать на этой основе политическую экономию мирового исторического процесса. Для этого необходимо провести серьезное исследование долговременных тенденций развития производительных сил различных обществ, вскрыть механизм и движущие силы их развития. Накопленный к настоящему времени общественной наукой фактический материал, при всей его фрагментарности, позволяет, на наш взгляд, выполнить эту задачу. Следует отметить, что сама методология исследования исторического развития производительных сил еще недостаточно разработана. В посвященных этой проблеме работах преобладает чисто отраслевой подход: исследуются чаще всего развитие товарно-денежных отношений в какой-либо отрасли или состояние технологии.

Однако, по нашему мнению, развитие производительных сил нельзя сводить к анализу чисто экономических процессов. Здесь происходит сложное взаимодействие экономических, демографических, социальных и экологических факторов, равнодействующей которых и выступает самый процесс развития производительных сил. Поэтому наше исследование необходимо носит комплексный, междисциплинарный характер. Задачи исследования требуют от авторов введения в научный оборот и дальнейшей разработки целого ряда новых политэкономических понятий и категорий.

Ядром или стержневой осью нашей концепции развития производительных сил является анализ воспроизводственного механизма, на основе которого происходит выяснение роли различных факторов в процессах мирового развития, их количественных и качественных характеристик. При этом первостепенную роль играет всестороннее освещение таких ключевых и до настоящего времени почти не изученных проблем, как проблема экономического роста в доиндустриальных обществах, механизм исторического развития аграрных производительных сил, процессы перекачки рабочей силы из сельского хозяйства в промышленность и их роль в экономическом развитии.

При этом наш анализ носит преимущественно качественный характер, хотя в работе используется обширный фактический материал, подтверждающий концепции авторов. Неполнота и фрагментарность фактических данных, особенно относящихся к докапиталистической эпохе, не являются, по нашему мнению, препятствием на пути исследования. В этих случаях авторы стремились на основе имеющихся данных построить научные гипотезы, а затем на основании этих гипотез попытаться восстановить количественные параметры процессов, данными о которых наука не располагает в настоящее время.

Почему капитализм зародился в Северо-Западной Европе при отсутствии подобного развития в других регионах мира? Какими главными факторами определяется последовательность перехода различных регионов мира к капитализму и неравномерность их развития? В чем состоит сущность и причины циклического развития капиталистической экономики? Каковы основные типы индустриального развития? В чем состоят причины возникновения фашизма в странах второго эшелона? Каковы предпосылки и причины перехода к социалистическому типу воспроизводства - форсированному развитию и присущей ему административно-командной системе, в чем заключаются противоречия, и каковы перспективы этого развития? Вот те ключевые вопросы современной политэкономической теории, которые ставят и на которые дают свой ответ авторы монографии.

ГЛАВА I. ДОКАПИТАЛИСТИЧЕСКОЕ РАСШИРЕННОЕ ВОСПРОИЗВОДСТВО

§ 1. Исторические типы интенсификации земледелия.

До сих пор при рассмотрении докапиталистических аграрных структур исследователи обращали внимание в основном на характер отношений собственности. При этом оставались сравнительно малоизученными долговременные тенденции интенсификации сельского хозяйства, производительных сил крестьянского хозяйства. Между тем именно от уровня развития производительных сил крестьянского хозяйства в решающей мере зависит масштаб действия одного из важнейших факторов экономического роста - перекачки рабочей силы из сельского хозяйства в не-сельскохозяйственные отрасли производства.

Перекачка рабочей силы из земледелия в неземледельческие отрасли является важнейшим условием перехода от доиндустриального к индустриальному типу производительных сил, от докапиталистической к капиталистической формации.

Поэтому исследование исторического развития аграрных производительных сил имеет ключевое значение как для построения теории докапиталистического расширенного воспроизводства, так и для открытия условий, необходимых для генезиса капитализма, а также для определения причин различия в темпах и формах перехода различных стран мира от докапиталистической к капиталистической формации.

Главные параметры крестьянского производства - размер обрабатываемой площади, уровень урожайности и трудозатрат крестьянина на макроуровне определяются в первую очередь земледельческой системой, практикуемой крестьянином.

Стадиальный подход к проблеме эволюции систем земледелия, существующий на протяжении длительного времени, позволяет классифицировать эти системы на основании такого важнейшего критерия, как интенсивность использования земли.

Значительный вклад в развитие данного направления исследования внесла датская исследовательница Э.Босеруп. Она классифицирует системы земледелия на основе соотношения между длительностью периода непрерывной обработки отдельного участка земли и длительностью оставления данного участка в залежи. Согласно её классификации все существовавшие системы земледелия делятся на сис-

темы с длительной залежью (многократно превосходящей по длительности период обработки), системы с укороченной залежью, системы с короткой залежью, системы с ежегодной обработкой и, наконец, системы со сбором нескольких урожаев в год.

Терминология, предложенная Э.Босеруп, вполне адекватно отражает суть дела. Однако в русской и зарубежной научной литературе принято называть системы с длительной залежью переложными, системы с укороченной залежью - ротационными, системы с короткой залежью - паровыми. К системам с ежегодной обработкой относятся травопольная, частичная травопольная, плодосменная и трудоинтенсивная азиатская.

Переход от менее интенсивной к более интенсивной системе осуществляется под давлением роста плотности населения и сопровождается, как правило, снижением производительности труда крестьянина, так как рост его трудозатрат обгоняет рост производимого им продукта. Однако чисто стадийный подход к проблеме классификации систем земледелия явно недостаточен для понимания особенностей их развития в различных регионах мира. Помимо стадийного среза (главный критерий здесь - соотношение между продолжительностью периодов обработки и залежи) необходим еще и типологический, где главным критерием является степень интеграции животноводства в земледельческую систему.

Почему следует избрать именно этот критерий? Дело в том, что в доиндустриальных формах земледелия именно количество скота в расчете на душу населения и на единицу обрабатываемой площади определяет степень обеспеченности земледелия органическим удобрением и, следовательно, потенциал увеличения урожайности.

По степени интеграции животноводства и земледелия можно выделить три основных исторических направления интенсификации земледелия:

- * высшая ступень интеграции животноводства и земледелия, характерная для земледельческих систем западной и центральной части умеренного пояса Европы;
- * средняя ступень - для субтропического пояса и восточной части умеренного пояса Европы;
- * низшая ступень - для тропического пояса.

Различия в степени интеграции животноводства и земледелия определяются, в

конечном счете, природными условиями.

В субтропической полосе от Испании и Марокко до Китая и Японии ротационные системы, пришедшие на смену подсечно-огневым, эволюционировали в направлении двуполья. Классическое двуполье позволяет поддерживать плотность населения до 30 человек на 1 кв. км. Дальнейший рост населения обуславливает необходимость интенсификации земледелия. Однако классическое двуполье нигде не переходит в трехполье. Дело в том, что хотя для поддержания определенной плотности населения при трехполье требуется меньше пашни, чем при двуполье, нужда в совокупной сельскохозяйственной площади (пашня + пастбище) увеличивается. Поэтому, когда плотность населения достигает возможного при двуполье максимума, осуществляется переход не к трехполью, а к частичному травопольному севообороту с подсевом бобовых и кормовых культур.

В отличие от подлинной травопольной системы, вырастающей из трехполья частичный травопольный севооборот формируется в условиях резкого сокращения удельного веса пастбищ и поголовья крупного рогатого скота. Земледелие и животноводство оказываются в значительной мере дезинтегрированными. Именно на стадии частичного травопольного севооборота остановилось, по мнению К. Уайта, римское земледелие классического периода. Фактически оно попало в заколдованный круг: уменьшение площади пастбищ вело к сокращению поголовья крупного скота, а это, в свою очередь, к нехватке органических удобрений и к падению урожайности [92;с.130].

Далее на восток - в Месопотамии, Индии и Китае - уровень интенсификации земледелия в ходе исторического развития повышался. Происходили дальнейшее сокращение пастбищных угодий и пара и переход к грядковой культуре, причем некоторое время этот процесс шел в условиях почти полностью богарного земледелия и лишь затем стала появляться ирригация, сначала в виде мелко- и среднемасштабных систем-колодцев, "танков", каналов и отгораживаемых от рек бассейнов, а затем и в виде магистральных каналов.

Переход к интенсивной "азиатской" системе позволил Индии поддерживать плотность населения порядка 100-150 человек на 1 кв. км. На этом этапе скот еще не полностью отлучен от земледелия, но дело идет к тому. Пастбища занимают не бо-

лее 10-15 % совокупной сельскохозяйственной территории, а на голову крупного рогатого скота их приходится менее 0,1 га [3;с.81,174]. Своего логического завершения развитие "азиатской" системы достигает в Китае, Корее и Японии. Здесь происходит почти полное уничтожение пара и пастбища, а также крупного рогатого скота (кроме буйволов в Южном Китае). Площадь пастбищ во Внутреннем Китае в начале XX в. составляла около 1,0 % совокупной сельскохозяйственной территории [61;с.6]. На этой ступени интенсивности восстановление плодородия почвы достигается ценой непрерывного труда, в основном по приготовлению и внесению в почву компостов. Фактически, продукты китайского крестьянского хозяйства обращаются по замкнутому кругу: вносится в среднем около 8 т органики на 1 га, причем лишь 62 % из этого количества - животного происхождения [62;с.136-138]. В коренных ханьских районах уже на рубеже нашей эры были достигнуты плотности населения порядка 150-200 человек на 1 кв. км. [63;с.17]; в Южном Китае это произошло примерно на 7-8 столетий позднее, а в Японии еще столько же столетий спустя. Ирригация в Азии играла большую роль, но её всё же не следует преувеличивать: в лучшие времена орошалось не более четверти пашни в Китае [12;с.171-172], а в других странах (кроме Египта) доля орошаемых земель была еще меньше.

Особенностью всех систем, развивающихся на основе двуполья, была дезинтеграция земледелия и животноводства. Уменьшение значения крупного рогатого скота и связанная с этим нехватка удобрения вели к еще большему снижению эффективности использования земли.

Иначе проходила эволюция земледельческих систем в умеренном поясе Европы. Выше уже отмечалось, что в рамках традиционного хозяйства двуполье никак не может перейти в трехполье - систему более высокого уровня интенсивности, так как оно поглощает большее количество земледельческого населения. Квадратные "кельтские поля", нередко упоминаемые для поддержания мнения о существовании в определенный период двуполья в умеренном поясе Европы, были лишь частью ротационных ринговых систем, составляющими внутреннего ринга, а во внешних господствовали "долгая" ротация, перелог и подсека. Плотность населения здесь не превышала 10-15 человек на 1 кв. км; ежегодно засевалось не более 25-35 % пашни. Подобные системы и остатки соответствующей им социальной организации сохра-

нились в приатлантической зоне (Ирландия, Шотландия, Уэльс, Бретань) вплоть до XX века.

Переход к трехполью в умеренном поясе Европы осуществлялся не от классического двуполья, а от ринговых систем, причем довольно длительное время трехполье господствовало только в пределах инфилда (внутреннего кольца), тогда как в аутфилде (внешнем кольце) наблюдалась ротация с 5-7 летним циклом (например, в Шотландии, как показывает М. Вебер) [5;с.26].

Основная отличительная особенность этого типа развития заключалась в том, что оно происходило в условиях гораздо меньшей плотности населения и гораздо большей насыщенности скотом, чем переход от ротации к двуполью. Причины этого пока не вполне ясны. Можно лишь указать на необходимость более мощной тяги для подъема тяжёлых влагонасыщенных глинистых почв региона. Традиционный *aratrum* (безотвальный римский плуг), в который впрягали обычно двух быков, не выходил за пределы квадратных полей, располагавшихся на возвышенностях с более легкими почвами. Для обработки земель во влажных низменностях еще на стадии ринга начал применяться так называемый "германский" или "кельтский" плуг, в который запрягалось четыре животных, при подъеме же залежи в аутфилде впрягали восемь и более [5;с.26].

Необходимость содержать большее поголовье скота на душу населения вела к уклонению среднеевропейского пути развития от магистральной линии Испания-Китай уже на последних ступенях ринга. Везде, где аутфилд мог обрабатываться на основе двуполья, т. е. с той же плотностью поголовья скота, что и инфилд, происходил переход от ринга к двуполью во всей системе; под влиянием роста населения наблюдалось выравнивание внешнего и внутреннего уровней системы и утвердилось классическое двуполье.

Наоборот, там где господствующая система требовала больше скота рост населения приводил не к выравниванию, а к ещё большему расхождению внешнего и внутреннего уровней: в инфилде укоренялось трехполье, в то время как в аутфилде продолжала существовать "долгая" ротация.

Вот почему среди остатков архаических систем, сохранившихся до XX в. в приатлантических кельтских захолустьях, можно найти "контрастный" ринг, но не

классическое двуполье. На всем протяжении перехода от ринга к трехполью плотность населения была ниже, а плотность поголовья скота выше, чем при переходе от ринга к двуполью.

В дальнейшем рост населения в условиях трехполья приводил к наступлению пашни на пастбище. Но, в отличие от хозяйства древних цивилизаций, в умеренной зоне Европы была сохранена более эффективная, истинно "европейская", нигде более не встречавшаяся интеграция земледелия и животноводства, обуславливавшая успешный переход к травополью и плодосмену.

В западной и центральной частях умеренного пояса Европы условия для разведения крупного рогатого скота являются оптимальными, а трудозатраты на его содержание - минимальными, так как скот можно пасти круглый год, не прибегая к заготовке кормов. Чем дальше на восток умеренного пояса Европы, тем длиннее морозный период, в течение которого скот необходимо кормить заготовленными кормами. Необходимость дополнительных трудозатрат по заготовке кормов не позволяла крестьянам Восточной Европы увеличивать поголовье скота в той степени так, как в Северо-Западной Европе. В субтропическом и тропическом поясах лимитирующим рост поголовья скота фактором является жесткая ограниченность кормовой базы вследствие выгорания трав во время жаркого сезона.

На стадии переложных систем эти различия еще не имеют решающего значения. Однако уже на стадии ротационных систем различия в обеспеченности скотом начинают приводить к дифференциации типов эволюции земледелия, а на стадии паровых систем данные типы окончательно расходятся. В умеренном поясе Европы необходимость содержать большее поголовье скота на душу населения создала условия для перехода от ротации к трехполью, тогда как в субтропической полосе Евразии и Северной Африки значительно более низкий уровень обеспеченности скотом обусловил переход от ротации к двуполью. В Тропической Африке и Мезоамерике в условиях полного отсутствия интеграции животноводства и земледелия дальнейшая интенсификация земледелия осуществлялась в рамках ротационных систем без перехода к дву- или трехполью; при этом ротационные системы малой интенсивности сменялись пролонгированными ротационными системами.

На стадии систем с постоянной обработкой расхождения между типами ин-

тенсификации земледелия еще более возрастают. В западной и центральной части умеренного пояса Европы осуществляется переход от трехполья к травопольной, а затем и плодосменной системе, обусловленный накоплением необходимого минимума поголовья скота. В восточной части умеренного пояса Европы перехода к травополью не происходит вследствие недостаточной насыщенности скотом, земледельческая система остается в пределах экстенсивного трехполья. В субтропическом поясе Евразии и Северной Африки в условиях резкого сокращения обеспеченности скотом и дезинтеграции животноводства и земледелия осуществляется переход к частичной травопольной системе. В западной части субтропического пояса - Средиземноморье и Ближнем Востоке - частичная травопольная система является высшей формой докапиталистической интенсификации земледелия. В муссонной Азии в ходе дальнейшей интенсификации земледелия происходит переход к интенсивной "азиатской" системе, характеризующейся полным уничтожением пара и пастбища и дальнейшим снижением роли крупного рогатого скота в поддержании плодородия почвы.

Таким образом, природные условия не задают непосредственно земледельческую систему, а определяют типологический ряд, в котором переход от менее интенсивной системы к более интенсивной происходит под влиянием роста плотности населения. При этом переход из одного типологического ряда в другой становится невозможным.

Расхождения в уровнях обеспеченности скотом и в степенях интеграции животноводства и земледелия обусловили разнонаправленность эволюции земледелия в различных регионах. В умеренном поясе Европы в ходе интенсификации земледелия под влиянием роста населения наблюдалось увеличение обеспеченности скотом в расчете как на душу населения, так и на единицу обрабатываемой площади. Достижение необходимого минимума поголовья скота позволило в западной и центральной части этого региона осуществить переход к травопольной системе. Переход к травопольной системе означал как увеличение урожайности, так и расширение обрабатываемой площади в расчете на одного земледельческого работника. Это позволило существенно увеличить производство продукции земледельческим работником при умеренном росте его трудозатрат и наладить перекачку рабочей силы из

земледелия в промышленность. Наличие такой перекачки стало важнейшим фактором, обусловившим переход от доиндустриального к индустриальному типу производительных сил.

В отличие от этого в субтропической полосе в ходе интенсификации земледелия под действием роста населения происходило вытеснение скота из земледелия и замещение пастбища пашней. Это вело к увеличению емкости территории относительно населения. Однако вытеснение и сокращение поголовья скота как на душу населения, так и на единицу обрабатываемой площади приводило к снижению обеспеченности хозяйства важнейшим фактором урожайности - органическим удобрением и тем самым к снижению производительности труда крестьянина. Вследствие этого для надлежащего удобрения обрабатываемой площади требовалось уменьшение ее размеров в расчете на одного работника, а также значительное увеличение трудозатрат работника, связанных с необходимостью работ по ирригации, внесению компоста.

Абсолютные показатели трудозатрат на одного работника земледелия в год составляют: около 700 часов при малоинтенсивной ротационной системе [69;с.33], 1200 часов при трехполье в средневековой Англии и свыше 3000 часов в трудоинтенсивных системах Восточной Азии [69;с.34].

В результате в рамках данного типа интенсификации происходило такое сокращение обрабатываемой площади в расчете на одного работника, которое сводило на нет увеличение урожайности единицы обрабатываемой площади, так что дальнейшее увеличение земледельческого продукта, производимого работником, требовало резкого увеличения его трудозатрат. Подобный тип развития можно назвать инволюционным. В ряде областей тропического пояса, например, в Тропической Африке, какая-либо интеграция животноводства и земледелия отсутствовала вообще и процесс интенсификации земледелия с самого начала происходил в условиях инволюции. Это имело крайне неблагоприятные последствия для процесса перекачки рабочей силы из сельского хозяйства в несельскохозяйственную сферу производства. Повсеместно, за исключением Западной Европы, сформировался высокий компенсационный барьер.

§ 2. Сущность компенсационного барьера и условия перехода к капитализму.

Что представляет собой компенсационный барьер? Для обеспечения перекачки рабочей силы из сельского хозяйства в промышленность требуется, чтобы производительность труда крестьянина в ходе интенсификации его труда не снижалась, а значит, чтобы темп роста промышленного продукта, получаемого крестьянином в обмен на его собственную продукцию, не отставал от темпа роста трудозатрат крестьянина. Если рост трудозатрат крестьянина в ходе интенсификации земледелия не компенсируется поступлением в его распоряжение дополнительного промышленного продукта, то это приводит к снижению производительности труда крестьянина в единицах промышленного продукта и прекращению перекачки. Поэтому, чем ниже темпы роста трудозатрат крестьянина, требуемые для увеличения производимого им продукта, тем более низкие темпы роста промышленного продукта, поступающего в распоряжение крестьянина, требуются для начала перекачки, т. е. тем легче начать перекачку рабочей силы из сельского хозяйства в промышленность.

Умеренный рост трудозатрат крестьянина в силу высокой обеспеченности скотом позволил в Северо-Западной Европе начать перекачку еще в условиях господства мануфактурной техники. Компенсационный барьер здесь был самым низким в мире. И наоборот, чем выше рост трудозатрат крестьянина, необходимый для увеличения его продукта и обеспечения перекачки, тем больший объем промышленного продукта необходимо направлять в распоряжение земледельца для компенсации роста его трудозатрат, а следовательно, тем более высокий уровень развития промышленной техники требовался для начала процесса перекачки, тем больше была высота компенсационного барьера.

Поэтому в субтропическом и тропическом поясах развитие докапиталистических обществ имело циклический характер и происходило в рамках единой докапиталистической формации, характеризующейся отсутствием перекачки рабочей силы из сельского хозяйства в несельскохозяйственные отрасли. Экономический рост здесь неизбежно наталкивался на естественный барьер, когда доля населения, не занятого в сельском хозяйстве, не может превысить 10-15 % всего населения. По достижении этого предела перекачка рабочей силы из земледелия в промышленность становится невозможной.

Дальнейший рост плотности населения приводит к аграрному перенаселению и снижению земледельческого продукта на душу населения по мере сокращения обрабатываемой площади в расчете на работника, что влечет за собой снижение удельного веса неземледельческого населения. Все это серьезнейшим образом влияет на социальную структуру общества: возникает централизованная деспотия. Она выполняет следующие функции:

- * увеличение налогов с земледельцев для недопущения снижения удельного веса неземледельческого населения;
- * ограничение свободной торговли зерном и установление предельных цен на него;
- * регламентация ремесла и увеличение времени труда в ремесле;
- * истребление крупной земельной аристократии, крупных торговцев и конфискация их земли и капитала;
- * замена старой земельной знати меритократией.

Происходит свертывание товарно-денежных отношений и максимизация функции натурального распределения. По аналогии с физикой данный процесс можно сравнить с гравитационным коллапсом.

Гравитационные коллапсы имели место на протяжении всей полосы древней цивилизации, земледелие которой проходило стадию двуполья. В прибрежной полосе Средиземноморья гравитационный коллапс ознаменовал переход от Римской республики к империи в конце I в. до н.э., в Индии – образование в IV в. до н.э. империи Маурьев, в Китае в III в. до н.э. – Цинской империи. Во внутренних областях Средиземноморья и в Японии гравитационные коллапсы произошли гораздо позднее: в Испании и Италии – в XVI в. н.э., в Японии – XVII в. н.э.

В ходе гравитационного коллапса рыхлая феодально-клановая политическая структура сменяется жесткой пирамидой меритократии. Резко возрастает вертикальная мобильность в обществе. Интересно отметить, что в общественном сознании снижение продукта земледельца, происходящее вследствие роста аграрного перенаселения, получает извращенное отражение и выступает как следствие недостаточного удельного веса земледельческого труда в трудовом балансе общества. Это приводит к утверждению во всех гравитационных деспотиях знаменитого китайско-

го принципа "обрубать ветки, укреплять ствол", т.е. осуществляется политика поощрения земледельческой деятельности и ограничение всех видов посреднической торговли. Активизируется процесс перераспределения земли между крестьянами. Крупные землевладения и торговые капиталы подвергаются конфискации, а их владельцы - уничтожению.

На протяжении периода гравитационного коллапса индекс потребления на душу населения стабилизируется на неизменном уровне, рост населения замедляется. Однако даже при незначительном росте населения удельный вес работников не-земледельческой сферы неуклонно снижается по мере снижения продукта земледельца. Начинается всеобщее снижение уровня потребления на душу населения и абсолютное его обнищание. Государство увеличивает натуральный налог с крестьян для перераспределения зерна в сферы ремесла и управления, что приводит к снижению потребления земледельцев и росту их недовольства. В то же время снижение продукта земледельца ведет к относительному уменьшению государственного аппарата подавления. Начинаются крестьянские восстания, которые ослабленный карательный аппарат не в состоянии подавить. Централизованная государственная структура распадается. Население сокращается вследствие голода и междоусобных войн. Происходит демографический коллапс.

Глубина демографического коллапса зависит от продолжительности периода стабильности уровня потребления на душу населения, которая, в свою очередь, зависит от темпа снижения продукта земледельца. Чем меньше скорость снижения продукта земледельца, тем продолжительнее период стабильности уровня потребления на душу населения, тем больше глубина демографического коллапса. В ходе демографического коллапса сбрасывается весь прирост населения, образовавшийся на протяжении периода стабильности уровня потребления на душу населения, как правило это от 25 до 40 % общей численности населения.

Гравитационный коллапс необходимо влечет за собой демографический коллапс, после которого вновь восстанавливается централизованная деспотия и начинается период экономического роста, в свою очередь завершающийся новым демографическим коллапсом.

Таким образом, для всех докапиталистических обществ, земледелие которых

проходило стадию двуполья, характерна цикличность развития. Вместо перехода к капитализму имело место циклическое развитие докапиталистического расширенного воспроизводства, время от времени прерываемое демографическими коллапсами.

Такие коллапсы происходили в прибрежной полосе Средиземноморья в III-IV вв. н.э., в Византии в VII-VIII вв. н.э., в Испании и Италии в XVII в. н.э., в Индии в III-II вв. до н.э. и V-VI, XIII-XIV вв. н.э., в Китае во II и VI вв. н.э. и в 1250-1350, 1520-1700, 1840-1880 годах н.э., в Японии в XVIII в. н.э. В ходе демографического коллапса XIV-XV вв. н.э. Византийская империя распалась и была завоевана кочевниками-турками, в результате чего возникла Османская империя в границах Византийской.

Демографические коллапсы сопровождались распадом государственной структуры, поэтому Византия, Индия и Китай подвергались, как правило, в эти периоды опустошительным нашествиям кочевых народов. В некоторых случаях, при достаточно малых размерах страны, демографические коллапсы проходили без полного распада государственной структуры. Например, в Испании и Японии государственные структуры в целом сохранялись. В этих случаях население сокращалось от голода, эпидемий и организованного властями геноцида (инквизиция в Испании и система детоубийства в Японии).

На материале китайских коллапсов, изученных лучше других, можно проследить постепенное уменьшение глубины демографических коллапсов по мере роста общей численности населения на расширяющейся территории. Так, например, население Китая с 70 млн. чел. во 2 г. н.э. сократилось до 43 млн. в 156 г., т.е. почти на 40 % [66;с.71]. В то же время в 1851-1882 гг. население Китая уменьшилось на 50 млн. человек - с 431 млн. до 381 млн. - что составляло около 12 % [38;с.115].

Особый характер цикличность развития имела в тропическом поясе, где интенсификация земледелия проходила в рамках пролонгированных ротационных систем. Здесь гравитационные коллапсы носили размытый характер. Объясняется это тем, что в условиях полного отсутствия интеграции земледелия и животноводства темпы снижения продукта земледельца были очень низкими, соответственно, требовалось весьма незначительное увеличение времени труда в ремесле. С другой стороны, низкий абсолютный размер продукта земледельца не позволял иметь развитый

бюрократический аппарат, характерный для субтропических деспотий. В тропическом поясе гравитационные коллапсы осуществлялись посредством ползучей деспотизации феодально-клановых протогосударственных структур без перехода к меритократии. Такая деспотизация носила, как правило, незавершенный характер, поэтому границы между тропическим протогосударством и деспотией весьма зыбки и условны. Ни одно государство этого пояса не могло достигнуть плотностей населения, характерных для субтропической зоны, ибо вследствие особенностей тропического климата при превышении определенного максимума плотности населения резкое увеличение смертности от инфекции сводило на нет весь прирост населения.

Если гравитационный коллапс в тропиках носит размытый характер, то демографический коллапс протекает в более острой форме, чем в субтропической полосе: экосистема зачастую оказывается подорванной в такой степени, что население вынуждено покинуть территорию своего прежнего обитания и мигрировать на неосвоенные земли. Примером этого служит история народов майя, Ангкорской империи, древнего Цейлона и множества государств Тропической Африки.

Что же в этот период происходило в Западной Европе? В умеренной полосе региона был накоплен минимум поголовья скота, необходимый для перехода к правильному трехполью, однако скота было все еще недостаточно для перехода от трехполья к травополью. Рост населения приводил к наступлению пашни на пастбище. Население Англии, например, выросло с 1,1 млн. человек в 1086 г. до 3,8 млн. в 1348 г. [80;с.72]. Примерно в 3 раза возросла его плотность, достигшая в ряде районов 30-35 чел. на кв. км [96;с.90]. Но недостаток скота не позволял осуществлять дальнейшую интенсификацию земледелия. Удельный вес городского населения в Англии возрос с 5 % в 1086 г. до 12 % в 1377г. [21;с.394]. По-видимому, эти 12 % и есть тот максимум, который может быть достигнут в условиях чистого трехполья. Однако Северо-Западную Европу миновал гравитационный коллапс. Причина этого заключается в следующем.

Для того, чтобы гравитационный коллапс мог иметь место, необходимо сравнительно плавное снижение продукта земледельца, которое может быть компенсировано увеличением времени труда в ремесле, так что индекс потребления на душу населения остается неизменным. А темпы снижения продукта земледельца при по-

вышении плотности населения прямо пропорциональны роли скота в поддержании плодородия почвы. При трехполье эта роль скота гораздо выше, чем при двухполье и системах развившихся на его основе. Поэтому наступление пашни на пастбище при трехполье приводит к более высоким темпам сокращения поголовья скота, а следовательно, урожайности и продукта работника. Никакое увеличение времени труда в ремесле не может стабилизировать уровень потребления на душу населения. Начинается сразу демографический коллапс без предшествующего гравитационного. Последствия этого имели чрезвычайно важное значение. В Северо-Западной Европе не возникли централизованная деспотия и регламентация ремесла государством и не произошло ограничения сферы товарно-денежных отношений.

Демографический коллапс здесь разразился в середине XIV в. в виде так называемой "черной смерти" - общеевропейской эпидемии чумы, которой предшествовали участившиеся периоды массового голода. В результате коллапса население Северо-Западной Европы сократилось с 35,5млн. человек в 1340г. до 22 млн. в 1450г. [84;с.39], а население Англии - с 3,8 млн. в 1348 г. до 2,1 млн. в 1430 г. [80;с.72], Франции - с 17 млн. до 10 млн. человек [60;с.94].

Последствия демографического коллапса в Северо-Западной Европе кардинально отличались от последствий, имевших место в субтропической полосе. Сокращение населения привело к высвобождению скота. В расчете на душу населения увеличилось как количество земли, так и количество скота. Сокращение потребностей в продовольствии позволило выделить часть пашни для выращивания овса для лошадей. Внедрение лошади, в свою очередь, позволило значительно увеличить обрабатываемую площадь в расчете на хозяйство. Если до коллапса в Англии лишь 25 % дворов имели по 30 акров, то в XV-XVI вв. гораздо больший удельный вес имела группа хозяев, располагавших более чем 40 акрами [23;с.264]. Если в течение всего XIV и большей части XV столетия один акр пастбищ приходился на 2, 3 и даже 4 акра пашни, то в середине XVI столетия пропорция эта изменилась так, что 2 акра пастбищ стали приходиться на 2, а позднее на 1 акр пашни, пока, наконец, не была достигнута правильная пропорция: 3 акра пастбища на 1 акр пашни [24;с.739].

Обобщающим итогом коллапса явилось увеличение как урожайности, так и обрабатываемой площади на хозяйство, а следовательно, продукта земледельца на

душу населения.

Здесь может возникнуть правомерный вопрос: каким же образом мог высвобождаться скот в ходе демографического коллапса? Ведь, по логике вещей, при нехватке продовольствия его должны были употребить в пищу? Думающие так не учитывают фактор социального и имущественного расслоения крестьянства. Дело здесь в том, что демографический коллапс - не какое-то однократное бедствие, это длительный и сложный процесс адаптации населения к изменившимся условиям воспроизводства. В ходе этого процесса высвобождение скота осуществляется путем перераспределения поголовья от беднейших имущественных групп крестьянства к богачейшим. При этом беднейшие крестьяне вымирали от голода и болезней, а богачейшие концентрировали в своих руках все большую часть общественного поголовья.

Таким образом, высвобождение скота при вымирании значительной части населения - не большее чудо природы, чем, к примеру, появление на родных просторах очень богатых людей в условиях обвального спада производства и обнищания большей части населения России и Украины.

В политической сфере результатом демографического коллапса XIV века было возникновение абсолютной монархии. Абсолютная монархия, или псевдодеспотия, в отличие от настоящей деспотии, не регулирует экономику непосредственно, а оказывает влияние на экономическое развитие налоговой политикой и поддержкой нарождающейся предпринимательской буржуазии. Товарно-денежные отношения не ограничиваются, а наоборот, всячески расширяются. К. Маркс отмечал, что абсолютная монархия "...уже сама есть продукт развития буржуазного богатства, поднявшегося на несовместимую с прежними феодальными отношениями ступень... Превращение всех налогов в денежные налоги - для абсолютной монархии вопрос жизни..." [30;с.410].

Но может возникнуть вопрос: почему в условиях абсолютной монархии удалось сделать то, что ни разу не удавалось где-либо до этого, а именно превратить натуральные налоги с крестьян в денежные? Ведь история знает немало таких попыток, достаточно упомянуть реформы Диоклетиана, других римских, также китайских императоров. Дело в том, что в гравитационных деспотиях по мере роста аг-

рарного перенаселения сокращался земледельческий продукт в расчете на душу населения и, соответственно, росла цена единицы этого продукта в сравнении с единицей ремесленного продукта. В результате, получая с крестьян в виде налога все большее количество денег, власти могли бы купить за него все меньшее количество зерна. Таким образом, перевод налога в деньги был для деспотии абсолютно бессмысленным, ибо перед ней стояла задача увеличения производства зерна в натуре, а не его цены.

Однако условием дальнейшего поступательного развития капиталистических отношений было повышение удельного веса работников ремесла на основе роста продукта земледельца. Для этого требовался переход к травополью и плодосмену.

В свою очередь, для перехода к травопольной системе требовалось вносить 10 т органического удобрения на 1 га пашни [86;с.260]. Но только в Англии, Голландии, Нормандии, Фландрии и ряде областей вокруг Северного моря был накоплен необходимый для этого перехода минимум поголовья скота. Во внутренних областях Центральной Европы скота было все еще недостаточно. Вновь начиналось наступление пашни на пастбище, приведшее к падению урожайности и новому демографическому коллапсу.

Второй демографический коллапс, разразившийся в Западной Европе в XVII в., сильнее всего поразил Германию, население которой сократилось в 1600-1700 гг. на 40 % [80;с.104]. Население Франции сократилось незначительно. Лишь Англия, Голландия и области вокруг Северного моря избежали второго демографического коллапса, перейдя к травополью и плодосмену, население всего этого региона в 1600-1700 гг. выросло с 12 до 16 млн., человек [71;с.5], а население Англии и Голландия возросло на 25 % [80;с.104].

Только высвобождение скота в результате второго демографического коллапса позволило осуществить переход к травополью и плодосмену в Центральной Европе. Этот период продолжался примерно полтора столетия, начиная с середины XVIII в. В то же время в Англии уже в XVII в. удельный вес населения, занятого в сельском хозяйстве, снизился до 60 % [78;с.86], в Голландии доля городского населения в 1622г. составляла 60 % [46;с.200]. Странам Центральной Европы и Франции удалось снизить долю занятых в сельском хозяйстве до 60 % лишь в 40-е годы XIX

в., к концу которых в Англии она составляла 22 % [64;с.30].

Превосходство Североморского региона в темпах развития по сравнению с остальной Европой и превосходство Англии объяснялись оптимальными условиями содержания скота, приводившими к быстрому росту его поголовья. Эти условия характеризовались обилием естественных пастбищ и длительным безморозным периодом, в течение которого скот можно было пасти, не прибегая к заготовке кормов. Чем дальше на восток Средней Европы, тем короче безморозный период и, соответственно, длиннее период стойлового содержания скота, и тем большая потребность в заготовленных кормах. Необходимость дополнительных трудозатрат по заготовке кормов не позволяла земледельцам Центральной и особенно Восточной Европы наращивать поголовье скота такими же темпами, как Англия.

Что касается собственно Восточной Европы, то существовавшее там трехполье носило формальный характер: по степени обеспеченности скотом, и, следовательно, потенциалу урожайности оно было ближе к средиземноморскому двуполью, чем к западноевропейскому трехполью.

В России гравитационный коллапс в XVI в. проходил в условиях перехода от ротационных систем к трехполью и завершился в начале XVII в. демографическим коллапсом. Однако высвобождение скота не произошло вследствие недостаточности его поголовья. В дальнейшем происходило неуклонное наступление пашни на пастбище, однако этот процесс в сильной степени замедлялся миграцией населения на обширные неосвоенные территории. Таким образом было предотвращено повторение демографического коллапса. "Второе издание" крепостничества имело место в Европе в XVI-XVIII вв. к востоку от Одера - там, где внешняя миграция населения, спасавшегося от демографического коллапса, грозила подрывом системы разделения труда между земледелием и ремеслом.

Что касается Польши, то ее земледельческая система занимала промежуточную позицию между формальным трехпольем России, неспособным трансформироваться в травополье, и правильным трехпольем Восточной Германии и Прибалтики, способным к такой трансформации. В Польше скота было больше того количества, которое не позволяет избежать гравитационного коллапса, но меньше того, которое обеспечивает переход к травополью путем последовательного высвобождения ско-

та. К тому же возможности для внешней миграции населения страны, в отличие от России, были весьма незначительными и быстро исчерпаны. В результате с середины XVII в. Польша перешла в режим демографической пульсации, характеризовавшейся постоянно повторяющимися демографическими коллапсами, сливающимися в перманентный демографический коллапс. Это привело к полному развалу всех общественных структур рыхлой конфедерации и разделу страны соседними державами.

На севере Европы, в скандинавских странах и Финляндии трехполье плавно переходило в травополье путем накопления скота без демографических коллапсов и прочих потрясений. Это объясняется тем, что в условиях сравнительно небольших размеров пригодной для земледелия территории этих стран, не могли сформироваться необходимые для демографического коллапса обширные и мощные зоны аграрного перенаселения, характерные для основного массива континента.

На территориях внутреннего атлантического полукольца (Ирландия, часть Шотландии, Уэльс, Бретань) условия для содержания скота были еще более благоприятными, чем в Англии, что обуславливало быстрый рост его поголовья. Однако избыточное увлажнение в этих областях препятствовало полному созреванию зерновых, что не позволяло увеличивать урожайность и плотность населения. В этом регионе продолжали господствовать ринговые системы и не произошел переход к трехполью.

Последний демографический коллапс в Европе произошел в середине XIX века в Ирландии и сопровождался массовой эмиграцией населения в Америку. По сей день Ирландия является единственной страной мира, не восстановившей численность населения середины прошлого века: население Ирландии в 1841 г. превышало 8 млн. чел., сейчас - 4,5 [76;с.19].

Сопоставим уровни производства и производительности труда в земледелии Западной Европы и Японии накануне промышленного Переворота. Урожайность зерновых в Индии и Китае не превышала японский уровень, который, таким образом, может служить в качестве примера, характерного для трудоинтенсивного земледелия Азии в целом. В Англии в 1770 г. средняя урожайность пшеницы составляла около 20 ц /га, во Франции - около 16 ц /га [90;с.22]. В Японии средняя урожай-

ность риса с XVI в по 70-е годы XIX в. находилась в пределах 14-17 ц /га [67;с.79]. Учитывая, что население Англии в 1760 г. составляло 6,6 млн. человек и около половины его занималось земледелием, а обрабатываемая площадь достигала 8 млн. га [68;с.137,155], то это при существовавшем уровне урожайности означает, что на душу сельского населения приходилось 50 ц зерна. В то же время в Японии, где на душу населения в 1800 г. приходилось 0,12 га обрабатываемой земли [77;с.92], даже при сборе двух урожаев в год продукция риса на душу населения не превышала 4,08 ц.

Ещё большим, чем 12-кратный разрыв между Англией и Японией по продукции зерна на душу населения, был разрыв в уровнях производительности земледельческого труда, так как земледелие Японии было гораздо более трудоинтенсивным, чем английское.

Главным преимуществом Англии и, в меньшей степени, остальной Западной Европы перед Востоком была возможность увеличивать продукт работника земледелия не только за счет повышения урожайности, требовавшего роста трудозатрат, но и в еще большей степени за счет расширения обрабатываемой площади в расчете на одного работника. Возможность такого расширения была обусловлена преимуществами травопольной системы, в рамках которой уже к концу XVII века в Англии был достигнут уровень поголовья скота в одну голову на душу населения, остававшийся для многих стран недоступным и столетия спустя.

В то время, когда в Северо-Западной Европе переход к травополью вел к росту обрабатываемой площади на душу населения, трудоинтенсивное земледелие Азии находилось в состоянии глубокой инволюции. Так, в Китае обрабатываемая площадь в расчете на душу населения сократилась с 0,36 га в 1400 г. до 0,23 га в 1760 г. и 0,21 га в 1913 г. [77;с.88]; в Японии - соответственно, с 0,12 га в 1600 г. до 0,11 га в 1905 г.; в Индии, соответственно, с 0,37 га в 1600 г. до 0,28 га в 1901 г.; на Яве - с 0,3 га в 1815 г. до 0,23 га в 1900 г. [77;с.92, 96, 100].

В странах трудоинтенсивного земледелия Японии, Индии, Китае - уровень поголовья скота на душу населения не превышал 30 % английского, причем в Японии и Внутреннем Китае он падал ниже 10 %.

При плотностях населения 120-150 чел/кв. км это приводило к тому, что про-

дукт земледельца мог быть увеличен только при громадном росте трудозатрат. Такое увеличение трудозатрат земледельцев требовало компенсации в виде промышленного продукта, которая не могла быть достигнута при уровне техники периода промышленного переворота в Западной Европе. Япония достигла этого уровня компенсации в 70-е годы XIX в., позволившего начать перекачку рабочей силы из земледелия в промышленность, только за счет использования техники, уже изобретенной в Западной Европе. При этом численность занятых в сельском хозяйстве Японии оставалась стабильной на протяжении 1872-1940 гг., составляя около 14 млн. чел., а весь прирост сельского населения вбирался в промышленность. За этот период неземледельческое население страны увеличилось на 35 млн. чел [75;с.132].

Указанная особенность очень важна для объяснения того, что только Япония и именно она смогла стать единственной из стран Востока, сумевшей утвердиться на пути независимого капиталистического развития. В странах с трудоинтенсивным земледелием всякий прирост населения, занятого в земледелии, вел к сокращению земельной площади, приходящейся на одного работника и, при неизменном уровне его трудозатрат, к сокращению его продукта. Поэтому, например, в Китае в 1875-1914 гг. население возросло на 19 %, а площадь пашни лишь на 11 %, в результате производство зерна на душу населения сократилось с 326 кг до 301 кг [37;с.118]. Следовательно, земледельцы должны были увеличивать затраты труда для того, чтобы удержать продукт на прежнем уровне и не допустить его снижения. Перекачка рабочей силы из земледелия в промышленность требовала столь сильного увеличения трудозатрат земледельцев, что оно не могло быть компенсировано увеличением поступившего в земледелие промышленного продукта и вызывало снижение производительности труда земледельцев в единицах промышленного продукта, а следовательно, прекращение перекачки.

Япония сумела избежать этого явления именно потому, что весь прирост земледельческого населения при переходе к капитализму вбирался в промышленность и не действовал в сторону снижения продукта земледельца.

В Китае и Индии, где в этот период имелось соответственно 0,23 и 0,37 га обрабатываемой земли на душу сельского населения [77;с.88, 96], прирост этого населения никогда не вбирался в промышленность полностью. Часть прироста, остав-

шаяся в земледелии, отклоняла продукт работника в сторону снижения и не позволяла осуществлять перекачку рабочей силы в промышленность. Невозможность поглощения всего прироста земледельческого населения промышленностью в Индии и Китае объясняется слишком большими его абсолютными размерами, невозможностью обеспечения его средствами производства за счет импорта. Япония располагала в этом отношении оптимальной численностью населения.

Что касается Западной Европы, где земледельческое население возрастало абсолютно в Англии до 1851г., во Франции - до 1876 г., в Германии - до 1890г. [77;с.139], то такое увеличение сопровождалось ростом трудозатрат, производительности труда и продукта работника, так как происходило в рамках травопольной и плодосменной систем. Исключением является Голландия. Здесь еще в XVII в. была достигнута японская плотность населения и произошел переход к плодосменной системе. Однако во второй половине этого века темпы развития промышленности замедлились. Перекачка рабочей силы из сельского хозяйства приостановилась. В XVIII в. произошло частичное возвращение рабочей силы в земледелие. Это объясняется следующей причиной. Голландская плодосменная система земледелия была менее трудоинтенсивной и более производительной, чем японская, в силу обеспеченности скотом. Однако по достижении высокой плотности населения исчезали возможности увеличения продукта работника за счет расширения обрабатываемой площади, так как все большую ее часть занимали кормовые культуры. Голландское земледелие попало в тупик на более высоком этапе производительности, чем японское. Перекачка рабочей силы в промышленность возобновилась лишь в XIX в., когда начала применяться разработанная в Англии машинная техника.

Решающим условием перехода к капитализму является непрерывное увеличение удельного веса неземледельческих работников, дающее возможность направлять их в отрасли инвестиционного комплекса для производства средств производства. Такое увеличение изначально могло быть достигнуто лишь в условиях травопольной системы земледелия, сформировавшейся в Северо-Западной Европе на определенном этапе интенсификации земледелия при посредстве высвобождения скота.

Распространение Реформации и становление протестантской этики, которыми

ряд исследователей пытаются объяснить зарождение капитализма, представляют собой не что иное как отражение в общественном сознании, других надстроечных институтах, опережающих темпов роста поголовья скота в странах Североморского региона.

Нетрудно заметить, что область Европы с наивысшим уровнем поголовья скота на душу населения и на единицу обрабатываемой площади - Североморский регион - подозрительно совпадает с ареалом распространения Реформации и западноевропейского протестантизма. Но это еще не все. Североморский регион является также монархическим заповедником Европы, своеобразной "зоной консенсуса", где буржуазные революции и переход политической власти к буржуазии осуществлялись в условиях исторического компромисса с быстро обуржуазивающимся дворянством и при формальном сохранении монархии.

Что касается стран Южной Европы, Средиземноморья, например, Испании, Португалии, Турции, то проникновение сюда капитализма извне вело к постепенному размыванию гравитационных деспотий, превращению их в абсолютные монархии и дальнейшей эволюции в направлении квазиреспубликанского диктаторского этатизма.

Таким образом, можно сделать вывод о существовании одной докапиталистической классовой формации. Характерные признаки этой формации, отличающие ее от капитализма, следует на наш взгляд, искать не в сфере отношений собственности, а в сфере взаимоотношений промышленности и земледелия. В этой формации рост населения является главным фактором экономического развития.

В рамках данной докапиталистической формации следует выделить два основных типа развития:

1. Циклическое докапиталистическое расширенное воспроизводство во всем мире за пределами Северо-Западной Европы; страны этих регионов не могли самостоятельно перейти к капитализму, так как их земледелие проходило стадию двуполья либо пролонгированной ротации с вытеснением скота;

2. Поступательное развитие в направлении капитализма в Северо-Западной Европе, где земледелие проходило стадию трехполья с высвобождением скота.

Внутри этих типов классификация хозяйственных систем и их социальных

структур должна производиться соответственно земледельческим системам - ступеням интенсивности земледелия.

На стадии ротационных систем возникает протогосударственная структура, сменяющаяся при переходе к дву- или трехполью рыхлой феодальной, либо феодально-клановой структурой. Переход к частичной травопольной, азиатской системам либо к формальному трехполью влечет за собой гравитационный коллапс и гравитационную деспотию. Переход от чистого трехполья к травополью сопровождается установлением абсолютной монархии. Буржуазная революция является не исходным пунктом, а результатом длительного развития капиталистического уклада в рамках абсолютной монархии. Наконец, в тропическом поясе при господстве ротационных систем гравитационные коллапсы вели к поверхностной деспотизации протогосударственных структур.

А как же рабовладельческий строй, феодализм, азиатский способ производства? На наш взгляд эта схема является совершенно ложной.

Что рабовладельческого строя не было и быть не могло, а был сравнительно небольшой по масштабу уклад в рамках одной докапиталистической классовой формации - это давным-давно доказал Ю. М. Кобищанов [17]. Что до капитализма существовала лишь одна классовая формация - это доказали тот же Кобищанов, а также В. П. Илюшечкин [10], причем Кобищанов называет ее большой феодальной, а Илюшечкин - рентной. Что не было азиатского способа производства - видно из нашей схемы: то, что Маркс называл этим термином, а именно - гравитационная деспотия, во-первых является не первичным классовым образованием, как считал Маркс, а продуктом довольно длительного развития, а во-вторых, не представляет собой специфически азиатский феномен, а является стадией общественного развития, общей для всех регионов мира за пределами Северо-Западной Европы в рамках циклического типа докапиталистического расширенного воспроизводства. Феодализм в узком смысле (рыхлая децентрализованная структура) непосредственно предшествует как гравитационной деспотии, так и абсолютной монархии. Это наглядно видно из следующей схемы типов воспроизводства и соответствующих им социальных структур:

* циклический тип: протогосударство - рыхлая феодально-клановая структу-

ра - гравитационная деспотия - демографический коллапс, децентрализация - восстановление гравитационной деспотии;

* поступательный тип: протогосударство - рыхлая феодально-клановая структура - абсолютная монархия - капитализм (буржуазная республика либо парламентская монархия).

Что касается частнособственнической античной структуры, от которой якобы произошел западноевропейский капитализм, то по этому поводу можно сказать следующее.

Капитализм зародился спустя тысячу с лишним лет после гибели античной структуры, и, кроме того, совсем в другом месте, а именно в Северо-Западной Европе. Но главное даже не это. Принципиально важно другое - что собой представляла античная структура и каким было направление ее эволюции. Собственно античная структура располагается в стадийном интервале между поздним протогосударством (микенская Греция, царский Рим) и гравитационной деспотией (эллинистические и Римская империи). Она действительно характеризуется широким развитием частнособственнических отношений, политической демократией, республиканской формой правления (греческие полисы и Римская республика). Однако все это не имело ни малейшего отношения к капитализму. Широкое развитие товарно-денежных отношений, масштабные торговые и финансовые спекуляции - все это было и в других регионах субтропической полосы Евразии, достаточно упомянуть Сирию, Вавилонию, Персию, Индию, Китай. И, как во всех этих странах, в Средиземноморье все закончилось гравитационным коллапсом и гравитационной деспотией (Римская империя). Собственно, результат и не мог быть иным, ибо для перехода к капитализму развитых товарно-денежных отношений явно недостаточно, требуется перекачка рабочей силы из сельского хозяйства в промышленность, в данном случае невозможная по причине высокого компенсационного барьера.

Фактически античные республики (греческие и Римская) представляют собой модификацию раннего государства, предшествовавшего гравитационной деспотии. Если в других регионах гравитационной деспотии предшествовали, как правило, рыхлые децентрализованные структуры "раннего государства", то в Средиземноморье - жестко структурированные республики. Причины такой модификации еще не

вполне ясны, но одну из них, думается, все же можно назвать. Это замеченный еще М. Вебером береговой характер античной цивилизации, подавляющее большинство населения которой жило на расстоянии не более 50 км от побережья Средиземного моря.

Наличие коммуникаций по Средиземному морю резко увеличивало интенсивность торговых связей между городами по сравнению с чисто сухопутными регионами субтропической полосой. Это происходило вследствие того, что затраты на транспортировку грузов по морю были в десятки раз ниже, чем по суше. Соответственно, каждый прибрежный город мог контактировать в торговой сфере с гораздо большим количеством прибрежных контрагентов, чем сухопутный город.

Данное обстоятельство приводило к тому, что каждый из береговых полисов был политически и экономически больше связан с другими береговыми полисами, чем со своим непосредственным хинтерландом. Поэтому вместо рыхлой децентрализованной феодальной государственной структуры, для которой характерна связь преимущественно по линии "город - хинтерланд", в античных полисах этого периода возобладали сравнительно жестко структурированные республики.

В свою очередь, наличие более мощной политической власти и преимущества в области разделения труда, проистекавшие из наличия коммуникаций по Средиземному морю, вели к увеличению удельного веса рабовладельческого уклада в экономике античных республик в сравнении с другими регионами субтропической полосы. Однако этот уклад нигде не был и не мог быть господствующим, подавляющее большинство населения везде составляли свободные крестьяне.

Например, в конце I века до н.э. население Италии составляло 6 млн. человек, из них рабов 1,5 млн., т.е. 25 % всего населения, а свободных - 4,5 млн. (или 75 %). В Галлии и Испании в это же время было тоже по 6 млн. чел., а во всей Римской Империи - 55 млн. чел. [45;с.64-65].

Наибольшее развитие рабовладельческого уклада в период античности приходится именно на время господства республик - греческих и Римской, - когда рост продукта земледельца способствовал перекачке рабочей силы из сельского хозяйства и росту товарно-денежных отношений. С наступлением гравитационного коллапса (переход к эллинистическим и Римской империям) доля рабовладельческого ук-

лада значительно сокращается. Но угасание рабства в качестве отдельного, противостоящего другим, хозяйственного уклада происходит не только за счет освобождения частнохозяйственных рабов, но и за счет превращения ранее лично свободного населения в рабов деспотического государства. Фактически происходит стирание различий между рабом и лично свободным крестьянином или ремесленником: все они становятся бесправными подданными гравитационной деспотии.

Что касается гравитационного и демографического коллапсов в Средиземноморье (переход от Римской республики к империи и распад последней), то здесь может возникнуть правомерный вопрос: каким образом могло иметь место аграрное перенаселение в прибрежной полосе при низкой плотности населения в хинтерланде? Ведь в этом случае население могло свободно мигрировать с перенаселенного побережья вглубь Европы. Однако в реальности этот выход был блокирован. Дело здесь опять-таки в том, что расселение на средиземноморском побережье обеспечивало преимущество в морских торговых коммуникациях и вытекавшее из него преимущество в области разделения труда в сравнении с чисто сухопутными регионами. Всякое движение со средиземноморского побережья вглубь Европы вело к снижению уровня общественного разделения труда и, следовательно, производительности труда и уровня жизни населения.

Таким образом, повышение плотности населения во внутренних областях Европы в эпоху Римской империи осуществлялось весьма медленными темпами. Вообще Римская Империя - государство в виде бублика с дыркой Средиземного моря посередине - могла существовать только при условии, что плотность населения в прибрежной полосе на порядок выше плотности населения в хинтерланд. По мере выравнивания этих показателей центробежные силы неизбежно разрывали средиземноморское единство на ряд мелких региональных образований и постепенно сливавшихся в крупные национальные государства - Италию, Испанию, Францию и др. Впрочем, детальный анализ этого явления относится к сфере компетенции уже, пожалуй, не политэкономии, а математической топологии.

Разумеется, гравитационные деспотии могли различаться между собой по значительному ряду характеристик, принадлежать к разным религиозным и культурным традициям, разным цивилизациям. Находясь в сходных социально-

экономических условиях, они могли реагировать на внешние шоки диаметрально противоположным образом. Например, реакцией Испании на ухудшение экономического положения вследствие овладения турками торговыми путями через Восточное Средиземноморье стало открытие Америки и ее безудержная колонизация; тогда как одними из первых шагов победившей Токугавской деспотии в Японии стало закрытие страны для иностранцев и запрет на выезд своих подданных из страны. Общим для всех гравитационных деспотий было наличие и базиса, и надстройки, радикально перекрывавших все пути самостоятельного выхода на траекторию капиталистического развития.

Каков же главный фактор, определяющий последовательность перехода различных стран и регионов мира от докапиталистической формации к капитализму?

Для перехода к капитализму за пределами Северо-Западной Европы и стран, заселяемых выходцами из нее, требовалось преодолеть компенсационный барьер, т. е. для компенсации высокого роста трудозатрат крестьян, необходимого для увеличения их продукта и начала перекачки, требовалось использование в промышленности более высокопроизводительной техники, чем техника мануфактурного периода. Поэтому переход к капитализму за пределами Северо-Западной Европы стал возможен лишь при условии использования техники, уже изобретенной в Северо-Западной Европе. При этом очередность перехода различных стран к капитализму определяется степенью роста трудозатрат крестьян, необходимого для начала перекачки рабочей силы из сельского хозяйства в несельскохозяйственные отрасли. Чем выше требуемый для этого рост трудозатрат крестьян, тем более производительная промышленная техника должна применяться в данной стране, тем медленнее процесс перекачки и тем позднее происходит становление капитализма в данной стране.

Особый вариант развития представляют страны переселенческого капитализма - США, Канада, Австралия, Новая Зеландия и до некоторой степени Аргентина и ЮАР. В этих странах в течение длительного времени отсутствовало само явление перекачки рабочей силы из сельского хозяйства в промышленность. При этом и промышленность и сельское хозяйство этих стран снабжались рабочей силой путем иммиграции из Европы. Процесс генезиса капитализма в этих странах неотделим от процесса их заселения иммигрантами из Европы и является побочным результатом

генезиса капитализма в Северо-Западной Европе.

Отсутствие на начальном этапе капиталистического развития этих стран перекачки рабочей силы из сельского хозяйства в промышленность и снабжение как их промышленности, так и сельского хозяйства рабочей силой путем иммиграции из Европы приводило к тому, что в процессе индустриального развития не было необходимости преодолевать компенсационный барьер. Непрерывность иммиграции фактически заменяла перекачку рабочей силы из сельского хозяйства в промышленность и обеспечивала высокие темпы роста абсолютных размеров занятости как в промышленности, так и в сельском хозяйстве, что явилось важнейшей причиной повышения темпов экономического роста этих стран в сравнении со странами самой Северо-Западной Европы.

В переселенческих странах, разумеется, так же как и в колыбелях капитализма, имел место процесс постепенного снижения доли занятых в сельском хозяйстве и увеличения удельного веса рабочей силы, занятой в промышленности и других не-сельскохозяйственных сферах; однако это на первом этапе достигалось не с помощью перекачки рабочей силы из сельского хозяйства, а за счет того, что в промышленность вбиралась относительно все большая доля миграционной рабочей силы, в сельское хозяйство - меньшая ее часть.

Данный процесс, естественно требовал для своего осуществления соответственного роста производства в расчете на одного занятого в земледелии. При этом в отличие от Северо-Западной Европы, увеличение продукта работника земледелия достигалось не за счет роста урожайности, требующего роста поголовья скота на единицу пашни, а почти исключительно за счет увеличения обрабатываемой площади на одного работника. Низкая в сравнении с Северо-Западной Европой обеспеченность земледелия скотом и, как следствие этого, низкая урожайность компенсировались в переселенческих странах громадным увеличением обрабатываемой площади в расчете на одного работника. Для такого увеличения необходимы были, в свою очередь два условия - огромный фонд неиспользуемых в земледелии земель и соответствующий уровень технической оснащенности труда, достигаемый на сравнительно продвинутой стадии развития индустриальных производительных сил в Северо-Западной Европе.

Таким образом зарождение и развитие индустриального капитализма в переселенческих странах проходило в рамках бинарных систем: "Северо-Западная Европа - переселенческая страна". При этом Северо-Западная Европа являлась не только источником рабочей силы для переселенческих стран, но и источником техники и технологии, применяемой как в промышленности, так и в земледелии и позволявшей в громадной степени увеличить размер обрабатываемой площади в расчете на земледельческого работника.

В тех переселенческих странах где была мощная иммиграция, но отсутствовала передача промышленной и сельскохозяйственной техники из Северо-Западной Европы развитие капитализма шло замедленными темпами. Например, в Аргентине природные условия были весьма схожими с земледельческой зоной США и Австралии, но отсутствие передачи технологии привело к тому, что размер обрабатываемой площади в расчете на одного работника земледелия в Аргентине оказался значительно ниже, чем в США и Австралии. Соответственно, значительно меньшими были и продукт земледельца и удельный вес неземледельческого населения во всем населении, значительно медленнее осуществлялась индустриализация страны.

На следующем этапе развития, после прекращения массовой иммиграции (в США - после первой мировой войны в других переселенческих странах - несколько позже) начался полномасштабный процесс абсолютного сокращения рабочей силы, занятой в сельском хозяйстве и перекачки её в промышленность и другие несельскохозяйственные сферы. Данный процесс основывался на росте как обрабатываемой площади в расчете на земледельческого работника, так и урожайности. При этом урожайность во всех переселенческих странах продолжала оставаться на гораздо более низком уровне, чем в Северо-Западной Европе, а ее рост происходил в большей степени за счет увеличения использования минеральных удобрений, чем органических.

ГЛАВА II. КАПИТАЛИСТИЧЕСКОЕ ВОСПРОИЗВОДСТВО И ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ЦИКЛ

В предыдущей главе мы рассмотрели условия, необходимые для перехода к капитализму в различных регионах мира. Теперь рассмотрим непосредственно процесс превращения докапиталистической воспроизводственной структуры в капиталистическую и внутреннюю логику развития самой капиталистической структуры.

Существует 3 основных вида труда, различающихся по их месту и роли в процессе развития производительных сил:

- 1) сельскохозяйственный труд;
- 2) промышленный, в докапиталистических обществах - ремесленный труд;
- 3) труд в сфере услуг.

Сельскохозяйственный труд - самый необходимый труд с точки зрения иерархии человеческих потребностей и удовлетворяющих их потребительных стоимостей. На данное обстоятельство обратили внимание еще французские физиократы XVIII века (Кенэ, Тюрго и др.). Но вывод из этого физиократы сделали неправильный, а именно, что лишь земледельческий труд является производительным, а все другие виды труда - непроизводительными.

На самом деле наиболее высокая степень необходимости сельскохозяйственного труда означает его функционирование в качестве субстрата производства в других сферах. Об этом писал К.Маркс: "...Земледельческий труд составляет естественную основу не только для прибавочного труда в сфере самого земледелия, но и для превращения всех других отраслей труда в самостоятельные отрасли. Базисом для развития капитала является определенная степень развития земледелия, будь то в собственной стране или в чужих странах" [27;с.18-19]

Но именно в силу этого обстоятельства (и в противоположность тому, что думали физиократы) сельскохозяйственный труд является самым непроизводительным в том смысле, что не создает новые виды потребительных стоимостей. Основной фонд продукции сельского хозяйства в расчете на душу населения, т.е. продукты питания, необходимые для пропитания 1 человека, является жестко ограниченным по своему объему и должен быть произведен при любых социально-экономических

условиях, в том числе еще до начала общественного разделения труда.

В условиях относительно постоянной величины основного продовольственного фонда (ОПФ) целью повышения производительности труда в сельском хозяйстве является не безграничное увеличение продукта, а минимизация количества живого труда (занятости) в производстве ОПФ в целях перекачки рабочей силы в несельскохозяйственную сферу производства, где создаются новые виды потребительных стоимостей.

В отличие от сельскохозяйственного, промышленный труд в принципе способен производить неограниченное количество новых видов потребительных стоимостей. Повышение производительности промышленного труда непосредственно ведет к росту индекса потребительной стоимости на душу населения. Промышленный труд является основным источником общественного богатства, но уровень занятости в промышленности зависит от производительности труда в сельском хозяйстве.

Наконец, труд в сфере услуг так же, как и промышленный, создает новые виды потребительных стоимостей. Но его отличие в том, что он требует предварительного обеспечения продукцией промышленности, без которого, т.е. без поставляемых сфере услуг промышленностью средств производства процесс производства в сфере услуг невозможен. В силу данного обстоятельства уровень занятости в сфере услуг зависит от уровня производительности труда в промышленности и для своего роста требует предварительного увеличения производительности труда в промышленности.

Для построения модели развития докапиталистической воспроизводственной структуры и процесса ее трансформация в капиталистическую, необходимо рассмотреть взаимосвязь эволюции земледелия с процессами развития ремесла и особенностями разделения труда внутри самого ремесла.

В ходе исторической эволюции земледелия в пределах одной и той же ступени его интенсивности (земледельческой системы) время труда работника остается неизменным, а его продукт и производительность труда, начиная с определенного момента, снижаются под давлением роста плотности населения и вызванного им снижения размеров обрабатываемой площади в расчете на одного работника. Когда производимого продукта становится недостаточно для удовлетворения потребно-

стей, наступает либо миграция населения, либо интенсификация земледелия. При внешней миграции происходит введение в хозяйственный оборот новой земельной площади.

Переход земледелия на более высокую ступень интенсивности влечет за собой абсолютное увеличение трудозатрат работника (времени его труда) в сравнении с прежним уровнем, позволяющее компенсировать снижение размеров обрабатываемой площади в расчете на работника ростом урожайности единицы площади.

Рассмотрим теперь, каким образом процессы, происходившие в земледелии, влияли на развитие ремесла. В пределах каждой ступени интенсивности земледелия на том промежутке времени, когда продукт земледельческого работника остается неизменным, неизменным остается и отношение численности ремесленников к численности земледельцев.

Это объясняется тем, что ремесленники содержатся за счет прибавочного продукта земледельцев, который в масштабе всего общества выступает как необходимый продукт. Маркс говорит по этому поводу следующее: "Хотя труд непосредственных производителей продуктов питания распределяется для них самих на необходимый и прибавочный труд, однако по отношению к обществу он представляет лишь необходимый труд, требующийся для производства продуктов питания. Впрочем, то же самое имеет место при всяком разделении труда внутри всего общества, в отличие от разделения труда внутри отдельной мастерской" [26;с.185].

По мере роста населения его прирост вбирается в земледелие и ремесло в неизменной пропорции. Эту пропорцию, рассматриваемую как отношение численности ремесленников к численности земледельцев, назовем нормой отщепления. Таким образом, норма отщепления не изменяется до тех пор, пока не изменится объем продукта работника земледелия.

Однако вследствие роста населения увеличивается абсолютная численность как земледельцев, так и ремесленников. При этом если в земледелии данный процесс не сказывается заметно на производительности труда, то в ремесле наблюдается иная картина. Здесь рост численности работников приводит к углублению разделения труда и повышению на этой основе производительности труда. "С ростом населения, - писал Маркс, - растет искусство рабочего, растет разделение труда, коро-

че, растет производительность труда" [28;с.251].

Рост производительности труда в ремесле, где не существует такого разрыва между временем производства и временем труда, как в земледелии, можно считать тождественным росту продукта ремесленника. А так как ремесленник производит для обмена с земледельцем, то рост продукта ремесленника при неизменной норме отщепления означает рост потребления работника земледелия.

Рассмотрим в чем выражается рост производства в расчете на одного работника в общественном масштабе. Повышение производительности труда в ремесле приводит к сокращению количества труда, требующегося для удовлетворения уже существующих видов потребностей. "Но в законе развития человеческой природы, - писал Маркс, - заложено то, что едва лишь обеспечивается удовлетворение одного круга потребностей, как высвобождаются, создаются новые потребности"[31;с.254].

Таким образом, высвобождающийся труд удовлетворяет новые, возникающие виды потребностей. Однако новые виды потребностей и удовлетворяющие эти потребности потребительные стоимости создаются лишь в ремесле, тогда как в земледелии они возникают спорадически, при введении новых культур. Кроме того, потребность человека в продуктах питания, образующих основную массу земледельческого продукта, имеет жесткие границы. "Определенные предметы, - указывал Маркс, - могут быть потреблены и являются предметом потребности лишь до известной степени: например, потребляется лишь определенное количество хлеба и т.д." [29;с.381]. Поэтому далее мы будем рассматривать возникновение новых видов потребностей, удовлетворяемых продуктами ремесла. Количество потребительной стоимости, воплощенной в продуктах ремесла, в расчете на душу населения назовем индексом потребительной стоимости. Конечно, в условиях ограниченной соизмеримости отдельных видов потребительных стоимостей такой индекс будет представлять собой абстракцию. Однако это не большая абстракция, чем ремесленный продукт на душу населения, выраженный в каких-либо ценах; притом индекс свободен от влияния всякого рода ценовых искажений. По мере роста населения при сохранении неизменной нормы отщепления в ремесле происходит разделение труда, приводящее к росту индекса потребительной стоимости. Это разделение труда выражается в расщеплении существующих отраслей ремесла и выделении новых отраслей,

сопровождающемся ростом производительности труда. Такое расщепление ремесла происходит прерывно, дискретно. Для своего существования оно нуждается в предшествующем периоде накопления самих ремесленников, в течение которого производительность труда в ремесле остается неизменной. Длительность периода накопления прямо пропорциональна численности населения данного хозяйственного ареала и обратно пропорциональна норме отщепления и темпу роста населения. При этом, если абстрагироваться от миграции населения и изменений размеров хозяйственного ареала, длительность периода накопления будет прямо пропорциональна плотности населения.

Пока объем продукта работника земледелия, время его труда и норма отщепления остаются неизменными, производительность труда земледельческого работника в единицах ремесленного продукта, т.е. индекса потребительной стоимости, растет в меру увеличения разделения труда в ремесле, происходящего вследствие роста населения. Когда в результате роста населения в пределах неизменной территории продукт земледельческого работника начинает снижаться при сохранении на прежнем уровне времени труда земледельца, норма отщепления уменьшается. Это влечет за собой не только прекращение роста производительности труда земледельческого работника в единицах индекса, но и ее снижение. Данное снижение производительности труда земледельца в единицах индекса и вызывает переход земледелия на более высокую ступень интенсивности задолго до того, как продукт земледельца снизится до физического минимума.

При переходе земледелия на более высокую ступень интенсивности время труда земледельческого работника повышается до того уровня, когда оно обеспечивает не просто увеличение продукта данного работника до прежней величины, существовавшей до начала падения земледельческого продукта. Достижение прежней величины продукта земледельца означает восстановление прежней нормы отщепления и, таким образом, индекса потребительной стоимости. Однако при этом время труда земледельца увеличивается, что при сохранении на прежнем уровне индекса потребительной стоимости означает снижение производительности земледельческого труда в единицах индекса. Поэтому, чтобы избежать снижения производительности труда в единицах индекса, земледельцы дополнительно увеличивают время тру-

да, повышая объем продукта и, тем самым, норму отщепления до такого уровня, при котором увеличение численности ремесленников позволяет повысить индекс за счет разделения труда. Таким образом удерживается достигнутая на предшествующей ступени интенсивности земледелия производительность труда земледельцев в единицах индекса потребительной стоимости.

Как отмечалось ранее, длительность периода накопления растет по мере роста плотности населения. Однако при низких плотностях населения, характерных для переложных и ротационных систем земледелия, положительный эффект короткого периода накопления в значительной степени ослабляется недостаточностью потенциала расщепления ремесла. Поэтому для докапиталистических обществ, в земледельческом производстве которых господствуют указанные системы, характерны низкие темпы разделения труда в ремесле и, соответственно, низкие темпы роста индекса потребительной стоимости. При средней плотности населения преимущества короткого периода накопления соединяются с преимуществами увеличивавшегося потенциала расщепления и выражается в небольших темпах роста разделения труда и индекса потребительной стоимости. Наиболее высокому темпу роста индекса соответствует наиболее высокий темп роста населения. При этом для перехода земледелия на более высокую ступень интенсивности достаточно минимального увеличения нормы отщепления, а следовательно, и времени труда земледельцев. Именно поэтому переход от ротации к двуполью в III-II вв. до н. э. в Римской республике, в VI-IV вв. до н.э. в Китае и от ротации к трехполью в X-XIII вв. в Западной Европе протекают наиболее охотно и сопровождаются высочайшими для докапиталистических обществ темпами роста населения.

При высоких плотностях населения, характерных для частичной травопольной и азиатской систем земледелия, период накопления достигает наибольшей величины. Объясняется это довольно просто. Величина прироста индекса потребительной стоимости в расчете на единицу прироста населения зависит от численности населения, новый вид потребностей которого придется удовлетворять после расщепления ремесла. Чем больше это население, тем большей численностью ремесленников должна обладать новая отрасль, следовательно, тем больше период накопления для нее работников. Поэтому, для перехода от частичной травопольной к азиатской сис-

теме необходимо большое увеличение нормы отщепления, позволяющее компенсировать неблагоприятное влияние роста периода накопления.

Процесс дискретного расширенного воспроизводства, рассмотренный выше, является одновременно процессом замены временного разделения труда пространственным. При временном разделении труда в рамках одной и той же хозяйственной единицы последовательно осуществляются все стадии технологического процесса, необходимые для производства конечного продукта. В результате же перехода к пространственному разделению труда каждая из хозяйственных единиц специализируется на какой-либо одной технологической стадии процесса производства конечного продукта. Переход к пространственному разделению труда приводит к значительному увеличению производительности труда за счет его специализации, однако требует, как процесс расщепления ремесла, непрерывного роста населения.

Таким образом, сущность крупнейшего в мировой истории хозяйственного переворота - перехода Западной Европы на рельсы капиталистического развития - заключается в переходе от дискретного типа возникновения новых видов потребностей, для которого характерны длительные периоды стабильности индекса потребительской стоимости и нормы отщепления, к непрерывному типу на базе непрерывного роста нормы отщепления. Тем самым процесс увеличения индекса потребительской стоимости утрачивает исключительную зависимость от роста населения, характерную для дискретного типа возникновения новых видов потребностей.

Решающим условием перехода к капитализму является непрерывное увеличение удельного веса неземледельческих работников, дающее возможность направлять их в отрасли инвестиционного комплекса для производства средств производства. Такое увеличение изначально могло быть достигнуто лишь в условиях травопольной системы земледелия, сформировавшейся в Северо-Западной Европе на определенном этапе интенсификации земледелия при посредстве высвобождения скота.

За пределами этого региона - в Средиземноморье, Восточной Европе и во всей Азии - существовавшие системы земледелия не позволяли увеличивать норму отщепления в той степени, которая необходима для становления перекачки рабочей силы из земледелия в промышленность и самостоятельного перехода к капитализму.

Недостаток скота не позволял расширять в должной мере производство продукции. Без прочного фундамента - увеличения нормы отщепления - даже самые процветающие раннекапиталистические структуры обречены, как показывает опыт Северной Италии и Голландии, на захирение и деградацию.

Для процесса дискретного расширенного воспроизводства характерны две фазы. В первой фазе - периоде накопления - осуществляется лишь простое воспроизводство в расчете на душу населения, норма отщепления остается неизменной, а валовой продукт растет лишь в меру роста населения. Соответственно, прибавочный продукт в расчете на душу населения в этой фазе отсутствует. Во второй фазе - периоде расщепления - количественное накопление работников ремесла переходит в качественный скачок - расщепление ремесла и рост на этой основе производительности труда в ремесле. Лишь в этой фазе осуществляется само дискретное расширенное воспроизводство в расчете на душу населения, т.е. рост производства на душу населения. Соответственно, лишь в этой фазе производится прибавочный продукт в расчете на душу населения.

Однако по мере роста населения развитие пространственного разделения труда позволяет достигать такого критического уровня производительности труда в промышленности, при котором прибавочный продукт начинает производиться непрерывно в рамках отдельных хозяйственных единиц. С этого момента процесс дискретного расширенного воспроизводства сменяется процессом непрерывного расширенного воспроизводства. И вот здесь-то важнейшее значение приобретает наличие либо отсутствие перекачки рабочей силы из сельского хозяйства в промышленность. При наличии такой перекачки капитализм может реализовать себя в качестве способа непрерывного расширенного воспроизводства. При отсутствии такой перекачки он остается хилым и несистемообразующим укладом в рамках докапиталистической формации.

В XIV веке накануне демографического коллапса по уровню урбанизации Западная Европа еще значительно отставала от Китая и Японии. В середине этого столетия население от 35 до 40 тыс. жителей имели в Западной Европе 6 городов - Лондон, Кельн, Брюгге, Барселона, Севилья, Любек. От 50 до 80 тыс. жителей имели Флоренция, Рим, Гент, Неаполь. От 80 до 100 тыс. - 4 города: Генуя, Париж, Милан,

Венеция [35;с.28].

Всего, таким образом, городов с населением свыше 35 тыс. чел в Западной Европе было 14. Городов же с населением свыше 100 тыс. в регионе не было вообще. В то же время в Китае еще в XIII веке было 8 городов, насчитывающих от 100 до 800 тыс. жителей и 5 городов - свыше 300 тыс. жителей [11;с.28].

Но уже к началу XVII века положение коренным образом изменилось. В 1600 г. в 8 городах Западной Европы было от 100 до 200 тыс. чел.: Лондон, Венеция, Лиссабон, Милан, Амстердам, Рим, Севилья, Антверпен. А в Париже и Неаполе - свыше 200 тыс. жителей [35;с.56].

Затем судьбы Северо-Западной Европы и Средиземноморья разделились. На Северо-Западе переход к капитализму сопровождался дальнейшим ростом урбанизации, тогда как в Средиземноморье демографическому коллапсу сопутствовало снижение численности городского населения.

Особенно бурным был рост Лондона. С 50 тыс. в 1500 г. его население возросло до 350 тыс. чел. в 1650 г. К 1700 г. Лондон стал крупнейшим городом Европы с населением 550 тыс. чел. [93;с.148].

Таким образом, к началу XVIII в. Лондон и Париж превзошли по численности населения Рим времен расцвета Римской империи, насчитывавший около 400 тыс. жителей. В то же время, к примеру, в Испании, переживавшей демографический коллапс с сокращением населения от 11,4 млн. чел. в 1600 г. до 10,5 млн. чел. в 1797 г., население Мадрида сократилось с 280 тыс. чел в 1660 г. до 130 тыс. в 1723г. [93;с.160]. Параллельно Лондону шел быстрый рост Амстердама, население которого в 1650 г. составило около 200 тыс. чел. [91;с.45].

В результате опережающего развития сельского хозяйства, осуществлявшегося посредством перехода к травопольной системе, Северо-Западная Европа к концу XVII века начала обгонять страны Востока по общему уровню урбанизации. Так, например, в Японии в середине XVI века в Киото было около 100 тыс. жителей, еще в 6 городах - от 30 до 40 тыс. [13;с.75]. В 1600 г. население Киото составляло 250 тыс. чел. в 1715 г. - 305 тыс. чел. В крупнейшем городе страны Эдо в 1731 г. было 500 тыс. жителей, в Осаке - 350 тыс. чел.[13;с.73, 87, 67]. Однако в XVIII столетии преимущество Северо-Западной Европы и особенно Англии в темпах урбанизации

стало неоспоримым.

В 1800 г. население Лондона составило 959 тыс. чел., в Париже и Константинополе было более 500 тыс., Москва, Петербург. Вена, Амстердам и Неаполь имели свыше 200 тыс. жителей. Еще 13 городов имели от 100 до 200 тыс., жителей (Милан, Рим, Генуя, Палермо, Мадрид, Лиссабон, Барселона, Берлин, Брюссель, Гамбург. Варшава, Марсель и Лион) [73; с 393]. В то же время в Японии только Осака и Киото имели около 400 тыс. чел. [87;с.67]. В Китае было в начале XIX века 33 города с населением свыше 100 тыс. чел. каждый [11;с.37].

В XIX в. отрыв индустриализирующихся регионов мира от прочих по уровню урбанизации еще более увеличился. Население Лондона возросло с 959 тыс. в 1800 г. до 3,3 млн. в 1850 г. и 6,5 млн. в 1900 г.[70;с.50]; Нью-Йорка - с 814 тыс. в 1860 г. до 5,6 млн. в 1920 г., тогда как в крупнейшем городе неевропейского мира - Шанхае - составило в 1911 г. 1250 тыс. чел.[37;с.162,70,50]. Лишь со второй половины XX столетия появилась тенденция опережающего роста урбанизации в развивавшихся странах.

Отрыв Англии от других стран по производительности сельского хозяйства давал ей огромные преимущества в области высвобождения трудовых и материальных ресурсов для развития промышленности. Если в 1500 г. в целом по Западной Европе выплавка железа на душу населения составляла от 0,5 кг до 1 кг, а в 1750 г. - 1,2-1,3 кг. [60;с.107], то в Англии в 1500 г. при общем объеме выплавки 1,2 тыс. т на душу населения было произведено около 0,4 кг., а в 1560 г. - уже 8,8 тыс. т и 2,2 кг соответственно [65;с.283].

В дальнейшем выплавка железа в Англии продолжала расти высокими темпами: в 1580 г. - 15,2 тыс. т., в 1630 - 20 тыс. т., и в 1700г. - 24 тыс. т. [65;с.283]. Таким образом, в 1700 г. в Англии на душу населения было произведено 4,8 кг чугуна против 1,3 кг по Западной Европе в целом.

Но еще больше, чем по производству чугуна, был отрыв Англии от остального мира по добыче каменного угля. С 210 тыс. т в 1530 г. она возросла до 1,5 млн. т в 1630 г. и 2 млн. т в 1662 г. из которых 100 тыс. т было экспортировано [65;с.290; 68;с.103]. За 1662-1760 гг. добыча увеличилась еще в 3 раза и достигла 6 млн. т [68;с.168]. В расчете на душу населения потребление каменного угля возросло с 55

кг в 1550 г. до 440 кг в 1690 г. и до 1100 кг в 1760 г. В конце XVII в., Англия, имея около 5 % населения Европы, добывала и потребляла около 60 % общего объема европейской добычи угля [58;с.175].

Подъем английской промышленности сопровождался ростом торговой экспансии на внешних рынках. Общий тоннаж британского торгового флота увеличился с 50 тыс. т в 1572 г. до 115 тыс. т в 1629г. однако еще уступал Голландии и Испании, имевшим по 200 тыс. тонн [65;с.293], но уже к 1686 г. Англия имела 340 тыс. т, далеко обогнав своих конкурентов, а в 1760 г. - около 500 тыс. т [65;с.293; 68;с.141].

Таким образом, уже к началу промышленного переворота Англия намного опережала все остальные страны по уровню социально-экономического развития. Промышленная революция лишь закрепила это положение.

Для генезиса капитализма в промышленности решающее значение имеет не общая численность несельскохозяйственных работников, а темп их увеличения, определяемый, в свою очередь, темпом перекачки рабочей силы из сельского хозяйства. Этот темп в решающей степени определяет скорость технического прогресса и расширение внутреннего рынка. Например, в Китае плотность несельскохозяйственного населения на единицу площади до начала XVII века была значительно выше, чем в Англии, вследствие более высокой общей плотности населения при значительно более низком удельном весе несельскохозяйственного населения в общей его численности.

Причина отсутствия прибавочного продукта в ручном ремесле - слишком низкая производительность труда. Уровень накопления здесь недостаточен ни для повышения технического уровня производства, ни для найма новых работников.

В результате постепенного роста общественного (пространственного) разделения труда создаются условия для применения разделения труда внутри отдельной хозяйственной единицы (предприятия). Мануфактурное разделение труда внутри предприятия ведет к резкому увеличению прибавочного продукта, создающему возможность непрерывного расширенного воспроизводства, которое по своей внешней форме выступает как капиталистическое накопление. При этом прибавочный продукт (прибавочная стоимость) служит не столько для личного потребления капиталиста, сколько для расширения производства путем приобретения новых средств

производства и найма новых работников.

По своей организационной форме (способу организации) непрерывное расширенное воспроизводство (капиталистическое накопление) является функцией найма рабочей силы, т.е., по терминологии Маркса, всасывания наемного труда капиталом. Но по своему существу оно является следствием определенного уровня производительности труда, приводящего к появлению постоянного прибавочного продукта, идущего на расширение производства (прибавочной стоимости).

При этом сам наемный труд является необходимым только лишь постольку, поскольку его применение ведет к значительному росту производительности труда в результате его разделения и кооперации внутри предприятия.

Если достижение производительности труда, необходимой для появления устойчивого прибавочного продукта, является возможным без использования разделения и кооперации больших масс труда внутри предприятия, то в этом случае капиталистическое расширенное воспроизводство и накопление капитала возможно вообще без наемного труда.

В свете вышеизложенного становится понятным положение в воспроизводственной структуре трудового фермерства, являвшееся камнем преткновения для старой советской политэкономии.

Действительно, раз фермеры ведут расширенное воспроизводство и получают прибыль, то, по Марксу, они должны кого-то эксплуатировать. Но на деле они эксплуатируют лишь сельскохозяйственную технику да самих себя. А все потому, что набор находящихся в их распоряжении средств производства позволяет достигнуть такого уровня производительности труда, при котором производство прибавочной стоимости (прибыли) и ее накопление возможны и без наемного труда.

В связи с вышеизложенным ошибочной представляется трактовка К. Марксом проблемы перехода от простого воспроизводства к расширенному как "первоначального накопления капитала". При исследовании этой проблемы, он, по существу, находится на позиции неоднократно критикуемых им меркантилистов, т.е. сводит накопление капитала к накоплению денег и других ценностей путем грабежей, колониальных захватов и т.д. Отличается взгляд Маркса на "первоначальное накопление" от взглядов меркантилистов лишь признанием необходимости для генезиса ка-

питализма наличия отделенной от собственных средств производства рабочей силы.

Однако на самом деле, "первоначально накопить" таким образом можно лишь отдельный индивидуальный капитал, но никак не совокупный общественный капитал. Действительно, награбив в колониях золото или серебро, капиталист может купить на него средства производства и нанять лишенную собственных средств производства рабочую силу. Но сделать это он сможет лишь в том случае, если покупаемые им средства производства уже произведены в натуре каким-либо производителем. А для того, чтобы содержать этого производителя, а также нанимаемых капиталистом рабочих, необходим прибавочный продукт, создаваемый земледельцем и выступающий в масштабе всего общества как необходимый продукт.

Совокупный капитал общества, в отличие от индивидуального капитала, существует лишь в натуральной форме, в виде средств производства и предметов потребления. Рядом с обществом, взятым в целом, нет другого общества, где средства производства и рабочую силу можно купить. Следовательно, они должны быть произведены в натуре. Иными словами, все опять-таки упирается в способность земледельческой системы обеспечить перекачку рабочей силы из сельского хозяйства в промышленность, а захваты золота и серебра здесь абсолютно ни при чем.

Перейдем теперь к рассмотрению таких важнейших разделов политэкономии капитализма, как теория стоимости и теория капиталистического расширенного воспроизводства. Рассмотрение этих разделов невозможно без выяснения вклада К. Маркса и других крупнейших ученых в теорию вопроса.

При создании своей теории прибавочной стоимости К. Маркс опирался на трудовую теорию стоимости классиков политэкономии А. Смита и Д. Рикардо. Однако, развивая эту теорию, Маркс пошел по ложному пути. Он провел разграничение между абстрактным трудом, создающим новую стоимость, и конкретным трудом, не создающим новой стоимости, а лишь переносящим на производимый продукт стоимость потребляемых при его производстве средств производства. При этом средства производства создают продукт в натуральной форме, но не создают его стоимость, а лишь переносят свою стоимость на продукт. Такой перенос осуществляется дискретно, по частям. Когда средства производства потребляются полностью, они уже по мысли Маркса, перенесли свою стоимость на продукт. Таким образом,

для возобновления производства капиталисту необходимо всего лишь купить новые средства производства на выручку от продажи продукта, на который перенесли свою стоимость потребленные средства производства. Новая же стоимость, по Марксу, создается лишь живым трудом рабочих данного предприятия, распадаясь на необходимую и прибавочную.

Однако на самом деле все обстоит несколько иначе. Рассматривая процесс производства как создания новой и перенесения на продукт старой стоимости в рамках отдельного хозяйственного звена, Маркс абстрагируется от процесса воспроизводства в масштабе всего общества. Он допускает здесь такую же ошибку, как и при выдвижении концепции "первоначального накопления капитала", т. е. абсолютизирует вырванный из общей воспроизводственной системы процесс воспроизводства на уровне отдельного хозяйственного звена. При этом выходит, что средства производства не воспроизводятся непрерывно в натуре в других хозяйственных блоках, а будучи когда-либо произведены, являются продуктом, существующим вечно, который капиталисту остается только купить.

На самом деле конечный продукт, производимый работниками данного предприятия производится не только ими, а всем обществом, хозяйственные подразделения которого производят средства производства друг для друга вдоль всей технологической цепочки в рамках общественного разделения труда. Работники данного предприятия были бы единственными производителями данного конечного продукта лишь в том случае, если бы они сами произвели также и все средства производства, поставляемые вдоль технологической цепочки и используемые для производства конечного продукта, т.е. если бы они (работники) выплавляли железо из руды, из металла изготовили машины, добыли топливо для двигателей машин и т.д.

Однако в реальной действительности на этом этапе развития уже имеет место пространственное разделение труда: вместо последовательного осуществления производственных операций всей технологической цепи в рамках одного хозяйственного звена происходит одновременное осуществление производственных операций всей технологической цепи сосуществующим трудом в рамках нескольких различных хозяйственных единиц, связанных отношениями товарного обмена.

Таким образом, в рамках системы общественного разделения труда работники

данного предприятия - не единственные производители данного конечного продукта, а лишь часть их, наиболее приближенная в структуре технологической цепи к заключительной стадии производства конечного продукта.

Рассмотрим с этой точки зрения процесс перенесения стоимости как составную часть процесса воспроизводства. В той своей части, которая переносит свою стоимость на продукт, средства производства потребляются и для восстановления этой части в натуре необходим одновременный с этим процесс воспроизводства средств производства в натуре, осуществляемый рабочей силой на других предприятиях вдоль всей технологической цепи. Соответственно, в той мере, в какой средства производства потребляются в процессе производства на данном предприятии, перенося свою стоимость на продукт, они воспроизводятся на других предприятиях, т.е. создаются живым трудом, создающим стоимость.

Таким образом, стоимость продукта данного предприятия создается как живым трудом рабочих данного предприятия, так и одновременным ему живым трудом рабочих всех предприятий, поставляющих друг другу средства производства по технологической цепочке, т.е. живым трудом всех рабочих технологической цепи, который, материализуясь в средствах производства, поставляемых предприятиями друг другу, выступает как овеществленный труд, т.е. капитал. Следовательно, перенесенная стоимость равняется количеству живого труда, одновременно затрачиваемого в вышестоящих подразделениях общественного производства для производства средств производства. А живой труд создает стоимость. Из этого следует, что в масштабе всего общественного воспроизводства процесс перенесения стоимости представляет собой не что иное, как процесс воспроизводства средств производства, т.е. процесс создания стоимости.

Таким образом в процессе воспроизводства, взятом в масштабе всего общества, имеет силу отвергнутая Марксом догма Смита, согласно которой стоимость конечного продукта можно разложить на зарплату, ренту и прибыль, т.е. в нашей терминологии на необходимый и прибавочный продукт. При этом в необходимый продукт входит не только продукт, потребляемый рабочими данного предприятия, но и продукт, потребляемый рабочими всех предприятий, поставляющих данному предприятию и друг другу средства производства вдоль всей технологической цепи.

Часть продукта, эквивалентная необходимому продукту рабочих других предприятий, является воплощенной в средствах производства, используемых на данном предприятии. Иными словами, используя терминологию Маркса, "С" любого нижестоящего в технологической цепочке предприятия равно "V" вышестоящих предприятий.

Если рабочие всех предшествующих в рамках технологической цепи предприятий не получают необходимый продукт, воплощенный в данном виде продукта, процесс воспроизводства, немедленно прерывается. Следовательно, капиталист больше не сможет купить новые средства производства для замены потребленных в процессе производства. Причем не сможет он их приобрести не по причине приверженности нашей теории хозяев предприятий, производящих средства производства, а в силу того факта, что данные средства производства не произведены в натуре. Их просто не существует в природе. В тот момент, когда прекратилось поступление на рынок той части продукта нашего предприятия, в которой воплощен необходимый продукт рабочих, занятых производством средств производства вдоль всей технологической цепи, автоматически прервался весь процесс воспроизводства в общественном масштабе. Не получив необходимый продукт рабочие предприятий, производящих средства производства, либо умерли с голоду, либо занялись натуральным хозяйством. В любом случае производство на данных предприятиях отсутствует, а значит, отсутствует и его продукт. Таким образом, капиталист, израсходовав средства производства, больше никогда не сможет их купить, как бы он ни утверждал с помощью Маркса, что в продукте его предприятия содержится стоимость потребленных средств производства, добросовестно перенесенная на продукт конкретным трудом.

Итак, необходимый продукт на уровне отдельного предприятия включает не только необходимый продукт рабочих этого предприятия, но и необходимый продукт рабочих предшествующих технологических звеньев, эквивалентный стоимости средств производства, используемых на данном предприятии. Следовательно, норма прибавочного продукта или прибавочной стоимости никогда не может равняться M/V , как у Маркса, а всегда представляет собой $M/(C+V)$ где $C=V$ предшествующих в технологической цепи подразделений. Это означает, что вся теория при-

бавочной стоимости К. Маркса является грандиозным недоразумением. Но ошибка Маркса вовсе не означает крах трудовой теории стоимости. Наоборот, она подтверждает правильность представлений классиков политэкономии А.Смита и Д.Рикардо о равенстве нормы прибавочного продукта норме прибыли.

При этом производство прибавочного продукта на уровне предприятия, т.е. прибыли предприятия, есть простая тавтология осуществления данным предприятием расширенного воспроизводства. Норма прибыли, в свою очередь, представляет собой не что иное, как темп роста производства на уровне предприятия. Прибавочный же продукт и прибавочная стоимость существует везде, где есть расширенное воспроизводство. Прибавочный продукт состоит из предметов потребления и средств производства, необходимых для расширенного воспроизводства.

Таким образом, в области теории стоимости построения Маркса ошибочны в той мере, в какой он отступает от трудовой теории стоимости А.Смита и Д.Рикардо. А как же обстоит дело с западными маржиналистскими концепциями стоимости? Эти концепции, как известно, утверждают, что стоимость создается не только трудом, но и капиталом. Приведенный нами анализ показывает, что на уровне отдельного предприятия процесс перенесения стоимости, т.е. "создания" стоимости капиталом совпадает с процессом создания новой стоимости живым трудом в предшествующих звеньях производства. Иными словами, капитал последующего в технологической цепи звена есть одновременный ему живой труд предшествующего звена. Поэтому масштабы расширенного воспроизводства на микроуровне, т.е. на уровне отдельного предприятия являются идеальным объектом маржиналистского анализа и определяются предельной производительностью факторов производства - труда и капитала. При этом стоимость создается, разумеется, лишь живым трудом, но и сам "капитал", как мы только выяснили, есть живой труд предшествующего хозяйственного звена.

Поэтому процесс создания стоимости капиталом, как и трудом, вполне может и действительно является объектом маржинального анализа как процесс, посредующий распределение рабочей силы по сферам и отраслям производства. Таким образом, теория факторов производства вполне успешно может применяться на уровне микроэкономического анализа, разумеется, если не забывать, что представ-

ляет собой "капитал".

При этом полная стоимость товара равна затратам сосуществующего живого труда во всех блоках технологической цепочки, необходимых для поддержания непрерывности процесса воспроизводства данного товара, и представляет собой цену воспроизводства.

Полная стоимость товара - (цена воспроизводства) - прямо пропорциональна количеству звеньев технологической цепочки и количеству живого труда, создающего стоимость, в каждом из этих звеньев. Естественно, поэтому, что она выше в отраслях с высоким органическим строением капитала.

Полная стоимость (цена воспроизводства) всегда больше "стоимости" т.е. затрат труда на конечной стадии производства. "Цена производства", устойчиво находящаяся ниже "стоимости", понимаемой как затраты живого труда на конечном участке технологической цепочки, - это вообще нонсенс, проистекающий из ошибочного понимания Марксом структуры стоимости на микроуровне т.е. на уровне отдельного предприятия.

Однако в области макроэкономики теория факторов производства является абсолютно непригодной. Здесь "капитала" нет вообще, так как процесс перенесения стоимости, взятый в совокупности всего процесса воспроизводства во всех хозяйственных блоках одновременно, предстает как процесс создания новой стоимости. На уровне совокупного производственного процесса есть лишь живой труд, распределенный по сферам и отраслям производства. Здесь действует трудовая теория стоимости А.Смита и Д.Рикардо, обогащенная К.Марксом.

Теперь о прибавочном продукте. Существует 2 вида прибавочного продукта:

1) вид прибавочного продукта, проистекающий из социальной стратификации. Данный вид прибавочного продукта присваивается высшими слоями общества, осуществляющими функцию управления, и используется только для потребления. Производство прибавочного продукта этого вида не является необходимым моментом расширенного воспроизводства. Прибавочный продукт этого вида производится и при простом воспроизводстве, и даже при суженном воспроизводстве (при демографических коллапсах) и используется для содержания непроизводственной сферы.

2) вид прибавочного продукта, являющийся необходимым моментом расши-

ренного воспроизводства. На уровне народного хозяйства 2-й вид прибавочного продукта (накопление) выступает в следующих формах:

а) средства производства и предметы потребления для рабочих, перекачиваемых из сельского хозяйства, и естественного роста населения;

б) предметы потребления для сельского хозяйства, обмениваемые на перекачиваемую из сельского хозяйства рабочую силу, для преодоления компенсационного барьера;

с) добавочные предметы потребления для повышения индекса потребительной стоимости для рабочих (увеличение индекса на душу населения).

Необходимый продукт на душу населения постоянно растет за счет включения в его состав части прибавочного продукта.

При неизменной численности работников промышленности весь прибавочный продукт II-го подразделения непосредственно превращается в приращение необходимого продукта (индекса потребительной стоимости), что влечет за собой высвобождение работников для нового производства в результате повышения производительности труда, обеспечиваемым прибавочным продуктом I-го подразделения.

При докапиталистическом расширенном воспроизводстве увеличение индекса потребительной стоимости на душу населения осуществляется дискретно, через относительно большие промежутки времени. Мануфактура и машинное производство, разделение труда ведут к огромному росту производительности труда, в результате производство прибавочного продукта осуществляется непрерывно как функция капиталистического воспроизводства.

Величина стоимости обратно пропорциональна производительности труда лишь в том случае, если это стоимость суммы всех экземпляров одного и того же вида потребительной стоимости, либо одного экземпляра данного вида. Но когда речь идет о различных видах потребительных стоимостей, образующих физический объем ВВП, сумма цен всей их суммы прямо пропорциональна производительности труда.

Это объясняется следующим. Потребность общества в потребительных стоимостях одного вида является жестко ограниченной. Дальнейшее наращивание их производства за определенной границей ведет к снижению их предельной полезно-

сти, т.е. к растрате труда попусту.

Что же касается потребности общества в общем количестве различных видов потребительных стоимостей, то она является в принципе неограниченной, так как постоянно возникают новые виды потребительных стоимостей. При этом предельная полезность вновь возникающих видов потребительных стоимостей не снижается, оставаясь величиной постоянной. Поэтому физический объем ВВП в неизменных ценах растет, не будучи ограниченным барьером в виде снижения предельной полезности.

Таким образом, если сумма цен потребительных стоимостей одного вида имеет фиксированный предел, то сумма неизменных цен всех видов потребительных стоимостей может расти бесконечно в меру роста количества видов потребительных стоимостей. Это и есть рост физического объема ВВП в ценовом выражении, но отнюдь не рост его стоимости. Стоимость ВВП - это количество отработанных человеко-часов и растет лишь в меру роста этого количества. Итак, физический объем ВВП - это показатель, выражающий в единицах меновой стоимости - ценах - совокупный объем потребительной, а не меновой стоимости.

Теперь становится ясным, какую ошибку допустил Маркс, изгнав потребительную стоимость из политэкономии в товароведение. Действительно, потребительная стоимость одного экземпляра или суммы экземпляров одного вида продукции является объектом изучения товароведением, но совокупная масса потребительных стоимостей - ВВП - является одним из главных политэкономических объектов.

В результате своей ошибки Маркс лишился выхода своих макрокатегорий на уровень измерения их физического объема, вращаясь в порочном кругу чисто стоимостных взаимосвязей.

ВВП, создаваемый в обрабатывающей промышленности, в долгосрочном плане превышает растущий ВВП сельского хозяйства и добывающей промышленности вследствие того, что в обрабатывающей промышленности постоянно создаются новые виды продукции, а в сельском хозяйстве к добывающей промышленности - нет. Рост ВВП выше там, где больше сортов одного и того же продукта.

Чем выше темп перекачки рабочей силы из сельского хозяйства, тем выше,

при прочих равных условиях, темп роста народнохозяйственной производительности труда и ВВП, так как при этом труд изымается из той сферы, где не создаются новые виды продукции, в те сферы, где они создаются. Простой переход работников из сельского хозяйства в несельскохозяйственную сферу означает повышение уровня ВВП на душу населения и народнохозяйственной производительности труда.

Упадок Англии в XX веке объясняется в значительной степени тем, что в этой стране еще в XIX веке были практически исчерпаны ресурсы перекачки рабочей силы из сельского хозяйства. Наоборот, Япония в XX веке имела наивысшие темпы роста ВВП и народнохозяйственной производительности труда вследствие наивысших темпов перекачки рабочей силы из сельского хозяйства в промышленность (среди развитых стран).

Классики политэкономии А.Смит, Д.Рикардо, К.Маркс, к этому ряду мыслителей можно отнести и Т.Мальтуса, стремились рассматривать социально-экономические процессы в их динамике как на микро- так и на макроэкономическом уровнях. При этом при анализе долговременной динамики макроэкономических процессов они пытались в меру сил учесть весь спектр определяющих эти процессы факторов, включая демографические, технологические, природные (экологические).

Классическая политэкономия была наукой о богатстве народов, т.е. производстве и распределении материальных благ в их единстве. На этом пути было сделано величайшее научное достижение - создана А.Смитом и Д.Рикардо, воспринятая (и при этом немного искаженная) впоследствии К.Марксом трудовая теория стоимости.

Однако уже у Рикардо при определении объекта политэкономического исследования появляется значительный крен в сторону распределения при ослаблении внимания к процессу воспроизводства. Этот крен еще более увеличил Маркс, сделавший объектом изучения политэкономии "производственные отношения" и фактически отринувший анализ первичного в своей теории фактора - развития производительных сил.

Вершиной классической политэкономии явился проведенный Марксом во II томе "Капитала" анализ простого и расширенного воспроизводства совокупного общественного капитала и продукта. Наиболее значительным вклад в экономиче-

скую науку внесен К. Марксом именно в области теории воспроизводства. Во-первых, Маркс ввел и разработал категорию органического строения капитала. Во-вторых, он разделил все общественное производство на два больших подразделения - производство средств производства и производство предметов потребления. И, наконец, в-третьих, он открыл основные пропорции расширенного воспроизводства и построил на этой основе свои знаменитые схемы воспроизводства.

Однако здание Марксовой теории воспроизводства оказалось недостроенным. Причиной тому - слишком узкое понимание Марксом разработанной им категории органического строения капитала. В трактовке этой категории Марксом отсутствовало понимание того, что капитал нижестоящего подразделения представляет собой живой труд вышестоящего подразделения, и что категория органического строения капитала в общественном масштабе означает распределение живого труда, т.е. рабочей силы по подразделениям общественного производства. Это не позволило Марксу связать свою теорию воспроизводства с теорией экономического цикла. На самом деле категория органического строения капитала, рассматриваемая с точки зрения процесса воспроизводства в общественном масштабе, выражает не что иное, как распределение живого труда, т.е. рабочей силы между различными подразделениями общественного производства. Соответственно, органическое строение капитала не растет непрерывно, как считал Маркс, а совершает колебательное движение соответственно фазам экономического цикла.

После Маркса политическая экономия как наука о наиболее общих долговременных закономерностях развития производительных сил и производственных отношений почти не развивалась. Начиная с А.Маршалла и теоретиков австрийской школы предельной полезностью во главе с Е.Бем-Баверком, она все более и более вытеснялась так называемой экономической теорией, характерными чертами которой стали:

- 1) отказ от макроэкономического (народнохозяйственного) подхода и сосредоточение на анализе процессов, происходящих на микроуровне, т.е. в масштабе отдельного предприятия;
- 2) отказ от изучения долговременных и даже среднесрочных - в пределах цикла - экономических процессов и сосредоточение на краткосрочном периоде;

3) отказ от трудовой теории стоимости и широкая экспансия теории предельной полезности.

Все перечисленные направления развития экономической теории тесно связаны между собой и имеют в качестве фундамента теорию предельной полезности. На этом пути были достигнуты значительные успехи и создана теория общего рыночного равновесия в условиях совершенной конкуренции. Эта теория, однако, страдала весьма существенным недостатком: она рассматривала экономическое равновесие в статике, имея в качестве объекта "остановленное мгновение" рыночной экономики, т.е., если использовать термин Маркса, момент простого воспроизводства.

При простом воспроизводстве численность работников и объем производства остаются неизменными; прибыль, если таковая имеется, полностью проедается капиталистами, инвестируемой прибыли нет, а следовательно, остается на неизменном уровне общественная производительность труда.

Если провести сравнение с другими науками, то модель общеэкономического статического равновесия можно уподобить физической теории, согласно которой движение всех объектов материального мира является равномерным и прямолинейным, а ускорение и криволинейное движение отсутствует. Такая абстракция, увы, немного может дать для понимания реального движения физических объектов.

Естественно, теория, сводившая категорию общего рыночного равновесия к простому воспроизводству, была бессильна объяснить средне- и долгосрочные процессы капиталистического воспроизводства, которое по определению является расширенным. Явная неспособность теории объяснить циклические кризисы перепроизводства и подсказать пути их преодоления стимулировала новые направления научного поиска и привела, в конце концов, к созданию кейнсианской макроэкономической теории.

Здесь уже как будто появляются макроэкономические категории: совокупный доход, совокупные инвестиции, совокупный спрос и т.д. Однако в двух оставшихся из трех рассмотренных выше направлений Кейнс остался на прежних позициях: сохранил краткосрочный период анализа и подход с позиции теории предельной полезности.

Краткосрочный период анализа означает абстрагирование от технического

прогресса и вызываемого им повышение общественной производительности труда. Подход же с позиций теории предельной полезности игнорирует фундаментальное отличие совокупного общественного продукта от любого из конкретных видов продукции. Это отличие состоит в том, что если спрос на каждый отдельный вид промышленной продукции имеет фиксированный предел в виде снижающейся предельной полезности единицы продукция по мере роста объема ее производства, то совокупный промышленный продукт не имеет такого предела, так как непрерывно возрастает количество видов данного продукта. Поэтому предельная полезность единицы совокупного продукта при увеличении объема производства не снижается, оставаясь величиной постоянной.

Это означает, что общество в состоянии потребить любое сколь угодно большое количество совокупного продукта, не наталкиваясь на недостаток совокупного спроса. Вообще совокупный спрос - это фантом буржуазного сознания, продукт ошибочного переноса одной из фундаментальных категорий микроэкономического анализа на макроуровень.

Упомянутые ошибки ведут к неспособности западных экономистов установить истинные причины циклических кризисов. Если бы дело заключалось в недостатке у потребителей денег для покупки товаров, то такая "проблема" решалась бы простым повышением зарплаты, как советовал американский миллионер из "Одноэтажной Америки" Ильфа и Петрова. В самом деле, если у людей нет денег для покупки товаров, то дайте им эти деньги - они и купят, и не будет никакого кризиса.

Но такое решение наталкивается на непреодолимую трудность. Все дело в том, что с началом кризиса стремительно исчезает инвестируемая прибыль. Повышение зарплаты в этих условиях приведет к еще большему снижению инвестируемой прибыли и росту убытков. Конечно, марксисты предложат увеличить зарплату за счет другой части прибыли, той, что идет на паразитическое потребление капиталистов. Однако эта мера мало что даст: хотя объем потребления на одну капиталистическую душу довольно велик, общая доля капиталистов в совокупном потреблении нации незначительна вследствие крайне малого их удельного веса в населении страны. Значительно повысить зарплату за счет наступления на паразитическое потребление и тем избежать кризиса, увы, не удастся.

Главный вопрос здесь заключается в том, куда девается инвестируемая прибыль, почему она исчезает? Инвестируемая прибыль является двигателем капиталистического расширенного воспроизводства, в решающей степени определяя абсолютный уровень и темп роста той части прибыли, которая потребляется капиталистами. Исчезновение инвестируемой прибыли означает переход к простому воспроизводству с присущим ему постоянным уровнем производительности труда, а следовательно, и потребления на душу населения, и, таким образом, полностью подрывает саму основу капитализма.

Итак, куда же девается инвестируемая прибыль? Для ответа на этот вопрос необходимо проанализировать процессы, происходящие в воспроизводственной системе в период циклического подъема.

Прежде всего необходимо выяснить, что такое органическое строение капитала и почему оно растет. К сожалению, Маркс не до конца разработал этот вопрос, а советские экономисты, по обыкновению, его только запутали. Обычный их ответ - это масса средств производства, приходящаяся на одного рабочего. И здесь сразу встает несколько вопросов. Если масса - то в чем она измеряется? Точно, что не в классических единицах массы - килограммах, центнерах, тоннах и т.п. Масса выступает здесь как субстрат стоимости средств производства, т.е. количества сосуществующего живого труда, затрачиваемого на производство средств производства, применяемых данным рабочим.

Однако и этот показатель вовсе не является органическим строением капитала. Стоимость средств производства, приходящихся на одного рабочего, выраженная в каких-либо ценах, - это не что иное, как капиталовооруженность или фондовооруженность труда. Рост этого показателя действительно представляет собой постоянный процесс, являющийся отражением роста объема совокупного продукта (ВВП) на душу населения. Было бы в высшей мере странным, если бы рос объем только той части ВВП на душу населения, которая представлена предметами потребления и не рос объем его части, представленной средствами производства.

В отличие от фондовооруженности, органическое строение капитала выражает отношение стоимости средств производства, приходящихся на одного рабочего, не к самому рабочему, а к стоимости предметов потребления, потребляемых данным ра-

бочим. Другими словами, органическое строение капитала представляет собой отношение количества сосуществующего живого труда, затрачиваемого на производство средств производства, применяемых рабочим, к количеству сосуществующего живого труда, затрачиваемого на производство предметов потребления, потребляемых данным рабочим.

Используя довольно грубое приближение, характерное для двух- и трехсекторных моделей воспроизводства, можно заключить, что органическое строение капитала любого нижестоящего в схеме воспроизводства подразделения представляет собой не что иное, как распределение живого труда, т.е. рабочей силы между вышестоящим и нижестоящим подразделениями общественного производства.

Органическое строение капитала II подразделения, таким образом является распределением рабочей силы между I и II подразделениями в двухсекторной модели воспроизводства и между Iб) и II подразделениями в трехсекторной модели. Органическое строение капитала Iб) подразделения, соответственно, отражает распределение рабочей силы между Ia) и Iб) подразделениями в трехсекторной модели.

Маркс верно подметил, что органическое строение капитала в его время росло. Но что означает этот рост? Какие процессы происходят при этом во всей цепочке взаимосвязанных показателей воспроизводственной системы? Решить эти вопросы Маркс не успел, а Энгельс, Ленин и прочие марксисты, не говоря уже о немарксистах, имели для этого слишком поверхностное представление о данном предмете.

А процессы здесь происходят следующие. В период циклического подъема органическое строение капитала растет, но его рост полностью компенсируется ростом нормы эксплуатации, а рост последней отражает не что иное, как рост общественной производительности труда. В самом деле, если бы органическое строение капитала росло, а производительность труда и норма эксплуатации оставались неизменными, то норма прибыли стремительно бы снижалась. Даже если вообразить рабочего каким-то фетишистом, получающим удовольствие не от роста потребления, а исключительно от ворочания многотонными средствами производства, совершенно не понятно, зачем сие нужно капиталисту. Совершенно очевидно, что рост технической вооруженности труда имеет смысл лишь в том случае, если он ведет к росту производительности труда. В противном случае, т.е., если производи-

тельность труда на данном предприятии не растет, а органическое строение применяемого на этом предприятии капитала растет, то в масштабе всего общества совокупная производительность труда снижается, так как на производство прежнего количества продукции затрачивается больше средств производства, т.е. сосуществующего живого труда в производстве средств производства. Данный процесс неминуемо вызовет падение нормы прибыли до нуля, т.е. полное ее исчезновение.

Итак, в период циклического подъема наблюдается рост общественной производительности труда, выражающийся в росте нормы эксплуатации и равном ей росте органического строения капитала, тогда как норма прибыли остаётся неизменной. В масштабе всего общества рост органического строения капитала означает перекачку рабочей силы из II и Ib) в Ia) подразделение общественного производства. Технический прогресс в период подъема имеет, таким образом капиталоемкий характер.

Для капиталоемкой фазы технического прогресса характерны классические зависимости, рассмотренные еще К. Марксом. Здесь на производство прежнего количества продукции начинает требоваться меньше совокупного (живого и овеществленного) или, что то же самое, сосуществующего (в I и II подразделениях одновременно) труда, а избыток его высвобождается для нового производства. При этом в большинстве случаев имеет место факт, установленный Марксом, а именно, количество живого труда затрачиваемого на производство прежнего количества продукции, уменьшается, а количество овеществленного труда (=прошлого труда=постоянного капитала=сосуществующего труда I подразделения) возрастает, но абсолютная величина сокращения первого показателя больше, чем прирост второго, в результате чего часть совокупного труда высвобождается для нового производства.

Таким образом, рост производительности совокупного труда сопровождается быстрым ростом органического строения капитала при сохранении неизменного уровня нормы прибыли.

Но такой тип технического прогресса имеет объективно обусловленный предел, при выходе за который для дальнейшей экономии живого труда необходимо такое увеличение затрат прошлого труда (=овеществленного труда=постоянного капи-

тала=сосуществующего труда I подразделения), которое сводит на нет, полностью перекрывает получаемую экономию живого труда, заставляя норму прибыли стремительно сокращаться, устремляясь к нулю.

Инвестируемая прибыль является двигателем капиталистического расширенного воспроизводства, при отсутствии которого последнее превращается в простое воспроизводство, т.е. в такое воспроизводство, для которого характерен неизменный индекс потребительной стоимости на душу населения. Стремительное сокращение прибыли знаменуют собой наступление циклического кризиса.

Рост капиталоемкости достигает такого уровня, когда дальнейшее увеличение органического строения капитала и перекачка рабочей силы в 1а) подразделение уже не ведет к росту производительности труда и нормы эксплуатации. Следовательно, как мы уже видели, рост органического строения капитала при неизменной производительности труда и норме эксплуатации ведет к неудержимому падению нормы прибыли и, в пределе, к полному исчезновению прибыли.

Данный процесс стремительного падения нормы прибыли начинается внезапно на пике подъема и знаменует собой начало циклического кризиса перепроизводства. Само явление перепроизводства означает, что дальнейшее увеличение производительности труда по капиталоемкому типу технического прогресса уже невозможно и должно осуществляться по капиталозакономерному его типу.

В ходе циклического кризиса и последующей депрессии имеет место капиталозакономерный тип технического прогресса, для которого характерно снижение органического строения капитала и перераспределение рабочей силы из I во II подразделение. Условия, предъявляемые к техническим усовершенствованиям в этот период гораздо жестче, чем во время капиталоемкого технического прогресса. Если ранее можно было внедрить машины, которые, экономя живой труд, требовали для своего производства увеличения количества сосуществующего труда в I подразделении, то теперь требуется применение лишь таких машин, которые дают большую экономию постоянного капитала (= сосуществующего труда в I подразделении), чем живого труда.

Поэтому пространство и длительность капиталозакономерной фазы технического прогресса гораздо меньше, чем капиталоемкой, так как придумать соответствующие

ей машины гораздо труднее.

Таким образом, в ходе кризиса и депрессии происходит сброс избыточной капиталоемкости и открываются возможности для новой фазы капиталоемкого технического прогресса.

Действительная граница циклического подъема лежит в исчерпании потенциала экономического роста в рамках капиталоемкого типа технического прогресса и необходимости капиталозономной его фазы, т.е. сброса капиталоемкости для возобновления роста. Эта граница проявляется в снижении темпа роста производительности труда и параллельном ему снижении нормы прибыли, имеющими в пределе исчезновения прибыли и неизменный уровень производительности труда, т.е. простое воспроизводство.

Пока продолжается циклический подъем, кризиса, по мнению капиталистов, не может быть никогда. Затем, когда кризис все же начинается, капиталисты, столкнувшись с сокращением спроса и прибыли, сокращают производство и увольняют часть рабочих. Кейнсианские же методы борьбы со спадом не дают сбрасывать капиталоемкость, загоняют высвободившуюся рабочую силу обратно в производство в его прежних пропорциях. Раздувание бюджетных расходов и увеличение налогов с целью стимулирования совокупного спроса, таким образом, ведет к консервации производительности труда в промышленности на неизменном уровне.

Разумеется, стагнация с полной занятостью лучше, чем стагнация с безработицей. И в ситуации, когда перегруппировка факторов производства затруднена либо осуществляется в течение слишком длительного промежутка времени, давление безработицы может стать настолько сильным, что кейнсианское раздувание бюджетных расходов, загоняющее экономику за стагнационный барьер (пик предшествовавшего подъема), может оказаться меньшим злом, чем длительная стагнация в условиях высокой безработицы. Именно таким было положение в западных странах в 30-е годы XX века. Не следует, однако, забывать, что из "Великой депрессии" капиталистическую экономику вытащило вовсе не государственное регулирование кейнсианского толка, а Вторая мировая война, приведшая к резкому росту выпуска вооружения и средств производства для его изготовления, загрузившему все избыточные мощности промышленности.

Монетаризм же не дает раздувать бюджетные расходы и налоги, сокращает их, создавая тем самым благоприятные условия для технического перевооружения промышленности в рамках капиталозономного технического прогресса. Фактически монетаризм мешает кейнсианству препятствовать выходу экономики из кризиса.

В общем следует отметить, что монетаризм знает как и умеет обрушивать неэффективные экономические структуры. Однако он ничего не может сказать о том, как обеспечить возобновление экономического роста после такого обрушения. Подразумевается, что этим займется свободный рыночный механизм. Это действительно так, но только для тех экономик, где существуют особые условия, о которых речь пойдет позже. При их отсутствии свободный рынок не приведет к возобновлению экономического роста.

Таким образом, антикризисное регулирование, смягчая кризис, фактически задерживает выход из него и обрекает производительность труда на стагнацию. Это в полной мере подтвердили кризисы 1974-1975 гг., и 1980-1982 гг. "Успех" антикризисного регулирования был столь полным, что из Ia) в Ib) и II подразделения были оттянуты ресурсы, необходимые для технического перевооружения Ia) подразделения. А так как к этому времени монополии в значительной степени научились предотвращать само явление перепроизводства, загодя сокращая производство и вздувая цены на товары, стагнация технического уровня производства в сочетании с бурной инфляцией породила известный феномен, вызвавший в конце концов неоконсервативную реакцию.

Рассмотрим, наконец, реально существующий в капиталистической экономике цикл, т. е. введем в модель перекачку рабочей силы из сельского хозяйства в промышленность. На ранних стадиях индустриального развития перекачка рабочей силы из сельского хозяйства была основным источником роста занятости в промышленности, перед которым отступал на второй план естественный рост трудовых ресурсов в самой промышленности. Но и по сей день перекачка рабочей силы из сельского хозяйства является объективным фактором, оказывающим немалое влияние на процесс воспроизводства и на цикл.

При включении в модель сельского хозяйства капиталистический цикл претерпевает модификации. Прежде всего значительно увеличивается удельный вес в

общей массе рабочей силы той ее части, которая занята прибавочным трудом. Это объясняется как увеличением темпа роста рабочей силы в промышленности за счет перекачки из сельского хозяйства, так и особенностями самого процесса перекачки.

Одной из главных особенностей земледельческого производства в сравнении с промышленным является изначально существующий ощутимый разрыв между временем производства и временем труда в земледелии, на который указывал Маркс [25;с.271-272]. При этом время труда составляет лишь часть времени производства. По мере интенсификации земледелия разрыв между временем производства и временем труда сокращается.

Сущность перекачки рабочей силы из сельского хозяйства в промышленность состоит в увеличении численности работников промышленности, содержащихся за счет продукта земледельческого работника. Для этого, естественно, необходимо увеличение продукта, создаваемого земледельческим работником. Данное увеличение продукта может быть достигнуто за счет повышения производительности труда земледельческого работника без повышения уровня его трудозатрат либо путем увеличения времени труда работника при неизменной производительности труда или увеличением как трудозатрат работника, так и производительности его труда.

В реальной действительности, как правило, увеличение продукта земледельческого работника достигается за счет действия обоих факторов. Однако работники земледелия будут увеличивать затраты своего труда лишь в том случае, если это не повлечет за собой снижений производительности их труда, исчисляемой в единицах индекса потребительной стоимости (промышленного продукта, получаемого в обмен на продукцию земледелия) на единицу рабочего времени.

Если время труда земледельческого работника в результате перекачки части рабочей силы из сельского хозяйства в промышленность возрастет в большей степени, чем индекс потребительной стоимости (промышленного продукта) в расчете на земледельческого работника, то производительность труда в земледелии в реальном выражении снизится, хотя в единицах натурального продукта земледельческого работника она вполне может возрасти.

Однако для самого работника земледелия имеет значение не производительность труда в единицах натурального продукта, который большей своей частью не

входит в потребление работника, а производительность труда в единицах индекса потребительской стоимости (промышленного продукта), непосредственно потребляемого работником. Поэтому, если производительность труда в единицах индекса падает, перекачка рабочей силы из сельского хозяйства в промышленность становится для занятых в земледелии невыгодной и прекращается.

Все это вносит существенные дополнения в схемы воспроизводства. Поскольку, чтобы перекачать часть рабочей силы из сельского хозяйства в промышленность, необходимо определенное увеличение времени труда оставшихся в земледелии работников, то для недопущения снижения производительности их труда в единицах индекса требуется соответствующая компенсация в виде продуктов промышленности, поступающих в потребление оставшихся в земледелии работников. В отличие от обменов между промышленностью и сельским хозяйством в условиях отсутствия перекачки, т.е. при постоянстве удельных весов земледельческого и промышленного населения, когда определенное количество продуктов промышленности (средств производства и предметов потребления) обменивается на определенное количество продуктов сельского хозяйства, обмен в условиях перекачки включает в себя сверх того дополнительный компонент в виде предметов потребления, обмениваемых промышленностью на перекачиваемую из земледелия рабочую силу.

Фактически дополнительный промышленный продукт в предметах потребления обменивается на добавочный земледельческий продукт, произведенный посредством увеличения времени труда оставшихся в земледелии работников и идущий на содержание работников, перекачиваемых в данный момент из земледелия в промышленность. Таким образом, в прибавочный труд во II подразделении входит новый элемент.

Поэтому можно выделить четыре фазы цикла:

- * в нулевой фазе производительность труда в промышленности остается неизменной; народнохозяйственная производительность труда возрастает за счет перекачки рабочей силы из сельского хозяйства - отрасли, в которой не создаются новые виды потребностей, в промышленность;

- * в первой фазе производительность труда в промышленности растет за счет увеличения ее во II и Ib) подразделениях при неизменном уровне в Ia) подразделе-

нии;

- * во второй фазе производительность труда повышается в Ia) подразделении;

- * в третьей фазе происходит рассасывание безработицы при неизменной производительности труда.

Нетрудно заметить, что нулевая и первая фазы цикла представляют собой этапы промышленного подъема, вторая - кризис, переходящий в депрессию, третья - оживление.

На ранней стадии индустриализации при господстве в сельском хозяйстве ручного труда и ведущей роли естественных производительных сил занятое в сельском хозяйстве население росло абсолютно, т.е. в промышленность вбиралась только часть его прироста. В этом случае рост продукта земледельческого работника достигался в большей степени за счет увеличения времени его труда, чем за счет повышения производительности труда.

Увеличение же времени труда работника земледелия требует в качестве компенсации для неснижения производительности его труда в единицах индекса увеличения промышленного продукта, дополнительно поступающего в сельское хозяйство. При этом, чем меньше общий объем промышленного производства и чем выше темпы увеличения времени труда работника земледелия, тем больше в промышленном продукте доля добавочного продукта для сельского населения и выше темп ее увеличения. Это приподнимает завесу над тайной абсолютного снижения жизненного уровня рабочих промышленности, характерного для ранних стадий индустриализации во всех главных странах капитализма, за исключением США.

В данном случае для обеспечения перекачки рабочей силы в сельское хозяйство туда необходимо было направлять все увеличивающуюся долю промышленного продукта, т.е. рост производства предметов потребления за счет увеличения рабочей силы в промышленности и повышения производительности ее труда не поспевал за потребностью сельского хозяйства в предметах потребления для обеспечения перекачки.

В этих условиях происходило абсолютное снижение индекса потребительной стоимости для рабочих промышленности и переброска предметов потребления в сельское хозяйство для обеспечения перекачки. В противном случае имела реаль-

ная угроза прекращения перекачки и сжатия цикла до одного-двух лет, что при существовавших условиях было равнозначно подрыву капиталистического производства.

Что касается США и переселенческих доминионов, то проблема перекачки на данной стадии перед ними просто не вставала. Их промышленность обеспечивалась рабочей силой путем иммиграции. Рабочая сила иммигрантов распределялась между промышленностью и сельским хозяйством, склоняясь по мере подхода к кризису в сторону сельского хозяйства. Относительный характер перекачки не мог избавить экономическое развитие от цикличности, но зато избавлял пролетариат от абсолютного обнищания. Когда же иммиграция была прекращена, США и другие ведущие капиталистические страны уже находились на том этапе развития, когда рост продукции земледельческого работника достигался в основном за счет повышения производительности труда. При этом подавляющая часть направляемого в сельское хозяйство продукта обменивалась на сельскохозяйственный продукт в рамках необходимого обмена, а обмен добавочного продукта утратил былое значение вследствие резкого падения темпов повышения времени труда работника в земледелии. Вместе с тем повышение производительности труда в земледелии стало возможным лишь в результате внедрения новых средств производства и повышения их удельного веса в балансе обменов промышленности и сельского хозяйства.

В указанных особенностях перекачки и заключается секрет более высоких темпов развития капитализма в США, чем в странах Западной Европы. Хронологически начало повышения жизненного уровня рабочих промышленности ведущих капиталистических стран, за исключением США и переселенческих колоний, почти совпадает со стабилизацией численности населения, занятого в сельском хозяйстве, и началом ее сокращения (в Англии с 1851г., во Франции с 1876 г., Германии с 1890г.). При этом весь прирост сельского населения поглощался промышленностью и наблюдалось абсолютное сокращение численности работников земледелия.

А что же было до возникновения экономического цикла? Ведь первый в мировой истории циклический кризис разразился в Англии в 1825 г., тогда как промышленный переворот начался в последней трети XVIII века, а мануфактурное производство берет начало в XVI веке. Технический прогресс, конечно же, существовал и

в то время, но он был весьма близок к нейтральному, при небольшом относительном увеличении удельного веса Ia) подразделения в численности промышленной рабочей силы. Значительное ускорение технического прогресса после 1825 г. было прямо связано с потерей его нейтрального характера в краткосрочном периоде, с формированием двухфазного ступенчатого его типа в рамках экономического цикла.

Общая тенденция повышения капиталоемкости производства, отражающая повышение удельного веса Ia) подразделения в балансе рабочей силы, наблюдалась до начала 30-х годов XX века, после чего начался процесс постепенного снижения капиталоемкости, отражающий снижение удельного веса Ia) подразделения в балансе рабочей силы.

Данный процесс нашел свое отражение в постоянном повышении органического строения капитала обрабатывающей промышленности в период до начала 30-х годов нынешнего века и в постепенном снижении органического строения капитала в период после второй мировой войны.

В настоящее время в связи со значительным исчерпанием резервов перекачки рабочей силы из сельского хозяйства и колоссальным ростом сферы услуг абсолютная численность занятых в промышленности ведущих капиталистических стран сокращается. Те незначительные контингенты рабочей силы, которые еще перекачиваются из сельского хозяйства, вбираются не в промышленность, а прямо или через промышленность в сферу услуг.

В условиях абсолютного сокращения численности рабочей силы в промышленности весь прирост индекса потребительной стоимости, создаваемый в этой сфере, обеспечивается путем высвобождения рабочей силы из существующего производства в самой промышленности и направления этой силы в новое производство. При этом сохраняется ступенчатый технический прогресс - материальная основа цикла.

После смерти Маркса динамическую теорию капиталистического воспроизводства пытались развивать сторонники марксистского направления в политэкономии: В.И.Ленин, М.И.Туган-Барановский, а из западных исследователей - Й.Шумпетер, Джоан Робинсон, Р.Харрод, Е.Домар, Р.Солоу.

Наиболее значимой работой Ленина в области теории капиталистического

воспроизводства является его первая самостоятельная научная работа "По поводу так называемого вопроса о рынках". В этой работе он создал трехсекторную модель капиталистического расширенного воспроизводства, в рамках которой выделил из единого I подразделения, существовавшего в схемах Маркса, Ia) и Ib) подразделения, а также ввел новый фундаментальный параметр, отсутствовавший в схемах Маркса, - повышение общественной производительности труда и соответствующее ему повышение органического строения капитала.

В Марксовых схемах воспроизводства, как известно, производительность труда и органическое строение капитала являлись величинами постоянными, а технический прогресс не учитывался. Соответственно, превышение $v+m$ (добавленной стоимости) I подразделения над потребностью II подразделения в возмещении израсходованных средств производства (IIc) ни в коей мере не являлось свидетельством опережающего роста I подразделения, а отражало тот общеизвестный факт, что для производства большего количества предметов потребления вновь вовлекаемые в производство рабочие должны быть сначала обеспечены средствами производства (данный феномен Е. Бем-Баверк, как известно, назвал окольным характером производства).

Ленин вводит в схемы воспроизводства капиталоемкий тип технического прогресса, выражавшийся в параллельном росте производительности труда и органического строения капитала. Однако он неправомерно абсолютизирует данный тип технического прогресса и выводит из этого закон опережающего роста производства средств производства над производством предметов потребления.

Разумеется, Ленин имел к тому основания: в течение всей второй половины XIX и начала XX веков органическое строение капитала от цикла к циклу росло, выражая более быстрый рост I подразделения. Однако уже тогда было видно, что этот рост не может быть бесконечным, ибо в таком случае в пределе вся рабочая сила будет сосредоточена в I подразделении, а II подразделение прекратит свое существование. Но самое главное, Ленин не подозревал, что кроме капиталоемкого типа технического прогресса может существовать капиталосберегающий его тип, для которого характерно снижение органического строения капитала и который регулярно имеет место в периоды циклических кризисов.

Значительный вклад в теорию воспроизводства внес российский ученый, представитель так называемого "легального марксизма" М. И. Туган-Барановский. В своей главной работе "Основы политической экономии", вышедшей в 1908 г. в Петербурге, он предпринял ряд шагов по дальнейшему развитию трудовой теории стоимости и теории капиталистического расширенного воспроизводства, в ходе которых аргументировано опроверг ряд фундаментальных выводов Маркса.

Основное достижение этого исследователя заключается в том, что он установил решающее значение критерия общественной производительности труда в процессе капиталистического воспроизводства, освободив трудовую теорию стоимости от завалов ортодоксального марксизма. Если у Маркса и даже у английских классиков прибыль и зарплата находятся в антагонистических отношениях между собой, так что рост одного из показателей автоматически означает снижение другого, то это только потому, что они в данном случае абстрагируются от роста производительности труда.

Туган-Барановский установил, что абсолютный размер заработной платы определяется в первую очередь общей суммой общественного дохода, зависящей от производительности труда, и лишь во вторую очередь - долей рабочего класса в общественном доходе [47;с.550]. Тем самым центр тяжести всей теории переносится с проблемы распределения на проблему экономического роста и накопления на справедливое распределение уже произведенного продукта (рост доли рабочего класса в общественном доходе) способно приводить к устойчивому росту потребления на душу населения лишь в той степени, в которой оно не подрывает процесс накопления, от которого зависит рост общественной производительности труда.

При этом противоречие между трудом и капиталом отнюдь не исчезает, но оно не является антагонистическим в Марксовом понимании, а представляет в своей большей части характерную для индустриального общества разновидность свойственного всем эпохам основного экономического противоречия между потреблением и накоплением. Определенный антагонизм существует лишь между долей в совокупном доходе рабочего класса (зарплата) и той частью капиталистической прибыли, которая используется на потребление самими капиталистами.

Вокруг этого противоречия крутится вся социал-демократическая политика

XX века, не допуская чрезмерного роста паразитического потребления с помощью прогрессивного налогообложения.

Туган-Барановский занимался также разработкой теории экономического цикла. В частности, он один из первых обратил внимание на динамику зарплаты и прибыли в различных фазах экономического цикла: "Прибыль колеблется не в обратном отношении, а прямом отношении к заработной плате. Периоды подъема зарплаты суть вместе с тем и периоды подъема прибыли; падение же заработной платы сопровождается и падением прибыли" [47;с.542].

Однако в целом попытку Туган-Барановского создать теорию экономических циклов нельзя признать удачной. Ему так и не удалось установить главную причину циклического развития капиталистической экономики. Оба его главных тезиса - объяснение циклических кризисов диспропорциональностью развития различных отраслей производства и постулат о независимости роста производства средств производства от производства предметов потребления, т.е. о возможности безграничного роста органического строения капитала - являются явно ошибочными. На самом деле рост производства средств производства (производство угля и железа для производства угля и железа) в рамках капиталоемкого типа технического прогресса не является бесконечным, а имеет жесткую границу, при выходе за которую начинается стремительное уменьшение прибыли, влекущее за собой стремительное сокращение производства, т.е. начинается циклический кризис перепроизводства.

Упомянутые ошибочные воззрения М.И.Туган-Барановского разделял и В. И. Ленин. Наряду с идущим еще от Сисмонди "объяснением" циклических кризисов недопотреблением пролетариата он признавал также "объяснение" последних диспропорциональностью развития отдельных отраслей.

Крупный австрийский экономист Йозеф Шумпетер создал собственную теорию долгосрочной динамики капиталистического воспроизводства. В книге "Теория экономического развития" он выступил против вальрасовской "теории общего рыночного равновесия", т.е. простого воспроизводства, в защиту воспроизводства расширенного [53].

По Шумпетеру, простое воспроизводство с отсутствием инвестируемой прибыли характерно лишь для промежутков между циклическими кризисами, а в ходе

кризисов имеет место повышение общественной производительности труда на базе технических инноваций. При этом технические нововведения распространяются неравномерно. Те предприятия, которые первыми вводят их, получают преимущество и извлекают прибыль. После распространения данной волны инноваций воспроизводство вновь становится простым и бесприбыльным - до следующего кризиса.

Однако разрыв с вальрасовской теорией был у Шумпетера недостаточно радикальным. В действительности расширенное воспроизводство на макроуровне, т.е. на уровне всего народного хозяйства, осуществляется при капитализме всегда, только в период кризиса и депрессии имеет место капиталозакономерный тип технического прогресса, а в период подъема - капиталоемкий его тип. Шумпетер, хоть и хвалил Маркса, не смог вполне оценить значение его гениальных новаций - категории органического строения капитала и разделения всего общественного производства на два основных подразделения и тем самым закрыл себе путь для развития теории макроэкономической динамики в правильном направлении.

Что касается извлечения прибыли теми предприятиями, которые первыми внедряют технические нововведения, то это прибыль избыточная, дифференциальная, которая перераспределяется в пользу данных предприятий с помощью механизма рыночной конкуренции из общего фонда прибыли, существующего на уровне всего народного хозяйства. Данный же фонд прибыли является необходимым атрибутом расширенного воспроизводства и существовал бы даже в том случае, если бы все предприятия внедряли технические нововведения одновременно.

Вальрасовская теория общего рыночного равновесия фиксирует остановленное мгновение рыночной экономики, т.е. момент простого воспроизводства. При простом воспроизводстве действительно отсутствует инвестируемая прибыль, а существует на неизменном уровне лишь зарплата, фонд возмещения потребленных средств производства и "зарплата капиталиста", а инвестируемой прибыли нет.

Но вся беда вальрасовской теории общего рыночного равновесия заключается в том, что простого воспроизводства при капитализме как раз и нет и быть не может. Простое воспроизводство - это смерть для капитализма, так как капиталистическое воспроизводство по определению является расширенным. Если в какой-либо период в промышленности нет притока трудовых ресурсов, все равно производство растет

вследствие повышения производительности труда от технического прогресса. Если нет технического прогресса (так бывало в течение среднесрочных периодов в эпоху ранней индустриализации), производство расширяется за счет притока новых трудовых ресурсов (естественный рост населения и перекачка рабочей силы из сельского хозяйства). Но чтобы не было ни технического прогресса, ни притока новых трудовых ресурсов, такого в истории капитализма не было никогда.

Инвестируемая, т.е. превращаемая в капитал, прибыль является движущей силой капиталистической экономики, и если она когда-либо исчезнет на длительный срок, т.е. воспроизводство из расширенного станет простым, то это уже будет не капитализм, а какой-то другой общественный строй.

Долгосрочными проблемами экономической динамики занималась также выдающаяся английская исследовательница Джоан Робинсон. Помимо созданной до второй мировой войны и ставшей классической теории несовершенной конкуренции она выдвинула в вышедшей в 1956 г. в Лондоне книге "Накопление капитала" свою теорию долгосрочной динамики капиталистического воспроизводства [82].

Дж. Робинсон модифицировала Марксовы схемы воспроизводства с тем, чтобы отразить в них повышение общественной производительности труда, происходящее в результате технического прогресса. Однако связать динамику воспроизводства с динамикой экономического цикла ей так и не удалось. Причиной тому - выдвинутое ею фундаментальное положение о нейтральности технического прогресса в среднесрочном и краткосрочном периодах.

По Робинсон, в процессе экономического роста, происходящего в рамках нейтрального технического прогресса, неизменными остаются органическое строение капитала, норма эксплуатации и затраты капитала на выпуск единицы продукта. Весь же прирост физического объема продукции, достигнутый в результате повышения производительности труда, достается рабочим; норма прибыли остается неизменной. Тем самым производительность труда в I и II подразделениях растет одинаковым темпом, а распределение рабочей силы по подразделениям общественного производства остается неизменным.

Модель Дж. Робинсон является логически безупречной. Но все дело в том, что ее основная предпосылка не соответствует фактам реальной действительности: по

меньшей мере с 1825 г., когда в Англии разразился первый кризис перепроизводства, технический прогресс уже не является нейтральным. Он принял двухступенчатую форму - капиталоемкая его фаза в период циклического подъема сменяется капиталозакономерной фазой в период циклического спада и депрессии, так что некоторое приближение к нейтральному типу наблюдается лишь на весьма длительных временных периодах.

Что касается основного потока исследований экономической динамики, представленного в западной науке работами Р.Харрода, Е.Домара и Р.Солоу, то здесь налицо явный отказ от величайшего достижения К. Маркса - выделения двух подразделений общественного производства, - и возврат к привычным односекторным моделям. В рамках этих моделей упомянутые исследователи рассматривают тот же нейтральный тип технического прогресса, что и Дж. Робинсон в двухсекторной модели воспроизводства, и приходят к тем же выводам. Но, в отличие от последней, они вообще не употребляют таких категорий, как органическое строение капитала и норма эксплуатации (норма прибавочной стоимости), а признают лишь соотношение капитал-продукт, т.е. коэффициент капиталоемкости, полагая последний неизменным. Тем самым среднесрочные процессы, развёртывающиеся в ходе экономического цикла, полностью выпадают из поля зрения исследователей, долгосрочная динамика сводится к параллельному росту капитала и продукта.

Данный подход, в свою очередь, приводит упомянутых авторов к еще одному широко распространенному заблуждению. Параллельный рост капитала и продукта, т.е. одинаковый темп их роста в условиях нейтрального технического прогресса при стабильном коэффициенте капиталоемкости начинает трактоваться таким образом, что рост валового продукта в расчете на работника является следствием роста капиталовооруженности труда, т.е. постоянного капитала (средств производства) в расчете на одного работника (надо, впрочем, отдать должное западным исследователям: они, по крайней мере, в отличие от советских, не называют капиталовооруженность работника органическим строением капитала).

На самом деле все обстоит совершенно иначе. Простой рост капиталовооруженности при сохранении прежнего технического уровня средств производства всегда и во всех случаях ведет к резкому и стремительному падению предельного про-

дукта капитала: а, если рабочему, прежде работавшему на одном станке, дать еще несколько таких же станков, эффект роста капиталовооруженности будет близким к нулю. В действительности рост производительности труда достигается не ростом вооруженности работника капиталом данного технического уровня, а только и исключительно за счет технического прогресса, т.е. повышения технического уровня (производительности) средств производства. Зависимость здесь следующая. Технический прогресс ведет к тому, что прежнее количество работников начинает производить больший, чем раньше, продукт, т.е. увеличивается выработка продукта в расчете на работника. И лишь затем совокупное количество труда, затраченного обществом на производство продукта, вступает в сравнение с количеством совокупного труда, затраченного обществом на воспроизводство в прежнем масштабе средств производства, т.е. с количеством капитала, потребляемого в процессе производства. Только теперь формируется величина прироста капиталовооруженности работника.

Данный процесс происходит следующим образом. Человеческие потребности удовлетворяют лишь предметы потребления; средства же производства не удовлетворяют непосредственно никаких потребностей. Поэтому первичным показателем, позволяющим измерить результаты производства, является физический объем производства предметов потребления в расчете на работника, т.е. реальная производительность труда. Повысившийся в результате технического прогресса, этот показатель затем приписывается работникам, занятым в I подразделении общественного воспроизводства. Это означает, что повышение капиталовооруженности (повышение производительности труда I подразделения) является следствием технического прогресса, и ничего более.

Повысившаяся сумма цен физического объема средств производства лишь отражает свет повысившейся суммы цен физического объема предметов потребления. Таким образом, в общем случае при неизменном объеме трудовых ресурсов и нейтральном типе технического прогресса не рост затрат капитала ведет к росту объема продукта, а наоборот, рост производства продукта вследствие технического прогресса ведет к повышению суммы цен средств производства и в целом и в расчете на работника.

ГЛАВА III. СИНХРОННЫЙ ТИП КАПИТАЛИСТИЧЕСКОГО ВОСПРОИЗВОДСТВА: СТРУКТУРНЫЕ РАЗРЫВЫ И ИХ ПОСЛЕДСТВИЯ

Для построения типологии капиталистического воспроизводства прежде всего необходимо всесторонне проанализировать проблемы строения экономической структуры, выявить причины возникновения и сущность такого феномена, как структурные разрывы в экономике. Для этого необходимо внимательно рассмотреть сущность монополии в экономике и механизм монопольного ценообразования. Напомним, чем ценообразование в условиях монополии отличается от ценообразования в условиях свободной (совершенной) конкуренции.

Экономической наукой уже сравнительно давно установлено, что коренная причина этого отличия заключается в следующем. В условиях совершенной конкуренции отдельное предприятие не может путем расширения либо сокращения объема производства влиять на общий уровень рыночных цен на тот или иной вид продукции. Соответственно, при совершенной конкуренции предприятие может повышать объем своего производства и предложения на рынке, не вызывая понижения продажной цены. Поэтому у него есть стимул расширять производство, пока предельные издержки остаются ниже продажной цены.

При монополии, наоборот, каждый раз, когда монопольное предприятие увеличивает производство, оно предопределяет снижение цены, которое распространяется не только на дополнительное количество товара, вырабатываемого на рынок, но и на общее количество товара. Поэтому монополия стремится расширять производство не до того момента, когда продажная цена достигает величины предельных издержек, а лишь до того, когда предельный доход окажется равным предельным издержкам. Нарращивание производства прекращается раньше, чем предельные издержки достигнут величины продажной цены.

Таким образом, монопольная цена всегда выше цены совершенной конкуренции, а объем производства в натуре, достигаемый в условиях господства монополии, соответственно, всегда ниже, чем при свободной конкуренции. Рыночное равновесие в условиях монополии сохраняется, но на более высоком уровне цены и на более низком уровне предложения, чем при совершенной конкуренции.

Обычно исследователи ограничивались изучением эффекта монополии лишь с точки зрения его влияния на рыночное равновесие. Однако влияние монополии на экономику гораздо глубже. Для рыночного равновесия самого по себе абсолютные размеры цены и предложения не имеют значения, важно лишь их соотношение. Равновесие спроса и предложения в принципе может быть достигнуто при любом уровне производства соответствующим увеличением либо снижением цен. Но с точки зрения внутренней структуры экономики, структуры воспроизводства, решающее значение имеет не соотношение платежеспособного спроса и предложения, а действительные пропорции производства, объем производства не в денежном выражении, а в натуре.

Дело здесь в том, что экономическая структура состоит из ряда взаимосвязанных между собой производственных блоков. При этом наивысший уровень эффективности экономики в целом достигается при оптимальном уровне производства в натуре в каждом из блоков.

Оптимальный уровень производства в натуре в любом из блоков - это уровень, достигаемый при совершенной конкуренции. Это объясняется тем, что оптимальный уровень удовлетворения всех платежеспособных потребностей - производственных и потребительских - достигается в том случае, когда предельные издержки производства в каждом экономическом блоке равны продажной цене, т.е. в той точке, где дальнейшее увеличение производства вызовет уменьшение прибыли предприятия. Совершенная конкуренция, таким образом, представляет собой механизм оптимального распределения производственных ресурсов общества по сферам и отраслям производства.

Снижение производства предметов и средств труда в натуре в каком-либо из блоков ниже оптимального уровня приводит к нарушению межблоковых пропорций и вызывает реакцию снижения производства в сравнении с оптимальным уровнем в надстраивающемся над данным блоком новом блоке экономической структуры.

Монопольное ценообразование, как изложено выше, как раз и приводит к такому сокращению производства в натуре в сравнении с оптимальным уровнем, сохраняя между тем рыночное равновесие между спросом и предложением. Экономическое содержание данного процесса состоит в сокращении производства в натуре

внутри блоков экономической структуры и сокращении таким образом производственных мощностей внутри этих блоков. Сэкономленные таким способом производственные мощности перебрасываются в другие отрасли для нового производства, выделяясь в новый экономический блок.

Описанное выше сокращение производства в натуре в каком-либо отдельно взятом экономическом блоке, происходящее вследствие господства в данном блоке монополии и монопольного ценообразования и приводящее к снижению производства в новых блоках экономической структуры, и является структурным разрывом. Иными словами, структурный разрыв - это дыра в производственной структуре в том месте, где должно быть производство, необходимое для поддержания оптимального уровня производства в других блоках и, следовательно, в экономике, взятой в целом.

Таким образом, структурный разрыв необходимо влечет за собой искажение оптимальных пропорций распределения производственных ресурсов общества по сферам и отраслям производства. В каком же направлении осуществляется воздействие такого рода искажений на воспроизводственный процесс? Это воздействие происходит в двух противоположных направлениях.

С одной стороны, уменьшение производства и, соответственно, производственных мощностей в сравнении с оптимальным уровнем в ряде блоков экономической структуры позволяет сэкономить производственные мощности, средства и предметы труда и перебросить их в другое производство и создать новые экономические блоки. При этом невыгодное для монополий производство, приводящее к снижению их прибылей, - на том месте, где образуется структурный разрыв, - заменяется выгодным производством, сохраняющим монопольную сверхприбыль. Это ведет к росту прибылей монополий и повышению темпов экономического развития в ближайшем периоде в сравнении с уровнем, характерным для совершенной конкуренции.

С другой стороны, структурные разрывы, как мы уже знаем, приводят к нарушению оптимальных межблоковых пропорций и таким образом к прогрессирующему снижению предельной производительности факторов производства. В долгосрочном плане для единицы прироста конечного продукта требуется все больший

прирост производственных мощностей, средств и предметов труда, сокращается фондоотдача и происходит общее ухудшение структуры экономики. Это объясняется тем, что все большая часть новых капиталовложений омертвляется, проваливается в незакрытые стыки между экономическими блоками, а следовательно, не участвует в производстве конечного продукта. Темпы роста производства конечного общественного продукта замедляются, а значит, замедляется темп роста уровня жизни общества.

Следует отметить, что положительный эффект структурных разрывов, выражающийся в повышении темпов экономического роста за счет экономии средств производства, непосредственно проявляется сразу и продолжается в течение длительного периода. Отрицательные же последствия структурных разрывов накапливаются постепенно и выявляются лишь на протяжении длительных - в десятки лет - периодов. Следовательно, победа той или другой тенденции определяется в первую очередь тем, насколько дополнительный потенциал экономического роста, высвобождаемый структурными разрывами, сможет перекрыть в долгосрочном плане отрицательные эффекты этих разрывов.

Здесь мы опять переходим к проблеме перекачки рабочей силы из сельского хозяйства в промышленность и сферу услуг. В каких же случаях экономия средств производства, проистекающая от структурных разрывов, наиболее эффективна? Очевидно, наиболее эффективной она является в тех случаях, когда спрос на средства производства значительно опережает их предложение. А для этого, в свою очередь, требуется, чтобы объем перекачиваемой из сельского хозяйства рабочей силы значительно превышал возможности промышленности по обеспечению этой рабочей силы средствами производства.

Таким образом, необходимым условием возникновения на основе структурных разрывов долговременной рыночно-монополистической структуры является значительное прошение объемов перекачиваемой из сельского хозяйства рабочей силы над способностью промышленности обеспечить данную рабочую силу средствами производства. Однако при образовании рыночно-монополистической экономической структуры в разных странах поток перекачиваемой рабочей силы из сельского хозяйства в промышленность по своей силе был не одинаков.

Очевидно, он не мог быть достаточно сильным в странах первого эшелона капиталистического развития. Это объясняется тем, что ко времени образования устойчивых монополий - последнему десятилетию XIX века - Англия и Франция находились уже на той стадии экономического развития, когда население, занятое в сельском хозяйстве, сокращается не только относительно в сравнении с несельскохозяйственным, но и абсолютно. Процесс абсолютного сокращения занятого в сельском хозяйстве населения начался в Англии в 1851 г., во Франции - 1876 г. [77;с.169]. Наибольшая мощность перекачки приходится на тот период, когда сельскохозяйственное население, сокращаясь относительно, все еще растет абсолютно. Это вызвано тем, что растущее абсолютно сельскохозяйственное население в условиях наличия потенциала роста производства (обеспеченность скотом) и неизменной обрабатываемой площади приводит к сокращению земельной площади в расчете на одного работника и тем самым является сильнейшим дополнительным стимулятором перекачки рабочей силы из сельского хозяйства.

Англия и Франция преодолели эту стадию экономического развития еще в тот период, когда не было монополий, и таким образом благополучно миновали рыночно-монополистическую ловушку. Экономическая структура этих стран сохранила рыночно-конкурентный характер, коего факта ни в малейшей степени не может опровергнуть то обстоятельство, что и в Англии, и во Франции возникли и по сей день существуют крупнейшие монополии.

Структурные разрывы, генерируемые монополиями в экономике стран первого эшелона капиталистического развития, носили и носят локальный характер, не приводя к появлению качественно новой рыночно-монополистической структуры.

В отличие от этого большинство стран второго эшелона капиталистического развития вполне удовлетворяют выдвинутому выше условию образования рыночно-монополистической структуры. В этих странах пик перекачки рабочей силы из сельского хозяйства в промышленность пришелся как раз на период формирования мощных монополистических групп. Совпадение во времени этих двух процессов обеспечило максимальную эффективность использования структурных разрывов в экономике, лавинообразный их количественный рост привел к появлению качественно новой рыночно-монополистической структура.

Здесь может возникнуть правомерный вопрос: если все дело в особенностях перекачки рабочей силы в странах первого и второго эшелонов, то, наверное, социально-экономические структуры внутри второго эшелона должны быть так же близки друг другу, как сходны между собой экономические структуры стран первого эшелона - Англии и Франции?

Между тем, эти структуры, к примеру, - Германии, с одной стороны, и Канады или Голландии - с другой, имели на рубеже веков и десятилетия спустя весьма мало общего. Очевидно, наряду с главным условием образования рыночно-монополистической модели развития - огромной мощностью перекачки рабочей силы из сельского хозяйства в период образования монополий - существует еще одно необходимое условие. Но прежде чем перейти к нему, рассмотрим сначала пример с Канадой.

В Канаде, как и в других странах переселенческого капитализма - США, Австралии, ЮАР - самого явления перекачки рабочей силы из сельского хозяйства в промышленность в период возникновения монополий не было вообще. И промышленность, и сельское хозяйство этих стран в этот период снабжались рабочей силой за счет иммиграции из Европы. При этом в тех случаях, когда мощность иммиграционного потока превышала возможности промышленности по обеспечению добавочной рабочей силы средствами производства, часть этой рабочей силы, не вбираясь в промышленность, отбрасывалась в сельское хозяйство путем освоения все новых неиспользуемых земель. Соответственно, если не было главного условия - огромных объемов перекачки рабочей силы из сельского хозяйства - не могло в принципе быть и результата - рыночно-монополистической модели.

Что касается таких стран, как, например, Голландия или Швеция, тоже относящихся ко второму эшелону индустриального капитализма, то здесь препятствием на пути формирования рыночно-монополистической структуры явился недостаточный объем внутреннего рынка, обусловленный малыми размерами данных стран. Чем меньше страна, тем выше, при прочих равных условиях, экспортно-импортный компонент в ее валовом продукте. Это объясняется тем, что для поддержания конкурентоспособности производства в условиях монополистической конкуренции масштаб производства должен быть достаточно большим, нередко превышающим

емкость внутреннего рынка того или иного вида продукции в малой стране. Поэтому значительная часть продукции монополий малых стран неизбежно должна идти на экспорт. В свою очередь, экспортная специализация в ряде отраслей влечет за собой импорт остальной, не производящейся в стране или производящейся в недостаточном количестве номенклатуры изделий.

Таким образом, в отличие от стран второго эшелона с большим внутренним рынком, проводивших в период индустриализации политику протекционизма, закрывавших свой внутренний рынок от иностранной конкуренции, протекционизм в чистом виде в малых странах оказался невозможным: на внутренних рынках этих стран наряду с продукцией собственных монополий все время обращалось огромное количество иностранных товаров. Тем самым монополизация производства одной либо несколькими отечественными корпорациями в большинстве отраслей становилась практически невозможной.

Структурные разрывы, генерируемые в экономике малых стран местными монополиями, в большинстве отраслей производства немедленно закрываются импортируемой продукцией и не накапливаются. Незакрытыми остаются лишь локальные структурные разрывы в немногих экспортных отраслях, при этом их потенциал явно недостаточен для формирования рыночно-монополистической структуры экономики. Экономическая структура малых стран второго эшелона всегда сохраняет таким образом рыночно-конкурентный характер.

Итак, рыночно-монополистическая структура экономики не может сформироваться в странах первого эшелона, а из второго эшелона - в малых и переселенческих странах. Остаются из стран эшелона большие и не переселенческие - Германия, Италия, Япония. Именно в этих странах одновременно действуют три фактора - мощная перекачка рабочей силы из сельского хозяйства в промышленность, образование монополий и до конца проведенный протекционизм, обусловившие формирование на рубеже XIX и XX столетий рыночно-монополистической модели экономического развития.

Каковы же основные характеристики данной модели, отличающие ее от рыночно-конкурентной структуры? Во-первых, в отличие от рыночно-конкурентной структуры, где структурные разрывы носят локальный характер и общее их количе-

ство с течением времени не растет, в рамках рыночно-монопольной структуры рост количества структурных разрывов имеет лавинообразный характер. Во-вторых, накопление критической массы структурных разрывов ведет к необходимости вовлечения в производство все больших объемов людских и материальных ресурсов для обеспечения единицы прироста конечного продукта, что обуславливает более ярко выраженную агрессивность рыночно-монополистических стран в сравнении со странами конкурентного капитализма.

И, наконец, в-третьих, действие упомянутых факторов определяет высокую степень неустойчивости рыночно-монополистической модели в сравнении с рыночно-конкурентной: дальнейший рост массы структурных разрывов неизбежно приводит к превращению рыночно-монополистической структуры в государственно-монополистическую.

Мы рассмотрели две качественно различные экономические структуры, существовавшие в начале XX века в странах первого и второго эшелонов капитализма. В каких же направлениях в дальнейшем эволюционировали эти структуры? Проследим сначала эволюцию рыночно-конкурентной экономики. Для нее характерны две главные линии развития:

- * превращение моноотраслевых монополий в диверсифицированные;
- * государственное регулирование экономики.

Развитие в этих направлениях началось еще во время первой мировой войны, но особенно мощный импульс получило в результате кризиса 1929-1933 гг. В странах первого эшелона и переселенческих положительный экономический эффект от структурных разрывов оказался весьма незначительным вследствие недостаточных масштабов либо практического отсутствия перекачки рабочей силы из сельского хозяйства в промышленность. Отрицательные же последствия структурных разрывов обусловили сравнительно скорое принятие этими странами антимонопольного законодательства. В результате на пути вредоносной деятельности моноотраслевых монополий появилась серьезная преграда. Ограничив возможности монополий извлекать сверхприбыль путем занижения производства и завышения цен в ряде отдельных отраслей, государство тем самым подтолкнуло монополистические группы к диверсификации - сокращению объема контролируемой монополией части рынка в

какой-либо одной отрасли и увеличению общего объема контролируемого монополией рынка за счет распространения ее деятельности на другие отрасли.

Таким образом, диверсифицированные монополии стали владеть относительно небольшой частью рынка во многих отраслях одновременно, что значительно сузило возможности образования структурных разрывов.

Вторым направлением эволюции рыночно-конкурентной структуры стало государственное регулирование экономики. Здесь рубежом стал великий кризис 1929-1933 гг. Рыночно-конкурентные страны пострадали от кризиса в целом значительно меньше, чем рыночно-монополистические, так как в их экономике было гораздо меньше структурных разрывов.

Несколько особый случай представляют лишь США. Здесь, как уже упоминалось, не могла сформироваться рыночно-монополистическая структура экономики, так как в период образования монополий отсутствовала перекачка рабочей силы из сельского хозяйства в промышленность. Однако наличие огромного внутреннего рынка и жесткий протекционизм явились условиями, способствующими разгулу монополий и нарастанию структурных разрывов. В целом масштабы структурных разрывов в экономике США были меньше, чем в странах рыночно-монополистической модели, но гораздо больше, чем в остальных странах с рыночно-конкурентной экономикой. Это не могло не сказаться на глубине кризиса 30-х годов, по масштабам которого США были ближе к рыночно-монополистическим странам, чем к рыночно-конкурентным. Результатом кризиса явилась последовательная демополизация экономики, диверсификация моноотраслевых монопольных структур и сведение на этой основе к минимуму возможностей образования структурных разрывов.

Что касается собственно государственного регулирования экономики, то оно охватило 3 основные сферы. Во-первых, государство начало проводить антициклическое регулирование, направленное на предотвращение массового разрушения производительных сил вследствие циклических кризисов и вызванных ими социальных потрясений. Во-вторых, было начато структурное регулирование экономики. И в-третьих, был взят курс на создание развитой социальной сферы.

Антициклическое регулирование, хотя и было бессильно предотвратить цик-

лические кризисы, в целом способствовало предотвращению явления перепроизводства и сокращению отрыва I подразделения от II в фазе подъема.

Создание развитой социальной сферы обусловило преодоление структурных разрывов в той области, функционирование которой в принципе невозможно на строго возмездной эквивалентной основе.

И, наконец, структурное регулирование экономики позволило свести к минимуму возникновение структурных разрывов в процессе долгосрочных изменений, происходящих в промышленности и сельском хозяйстве под воздействием научно-технического прогресса. Структурное регулирование осуществляется путем государственного финансирования разработки и внедрения новых технологий, не могущих обеспечить на начальном этапе свою окупаемость, предоставления налоговых и кредитных льгот приоритетным отраслям производства.

К этой же разновидности государственного регулирования относится функционирование госсектора в промышленности. При этом госсектор ограничивается преимущественно отраслями тяжелой промышленности с низкой рентабельностью, производящими однородную продукцию постоянной номенклатуры: добывающей промышленностью, металлургией, энергетикой, водо- и теплоснабжением, транспортом.

В этих условиях оптимальное распределение производственных ресурсов общества достигается при помощи безэквивалентного изъятия части ресурсов из более прибыльных отраслей и направления их в менее прибыльные. Такое перераспределение служит в конечном счете созданию более благоприятных условий деятельности прибыльных отраслей обрабатывающей промышленности, находящихся в частном секторе, в том числе за счет поддержания более низких цен на сырье и энергию по сравнению с той ситуацией, когда сырьевые и энергетические отрасли находятся полностью в частном владении. Таким образом, государственное предпринимательство в развитых странах с рыночно-конкурентной экономикой нацелено на преодоление узких мест в экономике, которое не может быть осуществлено частным капиталом с должной народно-хозяйственной эффективностью.

В результате диверсификации моноотраслевых монополий и перехода к государственному регулированию экономики возможность возникновения структурных

разрывов в хозяйстве рыночно-конкурентных стран была сведена к минимуму.

А что же в это время происходило в странах с рыночно-монополистической экономикой? Здесь неконтролируемый лавинообразный рост структурных разрывов с неизбежностью приводил к превращению рыночно-монополистической структуры в государственно-монополистическую. Но прежде чем перейти к характеристике ее сущности и свойств, необходимо уточнить вопрос терминологии. Термин "государственно-монополистический капитализм", широко используемый в советской экономической литературе, не имеет ничего общего с нашим термином и употребляется для характеристики того, что в нашей терминологии называется "рыночно-конкурентной моделью", в период после кризиса 30-х годов. Настоящая же государственно-монополистическая структура является закономерным и неизбежным результатом эволюции рыночно-монополистической структуры.

Дело в том, что экономический рост путем использования структурных разрывов имеет неизбежный предел, полагаемый предельной массой диспропорций, которую может выдержать экономика, не подвергаясь распаду. Переброска производственных ресурсов из мест образования структурных разрывов и формирование за счет ее новых производственных блоков вызывают цепную реакцию прогрессирующего роста монопольных цен в каждом вновь создаваемом производственном блоке. Использование ресурсов приобретает все более нерациональный характер, что ведет к замедлению темпов экономического роста. Наконец, наступает очередной циклический кризис.

И вот тут-то выясняется, что превышена критическая масса структурных разрывов, т.е. часть малопроизводительных средств производства, подлежащих техническому обновлению в рамках традиционной модели выхода из кризиса, не может быть ничем заменена в условиях присущих периоду кризиса низких цен. Эта часть производства, наращенная путем использования структурных разрывов, может функционировать лишь в условиях сверхвысоких монопольных цен, т.е. в условиях крайне нерационального использования общественных ресурсов.

Таким образом, очередной циклический кризис требует полного вывода из производства части производственных блоков, наращенных за счет использования структурных разрывов, без всякой их замены. Этот процесс можно назвать струк-

турной адаптацией. Структурная адаптация - необходимая ступень на пути превращения рыночно-монополистической модели в рыночно-конкурентную.

В процессе структурной адаптации осуществляется закрытие основной части структурных разрывов, но происходит это за счет того, что подлежит обрушению и ликвидации огромная часть экономической структуры, наращенная за счет использования структурных разрывов. Экономика возвращается, таким образом, к исходному сбалансированному состоянию, существовавшему до возникновения структурных разрывов.

Необходимо отметить, что структурная адаптация неизбежно приводит к огромной безработице и значительному снижению жизненного уровня населения. Поэтому правительства прибегают к данной мере весьма неохотно, когда уже исчерпаны и не принесли успеха все остальные варианты. Несомненно, в странах второго эшелона существовала объективная возможность мирного перехода от рыночно-монополистической к рыночно-конкурентной модели путем структурной адаптации.

Неизбежные издержки такой адаптации - массовую безработицу и значительное снижение жизненного уровня - в условиях стран второго эшелона население вполне могло перенести. Однако принципиальная возможность такого перехода отнюдь не означает автоматически ее реализацию.

Помимо значительного снижения жизненного уровня, структурная адаптация наносила мощный удар по интересам монополий: она вынуждала последние к перемещению сфер своей деятельности из наращенных за счет структурных разрывов производственных блоков в нижестоящие блоки для закрытия этих разрывов. При этом, соответственно, сокращалась и даже сводилась на нет возможность получения монопольной сверхприбыли за счет завышения цен.

В результате, столкнувшись с необходимостью структурной адаптации, рыночно-монополистические страны отвергли ее и предпочли государственно-монополистическую модель.

В создавшихся условиях происходит смена политической надстройки, ликвидация демократических институтов, свойственных рыночно-монополистической модели, и установление государственно-монополистической диктатуры фашистского типа.

Таким образом, фашистский режим в странах второго эшелона совершенно правильно определяется в традиционной марксистской литературе как террористическая диктатура наиболее реакционных кругов монополистического капитала, при которой государство прямо выступает в качестве орудия обеспечения приоритета монополий. Ошибаются марксисты здесь лишь тогда, когда они считают сам факт существования монополий необходимым и достаточно объективным условием возникновения фашизма, сводя остальные условия к действию субъективных факторов. На самом деле необходимым и достаточно объективным условием возникновения фашизма в странах второго эшелона является существование не просто монополий, а рыночно-монополистической структуры экономики, пронизанной структурными разрывами и неудержимо тяготеющей к превращению в государственно-монополистическую. Никакие монополии не могли в принципе привести к победе фашизма в Англии, США, Франции, Канаде, Швеции, Голландии и т.д. - везде, где не было рыночно-монополистической структуры.

Итак, какие же изменения в экономике повлекла за собой смена рыночно-монополистической модели государственно-монополистической? Прежде всего, переход к государственно-монополистической структуре экономики означал отказ от поддержания традиционного рыночного равновесия между спросом и предложением посредством цен, формируемых хотя и с неизбежными извращениями, вызванными монопольным ценообразованием, в конечном счете рынком.

Вместо характерного для рыночно-монополистической структуры рыночно-монопольного ценообразования, обеспечивающего сохранение рыночного равновесия между спросом и предложением, вводится государственный контроль над ценами, означающий фактически директивное установление цен государством. Установление государственного контроля над ценами явилось мерой, направленной на предотвращение спонтанного обвала наращенной за счет структурных разрывов части экономической структуры в период кризиса.

Директивное установление цен государством означало, что распределение ресурсов в экономике отныне уже не может производиться рынком, а должно производиться государством. При этом ни о каком преодолении причин возникшего кризиса - структурных разрывов - разумеется, не могло быть и речи. Наоборот, дирек-

тивны́е цены способствовали дальнейшему расширению и углублению структурных разрывов, так как не отражали реальных затрат и вели к нерациональному использованию ресурсов. Однако установлением директивных цен была достигнута главная цель, поставленная государственно-монополистическим руководством - сохранение от обвала экономической структуры и обеспечение приоритета интересам монополий.

Невозможность преодоления структурных разрывов в рамках государственно-монополистической модели объясняется тем, что при характерных для данной модели деформациях цен происходит искажение экономической информации о тех направлениях, в которых необходимо осуществлять капиталовложения для закрытия структурных разрывов. Выделяемые для этой цели ресурсы направляются не "по назначению", а на наращивание неэффективных и непрерывно усугубляющих свою неэффективность частей экономической структуры, так как ни государство, ни кто-либо еще не знают и не могут знать с достаточной точностью, где же находятся эти структурные разрывы, куда первоочередно необходимо вкладывать капиталовложения. Это выясняет только рынок - экономический механизм свободного формирования цен на основе спроса и предложения.

Таким образом, единственная возможность выявить структурные разрывы заключается в том, чтобы отпустить цены. Однако рост свободных цен, вызванный дефицитом продукции, приводит к восстановлению ситуации, существовавшей непосредственно перед превращением рыночно-монополистической структуры в государственно-монополистическую.

Какой же выход из создавшегося положения находит государственно-монополистическая система? Как уже было сказано, установление государственного контроля над ценами позволяет осуществлять дальнейшее наращивание экономической структуры, пронизанной структурными разрывами. Однако цена, которую приходится за это платить - отказ от рыночного равновесия между спросом и предложением. Распределение производственных и потребительских ресурсов общества начинает осуществляться самим государством. Валюта страны окончательно утрачивает конвертируемость. Вводится директивное долгосрочное государственное планирование. Необходимость изыскивать все новые и новые ресурсы для поддер-

жания роста экономической структуры побуждает государство принудительно насаждать структурные разрывы в тех отраслях, которые до этого еще не были монополизированы: осуществляется принудительная монополизация (картелирование) мелких и средних предприятий.

Вся эта картина весьма напоминает реальный социализм, особенно в области надстройки, однако в природе базисных структур между ними существуют качественные различия, обуславливающие различие путей дальнейшей эволюции. В отличие от социализма, детальное рассмотрение которого дается в следующих разделах данной работы, государственно-монополистическая модель капитализма развивается в условиях господства частномонополистической собственности на средства производства. Разумеется, в условиях государственного контроля над ценами возможность монополий распоряжаться своей продукцией становится достаточно фиктивной, движение ресурсных потоков определяется государством в интересах системы в целом. Однако сохранение частных монополий в качестве основы государственно-монополистической структуры, отказ от прямой передачи средств производства в собственность государства имеет глубинные причины, корнящиеся в экономическом базисе.

Суть заключается в том, что смена форм собственности всегда является отражением изменений в базисе, перемен в материальной структуре экономики. В случае с реальным социализмом, например, огосударствление средств производства осуществляется в целях обеспечения тотального контроля за движением ресурсных потоков со стороны государства. Такой тотальный контроль в форме директивного планирования при социализме требует наличия в огромных размерах недоиспользованного ранее ресурса - рабочей силы, перекачиваемой из сельского хозяйства в промышленность. Только в этом случае передача средств производства в собственность государства имеет экономический смысл.

В случае с государственно-монополистической моделью капитализма положением было обратным. В странах оси в 30-е годы перекачка рабочей силы из сельского хозяйства в промышленность практически прекратилась, а вместе с ней прекратился и экономический рост (не считая производства вооружения). Поэтому в огосударствлении средств производства не было нужды, и монополии продолжали

оставаться частными.

Таким образом, в странах государственно-монополистической модели в 30-е годы XX века имело место директивное планирование формально частной экономики. При этом для наращивания неэффективной экономической структуры широко использовались заменители перекачки рабочей силы из сельского хозяйства - высвобождение рабочей силы из самой промышленности вследствие принудительной монополизации ее прежде немонополизированных отраслей, а также использование иностранной рабской рабочей силы.

Потенциал первого из этих заменителей был невелик и оказался быстро исчерпанным. Что касается рабской рабочей силы, то ее роль в экономике стран государственно-монополистической модели развития непрерывно возрастала. По сути дела в основе всех агрессий стран оси лежала потребность в захвате иностранной рабской рабочей силы. Однако этот фактор экономического роста не мог привести экономику на путь нормального сбалансированного развития. Кроме того, рабскую рабочую силу, как и перекачиваемую из сельского хозяйства, необходимо было содержать, хотя и по более низким нормам, на что у государственно-монополистических структур не было достаточных ресурсов. В конце концов, выход из государственно-монополистического тупика принесло поражение стран оси во второй мировой войне.

В ходе второй мировой войны была обрушена в результате военных действий большая часть экономической структуры, что, естественно, повлекло за собой значительное снижение жизненного уровня населения стран оси. Однако столь большое снижение жизненного уровня, которое было немыслимо в мирный период из-за опасности социального взрыва во время войны было принято населением как само собой разумеющееся и не вызывало особых возмущений. При этом масштабы разрушений были далеко не такими катастрофическими, как может показаться на первый взгляд. Военными действиями были весьма мало затронуты такие жизненно важные сферы, как сельская инфраструктура и вообще сельское хозяйство, добывающая промышленность, энергетика; несколько больше пострадали обрабатывающая (особенно военная) промышленность, городские коммунальные службы и городской жилой фонд.

Обрушение экономической структуры, пронизанной структурными разрывами, явилось решающей предпосылкой перехода к сбалансированной экономике рыночно-конкурентного типа. Другой предпосылкой стала проводимая правительством этих стран после окончания войны политика демополизации производства. На этой проблеме необходимо остановиться подробнее. Суть в том, что довольно распространенным является взгляд на демополизацию как на простое раздробление, разукрупнение монополий как хозяйственных единиц. При этом подразумевается, что источником монополизма является сосредоточение производственного потенциала какой-либо отрасли в руках небольшого числа хозяйственных единиц. Такой подход, однако, позволяет уяснить только часть проблемы, притом далеко не главную.

На самом деле, как уже было показано в начале данного раздела, источником монополизма является не само сосредоточение в руках небольшого числа монополий огромных производственных ресурсов, а возможность занижать производство и завышать цены на свою продукцию в сравнении с положением, существующим при совершенной конкуренции, и получать таким образом монопольную сверхприбыль.

Поэтому в данном случае простое изменение численности предприятий, находящихся в пораженной демополизмом отрасли, ничего принципиально не меняет. Например, можно разукрупнить несколько существующих в отрасли монополий и создать на их основе несколько сотен мелких предприятий. Однако если при этом производственные мощности совокупности новых предприятий не увеличатся в сравнении со старыми и предложение товаров в данной отрасли останется на уровне ниже оптимального, то эти новые сотни предприятий будут такими же демополистами, как и прежние крупные монополии.

Для преодоления демополизма нужно в первую очередь довести уровень производства на каждом этаже экономической структуры до оптимального, т.е. ликвидировать структурные разрывы. Короче, демополизировать - значит увеличить производство и закрыть структурные разрывы новыми элементами экономической структуры. А так как подавляющая часть структурных разрывов в экономике стран оси была упразднена обрушением государственно-демополистической структуры в ходе войны, то закрыть предстояло совсем небольшую их часть. В этом процессе

ключевую роль сыграл внешний фактор - большая помощь США бывшим своим противникам. Результатом такой структурной адаптации стал переход Германии, Италии и Японии в послевоенный период от государственно-монополистической к рыночно-конкурентной модели экономического развития.

Той же направленностью характеризуется и послевоенная эволюция рыночно-конкурентной модели развития экономики. В этот период возможность возникновения структурных разрывов была сведена к минимуму в силу действия ряда причин. Во-первых, широкая интеграция развитых стран в различных экономических сообществах и утверждение свободы торговли сделали возникновение структурных разрывов очень трудным делом, ибо способствовали острой конкуренции иностранных компаний на внутренних рынках, препятствуя их монополизации. Во-вторых, бурное развитие малых предприятий на основе новых наукоемких технологий поставило под вопрос эффективность производства крупных монополий. И в-третьих, абсолютное сокращение рабочей силы, занятой в промышленности, и ее перекачка в сферу услуг гораздо менее подверженную монополизации, чем индустрия.

ГЛАВА IV. АСИНХРОННЫЙ ТИП ВОСПРОИЗВОДСТВА: СТРУКТУРНО - АДАПТАЦИОННАЯ МОДЕЛЬ

До сих пор при рассмотрении проблем экономической структуры мы абстрагировались от весьма важного показателя, служащего критерием в нашей системе взглядов, по которому можно отличать развитие страны от развивающихся. Этот критерий - синхронность либо асинхронность расширенного воспроизводства элементов, образующих экономическую структуру. Рассмотрим подробнее эти категории.

В предыдущей главе исследованию подвергались экономические структуры стран первого и второго эшелонов капиталистического развития, т.е. индустриально развитых стран. При этом были проанализированы причины и следствия возникновения таких феноменов, как структурные разрывы, представляющие собой пустоты в экономической структуре на том месте, где должно существовать какое-либо производство, необходимое для обеспечения сбалансированного развития экономики. Однако упоминалось также, что структурные разрывы этого типа образуются лишь внутри какого-либо из блоков экономической структуры.

Теперь перейдем к исследованию структурных разрывов принципиально иного порядка. В экономике развитых стран внутри отдельных блоков экономической структуры действительно могли возникать и возникали структурные разрывы. Но при этом имелись в наличии все экономические блоки, необходимые для сбалансированного развития экономики. Иными словами, существовала некоторая критическая масса экономических блоков, требуемая для одновременного развития всех элементов экономической структуры.

Такое одновременное развитие всех необходимых для сбалансированного роста элементов экономической структуры и олицетворяет синхронный тип развития, характерный для стран первого и второго эшелонов капитализма.

Синхронный тип развития подразумевает господство частной собственности на средства производства и включает в себя как рыночно-конкурентную, так и рыночно-монополистическую модель, перерастающую затем в государственно-монополистическую. Более того, само господство частной собственности на средст-

ва производства является юридическим выражением происходящих в экономика процессов, а именно - синхронности развития всех основных элементов экономической структуры. Господство частной собственности на средства производства означает, что экономическая структура для своего развития не нуждается в перманентном, осуществляемом государством, перераспределении ресурсов, поступающих в производственную сферу (необходимость и реальность такого перераспределения для содержания непроизводственной сферы никем не оспаривается).

Каково же, в свете вышеизложенного, положение со структурой экономики в странах третьего, четвертого и последующих эшелонов? В отличие от развитых стран, где структурные разрывы носят внутриблоковый характер, а в экономической структуре присутствуют все необходимые для синхронного развития блоки, в странах третьего и последующих эшелонов отсутствует ряд блоков экономической структуры, необходимых для нормального сбалансированного развития, причем количество отсутствующих блоков нередко превышает количество имеющихся в наличии. Это обусловлено самим характером развития капитализма в данной группе стран, т.е. зависимой от развитых стран моделью развития. Причины формирования такой модели и вообще возникновения отсталости рассмотрены в главе I данной работы. Напомним, о чем идет речь.

Для преодоления высокого компенсационного барьера в регионах мира за пределами Северо-Западной Европы и стран, заселяемых выходцами из нее, требовалось использование в промышленности более высокопроизводительной техники, чем техника мануфактурного периода. Поэтому переход к капитализму за пределами Северо-Западной Европы стал возможен лишь при условии использования техники, уже изобретённой в Северо-Западной Европе.

Внедрение промышленной техники и технологии извне расцикливает циклическое до того производство в данных регионах мира. При этом возникает технологический разрыв, суть которого заключается в том, что прерывается процесс постепенного развития автохтонной технологической структуры, а в саму эту структуру вмонтируются создаваемые вне ее технологические блоки. Тем самым процесс воспроизводства в развивающихся странах утрачивает характерную для развитых стран на всех этапах их развития непрерывность и становится отныне возможным лишь в

условиях обмена части их продукта на средства производства, поставляемые из развитых стран.

Итак, ключевой характеристикой экономической структуры развивающихся стран является отсутствие в ней ряда блоков, необходимых для синхронного развития. Из общего числа необходимых для такого развития блоков в наличии явно меньшая часть, другая часть может быть создана при определенных условиях и, наконец, третья часть еще долго в принципе не может быть создана. Такой тип развития, при котором не происходит одновременное расширенное воспроизводство всех необходимых для сбалансированного роста элементов экономической структуры, назовем асинхронным.

Здесь может возникнуть вопрос: что представляет собой критическая масса хозяйственных блоков, необходимых для синхронного развития и каков критерий ее выделения? Так, во многих развитых странах (например, Норвегия, Дания, Ирландия) вследствие их малых размеров и обусловленной ими экспортной специализации в рамках международного разделения труда отсутствуют целые отрасли промышленности (а нужная продукция при этом импортируется). А такие, к примеру, страны, как Новая Зеландия, Исландия вообще не стремятся к созданию мощной обрабатывающей промышленности, специализируясь соответственно на рыболовстве и животноводстве, при этом имеют один из самых высоких в мире уровней жизни и явно не рискуют угодить в четвертый и пятый эшелоны капиталистического развития.

Очевидно, критическая масса хозяйственных блоков, необходимая для синхронного развития, не определяется ни списком каких-либо отраслей производства, ни номенклатурой производимых изделий, ни объемами их производства. Она определяется наличием такой ситуации, когда все элементы экономической структуры функционируют и поддерживают процесс расширенного воспроизводства в производственной сфере, не нуждаясь в подпитке ресурсами, поступающими в систему централизованного безэквивалентного перераспределения. Такую критическую массу хозяйственных блоков назовем целостной индустриальной структурой (ЦИС). Это название не означает, что в нее входят лишь отрасли промышленности, наоборот, сюда относятся в первую очередь инфраструктура, а также строительство, услу-

ги и другие отрасли производственной сферы. Критерий при этом один - способность функционировать без перманентного внестоимостного перераспределения общественных ресурсов.

Особенно велика в рамках ЦИС роль инфраструктуры. Если по объемам производства валового внутреннего продукта на душу населения развивающиеся страны отстают от развитых в десятки раз, то по уровню инфраструктурной плотности порой в сотни и тысячи раз. При этом чем меньше территория страны и выше плотность населения, тем легче, при прочих равных условиях, создать достаточную для ЦИС инфраструктурную плотность. Это важное преимущество густонаселенных малых стран (например, Юго-Восточной Азии). В целом отсутствие достаточной инфраструктурной плотности является одним из самых серьезных препятствий на пути построения целостной индустриальной структуры.

В развитых странах промышленная революция изначально происходила по синхронному типу в условиях наличия целостной индустриальной структуры. Страны же третьего и последующих эшелонов начинали капиталистическую эволюцию в условиях отсутствия ЦИС. Это объясняется самим фактом их более позднего перехода на капиталистический путь развития: значительный временный лаг обусловил громадное увеличение количества элементов и усложнение строения целостной индустриальной структуры, необходимой в качестве условия развития по синхронному типу. Поэтому экономические блоки, создаваемые в развивающихся странах, в ходе их капиталистической эволюции, не могут сразу образовать целостную индустриальную структуру и обречены в течение длительного периода функционировать вне такой структуры. В результате в экономике развивающихся стран возникают феномены, неизвестные экономике развитых стран.

Если в развитых странах при наличии целостной индустриальной структуры структурные разрывы возникают только внутри экономических блоков, то в развивающихся странах они имеют межблоковый характер, что приводит к огромной деформации всего воспроизводственного механизма. Отсутствие в экономической структуре развивающихся стран ряда необходимых хозяйственных блоков ведет к резкому снижению эффективности функционирования соседних экономических блоков, невозможности для них осуществлять воспроизводство без централизован-

ного внестоимостного перераспределения в их пользу производственных ресурсов общества, изымаемых из других участков экономической структуры.

Отсутствие какого-либо блока экономической структуры, необходимого для синхронного развития, приводящее к невозможности для соседних блоков функционировать без централизованного внестоимостного перераспределения в их пользу общественных ресурсов, изымаемых из других участков (блоков) экономической структуры, назовем структурным разломом. Таким образом, структурный разлом является качественно новым явлением, по существу отличным от структурного разрыва.

Результатом структурного разлома является необходимость перманентного безэквивалентного перераспределения государством общественных ресурсов из одних экономических блоков в другие для поддержания функционирования экономической структуры в целом.

Такое перераспределение осуществляется государством либо путем прямых государственных дотаций нерентабельным предприятиям, либо в форме косвенных субсидий через деформацию системы рыночного ценообразования. Впрочем, последняя форма никогда не достигает в развивающихся странах масштабов, характерных для социализма. Государство в развивающихся странах контролирует, как правило, лишь небольшую часть цен на наиболее важные товары - продукты питания, топливо, электроэнергию, путем сравнительно небольшого занижения цен на них, обеспечивая рентабельность большинства предприятий обрабатывающей промышленности. Основной поток перераспределения ресурсов государством в этих странах идет через систему прямых дотаций, а ценообразование сохраняет преимущественно рыночный характер.

Проведенный анализ позволяет более четко уяснить роль госсектора в экономике развивающихся стран и природу стоящих перед ним проблем. Ключевая роль госсектора в экономике стран третьего и последующих эшелонов капитализма определяется отсутствием здесь целостной индустриальной структуры, в рамках которой только и возможно функционирование экономической системы на базе частной собственности. Отсутствие ряда необходимых для синхронного развития хозяйственных блоков и потребность в их скорейшем формировании делают мобилизацию на-

копленных ресурсов государством и направление их на расширенное воспроизводство в виде государственных капиталовложений решающим фактором экономического развития.

Здесь мы вплотную подходим к вопросу о причинах низкой эффективности, а зачастую нерентабельности, убыточности предприятий государственного сектора в развивающихся странах. Обычно в научной литературе и в материалах международных экономических организаций в качестве таких причин приводятся следующие: отсутствие материальной заинтересованности в результатах труда, бюрократизм и некомпетентность управляющего персонала, раздутые штаты и т.п. При этом имеется в виду, что с устранением этих недостатков будут устранены и причины неэффективности. А для этого, - дается совет, - необходима приватизация, т.е. переход предприятий из рук незаинтересованных в экономической эффективности государственных чиновников в руки заинтересованных в ней частных собственников.

Однако, если бы дело обстояло так просто, то все развивающиеся страны уже давно догнали бы развитые и никакие козни чиновников-бюрократов не смогли бы тому помешать. В вышеупомянутой концепции, являющейся составной частью концепции структурной адаптации, получает ясное выражение та фетишизация отношений собственности, которая со времен Маркса мешает исследовать реальные процессы развития экономической структуры, развития производительных сил.

Суть дела в том, что даже если все работники предприятия будут страстно заинтересованы в результатах своего труда, управляющий персонал избавится от лишних штатов и станет в высшей степени оперативным и компетентным, словом, если вдруг на месте унылой бесхозяйственности возникнет мощная частная фирма, то и она, эта фирма, все равно не сможет стать рентабельной и избежать убыточности. А не сможет она это сделать по той причине, что в экономике страны отсутствует целостная индустриальная структура, и на том месте, где должен находиться соседний необходимый для функционирования данной фирмы блок, зияет структурный разлом.

Таким образом, в условиях отсутствия целостной индустриальной структуры предприятие, окруженное структурными разломами, в принципе не может быть рентабельным. В этих условиях рентабельными могут быть только те предприятия, ко-

торые входят в хозяйственные блоки, не отделенные друг от друга структурными разломами. Только такие предприятия могут осуществлять процесс воспроизводства, не прибегая к перераспределению в свою пользу общественного продукта, создаваемого в других блоках экономической структура, в виде государственных дотаций. Следовательно, только такие предприятия могут находиться в частной собственности, ибо частное предприятие, которому для его функционирования требуются постоянные государственные дотации - это экономический абсурд даже для весьма специфических условий, свойственных развивающимся странам.

Итак, можно заключить, что предприятие, окруженное структурными разломами, приватизировать в принципе невозможно, его можно только закрыть. Именно в этом, как мы увидим далее, и состоит сущность структурной адаптации.

В чем же заключаются важнейшие особенности процесса развития экономической структуры развивающихся стран? Как уже было сказано, в экономике этих стран отсутствует целостная индустриальная структура и существует огромное количество структурных разломов. Экономическую структуру, в которой количество имеющихся в наличии хозяйственных блоков меньше количества отсутствующих блоков, необходимых для синхронного развития, будет правильным назвать анклавной. Более высокую степень анклавной структуры, в которой имеет место обратное соотношение, т.е. где количество имеющихся в наличии блоков превышает количество отсутствующих, назовем неполноцелостной структурой.

В зависимости от длительности временного лага между внедрением промышленной технологии в развитых и развивающихся странах находится исходная степень целостности индустриальной структуры, формирующейся в развивающихся странах. Чем больше этот временной лаг тем больше количество элементов, необходимое для образования целостной индустриальной структуры, так как в развитых странах происходит процесс непрерывного ее усложнения. Поэтому страны четвертого и пятого эшелонов капитализма начинают построение ЦИС с анклавной структуры, тогда как в странах третьего эшелона (Южная Европа, Восточная Европа, Аргентина) данный процесс имеет в качестве своего исходного пункта наличие неполноцелостной структуры.

Таким образом, с точки зрения эволюции экономической структуры процесс

превращения развивающейся страны в развитую означает переход от анклавной структуры экономики к неполноцелостной и далее к целостной индустриальной структуре.

Однако на пути такого перехода развивающиеся страны сталкиваются с весьма серьезными препятствиями. Самым значительным из них является непрерывное увеличение количества элементов и усложнение строения целостной индустриальной структуры, происходящее под влиянием научно-технического прогресса. Это означает, что с течением времени для построения целостной индустриальной структур требуется создание все большего количества хозяйственных блоков, взаимодействующих между собой.

В этих условиях преимущество получают те из развивающихся стран, которые способны создать наибольшее количество взаимосвязанных и обязательно не разъединенных структурными разломами хозяйственных блоков в кратчайший период времени. Такая способность является наивысшей у тех стран, в которых существует наивысший прирост рабочей силы, поступающей в несельскохозяйственную сферу, т.е. наибольший темп перекачки рабочей силы из сельского хозяйства.

В свою очередь, наибольший темп перекачки рабочей силы из сельского хозяйства свойственен тем странам, земледельческая система которых носит ярко выраженный трудоинтенсивный характер при отсутствии застойного аграрного перенаселения. Это страны Восточной и Юго-Восточной Азии - Корея, Малайзия, Таиланд, Филиппины, Тайвань и др. Не случайно именно эти страны находятся в настоящее время в авангарде развивающихся стран, опережая по темпам развития значительно ранее начавшие переход к капитализму страны Латинской Америки, не говоря уже о других регионах мира.

Здесь образовалась критическая масса перекачки рабочей силы из сельского хозяйства, позволившая сразу, одновременно предпринять формирование целого ряда не разъединенных структурными разломами блоков экономической структуры, ориентированных на экспортное производство. Высокие темпы перекачки обусловили высокие темпы формирования целостной индустриальной структуры, при этом структурные разломы между хозяйственными блоками в большинстве случаев не успевали образоваться.

Другим важным преимуществом этих стран явилось наличие высоко дисциплинированной рабочей силы - выходцев из трудоинтенсивной земледельческой системы. Быстрая переквалификация этой рабочей силы дала возможность быстро наладить производство промышленной продукции на экспорт.

Все это привело к тому, что госсектор в этих странах довольно быстро перестает быть самодовлеющей системой и используется впредь для построения характерных для развитых стран вертикально интегрированных экономических структур на базе частной собственности - многоотраслевых концернов акционерного типа. При этом ярко выраженная экспортная специализация хозяйства этих стран и обусловленная ею значительная экспортно-импортная квота в валовом продукте означает высокую степень конкуренции, с которой сталкивается их продукция на внешнем рынке, что дополнительно препятствует проявлению монопольных тенденций.

Широкая открытость экономик этих стран, приводящая к высокой степени их интеграции в мировое хозяйство, означает первоочередное развитие экспортных отраслей индустрии. По мере их развития внешние рынки данной продукции становятся все более насыщенными, условия сбыта на них - все более затруднительными. Наконец, наступает период структурной адаптации, когда часть предприятий в экспортных отраслях закрываются, а развитие получают сопряженные с ними отрасли, ориентированные на внутренний рынок. Таким образом, создается структурный каркас экономики. При этом процесс структурной адаптации протекает в данных странах наименее болезненно и сопровождается минимальными потерями производственных мощностей.

Во всех случаях в экономике данных стран соблюдается железное правило: пока не закрыты структурные разломы между находящимися на более низком уровне экономической структуры хозяйственными блоками, нельзя надстраивать над блоками этого уровня новые блоки, ибо это ведет к углублению структурных разломов и тем самым, к увеличению масштабов безвозмездного перераспределения государством общественных ресурсов.

Совершенно иначе обстоит дело при низкой скорости перекачки - тогда, когда отсутствует трудоинтенсивная земледельческая система и, следовательно, критическая масса перекачки рабочей силы из сельского хозяйства. В этом случае отсутст-

вует возможность одновременного параллельного формирования целого ряда блоков экономической структуры, не разъединенных структурными разломами. В таких условиях формирование хозяйственных блоков вынуждено осуществляться последовательно, причем этот процесс весьма растянут во времени. Такое положение резко увеличивает возможность образования структурных разломов, так как каждый из последовательно формируемых хозяйственных блоков вынужден длительное время функционировать в условиях окруженности структурными разломами. Таким образом, при низкой скорости перекачки вместе с ростом количества блоков экономической структуры растет и количество структурных разломов.

По мере роста количества структурных разломов не может не расти доля общественного продукта, перераспределяемая государством в виде безвозмездных дотаций и субсидий нерентабельным предприятиям. Но такие дотации не могут закрыть структурные разломы, они лишь поддерживают функционирование убыточных блоков экономической структуры за счет обескровливания, безвозмездного изъятия ресурсов из рентабельных блоков. Рост количества структурных разломов, таким образом, приводит к снижению эффективности, темпов роста и к общему ухудшению экономической структуры. Помимо увеличения количества происходит также процесс углубления структурных разломов, при котором над разъединенными хозяйственными блоками надстраиваются новые блоки, нуждающиеся для своего существования еще в больших масштабах безвозмездного перераспределения государством общественного продукта.

Данный процесс продолжается до тех пор, пока ущерб от изъятия государством ресурсов из рентабельных блоков для субсидирования убыточных не превысит роста доходов от создания новых рентабельных блоков, осуществляющегося посредством перекачки рабочей силы из сельского хозяйства в промышленность. Когда убытки от структурных разломов начинают превышать доходы от создания новых блоков, экономический рост прекращается.

Наступает ситуация структурного тупика, при которой государство вынуждено содержать целые убыточные этажи экономической структуры за счет безвозмездного изъятия ресурсов из рентабельных блоков. Такое положение означает полное расстройство всей экономической системы. Лавинообразный рост количества и

углубление структурных разломов влекут за собой сильнейший рост неудовлетворенного спроса на непроеизведенную продукцию. В то же время государство не контролирует (в отличие от того, что происходит при реальном социализме) большую часть существующих в экономике цен и, следовательно, не может бесконтрольно деформировать направления ресурсных потоков. Общий рост цен, порождаемый неудовлетворенным спросом, вместе с огромным бюджетным дефицитом, происходящим от мощного дотационного бремени, вызывают сильнейшую гиперинфляцию, которая за считанные месяцы разбивает экономику.

Вслед за этим наступает период структурной адаптации. Она заключается в обрушении верхних нерентабельных этажей экономической структуры, т.е. закрытии нерентабельных предприятий и направления ресурсов на ликвидацию структурных разломов. Затем цикл повторяется снова, но на новом витке при структурной адаптации удерживается уже гораздо большая часть экономической структуры.

Таким образом, построение целостной индустриальной структуры в развивающихся странах происходит волнообразно, циклами. Каждый такой цикл назовем анклавным, а общее направление их движения - анклавной спиралью. К настоящему времени некоторые страны Латинской Америки, например, Аргентина и Бразилия, а также Северной Африки и Среднего Востока, пережили уже несколько таких циклов. Другие страны, к примеру, большинство стран Тропической Африки, переживает свой первый анклавный цикл.

Весьма ценный сравнительно-исторический анализ различных типов экономического развития был сделан Е.Гайдаром в книге "Аномалии экономического роста", вышедшей в Москве в 1997 г. Главное место в этом исследовании занимает анализ зависимости экономического роста в различных странах от уровня их экспорта, которым определяется степень участия страны в международном разделении труда.

Е.Гайдар абсолютно прав в следующем. Нельзя безнаказанно для экономического роста снижать долю общего экспорта и экспорта продукции обрабатывающей промышленности в валовом продукте и доводить их до аномально низких уровней. Такое снижение участия страны в международном разделении труда действительно ведет к стремительному росту коэффициента приростной капиталоемкости и, соот-

ветственно, к стремительному замедлению темпов роста ВВП на душу населения. Темп такого замедления зависит от размера страны (численность населения) и ее обеспеченности минеральными ресурсами в расчете на душу населения, которая в решающей степени определяет экспортный потенциал данной страны. Для ресурсобогатых и больших стран длина траектории развития в рамках импортозамещающей модели (период экономического роста) больше, чем для малых и ресурсобедных стран. Соответственно, для больших и ресурсобогатых развивающихся стран выйти из импортозамещающей модели экономического роста гораздо труднее, чем для малых и ресурсобедных, так как удельный вес подлежащих обрушению экономических структур для восстановления нормальной доли экспорта продукции обрабатывающей промышленности в ВВП в этих странах также гораздо выше.

Проделанный Гайдаром анализ экономического роста ряда стран в рамках модели импортозамещающей индустриализации весьма убедителен и вывод о существовании предельного допустимого в рамках данной модели уровня ВВП на душу населения, можно считать вполне доказанным. Однако проблема различий в типах экономического роста между пионерами индустриализации и отставшими странами, а также между различными группами отставших стран гораздо шире и не может быть сведена лишь к отличию модели "импортозамещающей индустриализации" от "основного потока индустриализации".

Дело здесь в том, что выраженные двухфазные циклы, в которых фаза экономического роста сменяется фазой структурной адаптации, характерна отнюдь не только для импортозамещающих стран, а вообще для подавляющего большинства развивающихся стран с населением более 10-15 млн. чел. - как импортозамещающих, так и самих экспортоориентированных, а также для нейтральных в экспортно-импортном отношении стран. Достаточно упомянуть в этом ряду Алжир, Египет, Турцию, Нигерию, Иран, Пакистан, Таиланд, Индонезию, Филиппины, Южную Корею. Следовательно, необходимость структурной адаптации вызывается не только потребностью выхода из импортозамещающей модели и даже преимущественно не этой потребностью.

При этом приводимый Гайдаром главный критерий импортозамещающей модели - аномальное снижение доли экспорта продукции обрабатывающей промыш-

ленности в ВВП и связанный с этим аномально низкий уровень экспорта этой продукции на душу населения - не является каким-то объективным императивом, а объясняется, по нашему мнению, грубыми просчетами в экономической политике этих стран, а также, по меньшей мере, для Мексики, Аргентины, Бразилии и Индии, - заразительным примером советского социализма.

В действительности абсолютно не существует никакой объективной необходимости в снижении доли экспорта продукции обрабатывающей промышленности в ВВП до аномально низких уровней.

Исключительная степень зависимости экономического роста в импортозамещающих странах от объемов сырьевого экспорта в расчете на душу населения и обусловленная ею необходимость сброса части экономической структуры при падении мировых цен на сырье делают процесс структурной адаптации в этих странах еще более болезненным. Но сам этот процесс является неизбежным и в тех крупных развивающихся странах, где доля экспорта продукции обрабатывающей промышленности в ВВП и его объем в расчете на душу населения не являются аномально низкими. Таким образом, теория Е.Гайдара хорошо объясняет траектории развития аномальных импортозамещающих стран, но она оставляет открытым вопрос о причинах циклов развития в большинстве развивающихся стран, которые не могут быть отнесены к импортозамещающим аномалиям.

Что касается путей выхода из импортозамещающей модели и возобновления экономического роста, то этот выход указан Гайдаром правильно и является единственным: необходимо повышать долю экспорта продукции обрабатывающей промышленности в ВВП и объем этого экспорта в расчете на душу населения и доводить их до нормальных мировых значений с учетом размеров страны и уровня развития.

Но вот что касается того, как добиться роста упомянутых показателей, наш автор дает рецепты, как говорится, с точностью до наоборот. Рекомендуемое им "включение рыночных механизмов" включает в себе тот же стандартный набор мер, диктуемых МВФ развивающимся странам: сокращение бюджетных расходов, отмену дотаций и субсидий, либерализацию цен и внешней торговли, приватизацию госсектора, девальвацию национальной валюты и т.д.

Однако эти меры способны лишь обрушить неэффективную часть экономической структуры, но они никак не могут обеспечить возобновление экономического роста на здоровой основе. В результате их осуществления масса предприятий будет закрыта, ВВП на душу населения значительно сократится, увеличится безработица. Но достигнутое такой ценой "оздоровление экономики" приведет не к возобновлению экономического роста на рыночной основе, а к долговременной стагнации без каких-либо намеков на экономический рост. При этом освободившиеся после закрытия национальных предприятий рыночные ниши будут заполнены импортом продукции из развитых стран.

Все дело в том, что в развивающихся странах нет целостной индустриальной структуры, способной генерировать самоподдерживаемый экономической рост. Что же касается способности иностранного капитала стать основным генератором экономического роста, то такая возможность существует лишь для малых стран с населением менее 15 млн. чел. (например, Чили, Уругвай, Намибия, Ботсвана и т.д.). Для экономик масштаба Аргентины, не говоря уже о Бразилии и Индии, единственный путь к построению ЦИС лежит через осуществляемое государством строительство многоотраслевых концернов акционерного типа и их последующую приватизацию.

ГЛАВА V. АСИНХРОННЫЙ ТИП ВОСПРОИЗВОДСТВА: ФОРСИРОВАННАЯ МОДЕЛЬ ("РЕАЛЬНЫЙ СОЦИАЛИЗМ").

В предыдущей главе была рассмотрена структурно-адаптационная модель асинхронного типа воспроизводства, характерная для развивающихся стран. Теперь будет исследована его другая, форсированная модель, осуществлявшаяся в странах, которые до недавнего времени было принято называть странами реального социализма.

Вначале необходимо напомнить, что в действительности становление коммунистических режимов в ряде стран осуществлялось двумя путями. Либо предпосылки возникновения структур реального социализма созревали внутри страны, либо форсированная модель навязывалась извне с помощью вооруженной силы. В последнем случае исходный уровень развития страны не имеет решающего значения. Форсированная модель может быть навязана извне странам, находящимся на самых разных уровнях развития, будь то страны с целостной индустриальной структурой (Чехословакия), страны с неполноцелостной структурой (большинство стран Восточной Европы) или страны с анклавной структурой (Куба, Монголия, Вьетнам). Однако, при этом форсированная модель теряет ряд существенных характеристик, проявляющихся при внутреннем ее вызревании. Поэтому сначала следует рассмотреть вариант внутреннего вызревания этой модели.

Итак, какие же экономические условия необходимы для зарождения реального социализма? Во-первых, неполноцелостная структура экономики. Форсированная модель не может самостоятельно сформироваться ни при наличии целостной индустриальной структуры, ни в условиях чисто анклавной структуры. При наличии целостной индустриальной структуры развитие идет по линии рыночно-конкурентной либо рыночно-монополистической моделей. При наличии же чисто анклавной структуры попытки введения форсированной модели без существенной помощи извне могут привести лишь к демографическому коллапсу, что ясно видно на примере полпотовской Камбоджи.

Это объясняется тем, что в условиях анклавной структуры в наличии имеется слишком малое количество производственных блоков, и, следовательно, весьма ве-

лика доля ресурсов, безвозмездно изымаемая из каждого блока для перераспределения в другие блоки для обслуживания структурных разломов. Данные процессы приводят к невозможности осуществления в тех блоках, откуда изымаются ресурсы, не только расширенного, но даже простого воспроизводства, что ведет к общему сокращению производства.

Разумеется, социалистические революции в странах с анклавной структурой могли происходить и без помощи извне, однако дальнейшее развитие этих стран без помощи извне могло осуществляться лишь по структурно-адаптационной модели. Для утверждения в этих странах форсированной модели необходимым условием было предоставление значительной помощи извне.

Однако стран с неполноцелостной экономической структурой существовало и существует великое множество. Форсированная же модель смогла самостоятельно утвердиться лишь в России. Очевидно, кроме наличия неполноцелостной экономической структуры необходимы и другие условия.

Поэтому вторым важнейшим условием является обеспеченность материальными ресурсами, необходимыми для построения автаркической экономической системы. Данное условие действительно могло быть выполнено лишь в России.

И, наконец, третьим важнейшим условием перехода к форсированной модели является наличие аграрного перенаселения, рост которого приводит к прекращению перекачки рабочей силы из сельского хозяйства в промышленность, т.е. к возникновению секторного разрыва между промышленностью и сельским хозяйством

О каком аграрном перенаселении при наших бескрайних просторах идет речь? - может удивиться читатель. Однако бескрайние просторы здесь ни при чем. Речь идет лишь о площадях, пригодных для земледелия, базирующегося на сохе с использованием тягловой силы скота. Как было сказано в I главе работы, именно рост аграрного перенаселения в нечерноземной зоне в XVI веке привел к гравитационному, а затем и демографическому коллапсам. В дальнейшем оно на определенный период было преодолено путем миграции населения на новые неосвоенные территории юга и востока России.

Эволюция русской деспотии в XVIII в. и начале XIX в. не привела еще, однако, к ее превращению в абсолютную монархию западноевропейского типа. Если от

Грозного до Екатерины под вывеской абсолютной монархии скрывалась гравитационная деспотия, аналогичная деспотиям субтропического пояса Евразии, то от Екатерины до Александра II под той же вывеской абсолютной монархии находилась олигархическая диктатура частных крепостников, ближайшими аналогами которой были латиноамериканские империи XIX в. и рабовладельческие южные штаты США.

Такое направление развития России определялось двумя господствующими факторами. Во-первых, наличие огромной "открытой границы" на юге и востоке, подобно существовавшей в государствах Нового Света, открывало колоссальные возможности переселенческой колонизации и, следовательно, быстрого роста общей численности населения страны без роста его плотности. Во-вторых, сравнительно низкая для гравитационной деспотии плотность населения, обусловленная низкой урожайностью вследствие нехватки скота, в свою очередь, объясняющейся неблагоприятными климатическими условиями для его содержания (длительный стойловый период), вела к невозможности развития производства лишь за счет увеличения времени труда в ремесле, а требовала в первую очередь повышения производительности этого труда. Данное обстоятельство явилось причиной гораздо более раннего и глубокого, в сравнении с субтропическими деспотиями, освоения западной мануфактурой технологии и западной культуры вообще.

В свою очередь, процессы вестернизации промышленной технологии и идеологии правящего слоя вели к более раннему и глубокому размыванию деспотических структур, их замене олигархическими, более тесно связанными с отношениями частной собственности. Наличие сравнительно развитой по отношению к субтропическим гравитационным деспотиям и латиноамериканским олигархиям отраслевой мануфактурной решетки позволило России раньше них перейти к индустриальной фазе развития.

В политической сфере ослабление функций деспотии по надзору за бюрократией вело не к распаду бюрократической системы, а к замене верхнего конуса меритократии олигархией крепостников-помещиков, лишь в ограниченной степени подчиненных монарху и владеющих крепостными крестьянами не в силу принадлежности к правящей иерархии, а уже на началах наследственной частной собственности.

Окончательно этот процесс был завершён в период правления Екатерины II.

Надо сказать, что процесс постепенного преобразования гравитационной деспотии в олигархическую диктатуру частновладельческих крепостников вызвал довольно сильное сопротивление как со стороны части служилой меритократии, терявшей в новых условиях свое влияние, так и со стороны широких масс крестьянства, не желавших менять государственную регламентацию крепостничества на частновладельческий беспредел. Однако попытки обуздать частных крепостников и восстановить гравитационную деспотию, будь то проводимые сверху реформы Петра III и Павла I, или крестьянская война лже-Петра III - Е. Пугачева, окончились неудачей, ибо для этого уже не было экономических условий: мануфактура позволяла вести дальнейшую экстенсивную экспансию за счёт внешней миграции крестьянства без снижения производства продукции на душу населения.

Начиная с конца XV века, происходит постепенное, но неуклонное увеличение роли и влияния России в европейском центре, основанное на опережающих темпах роста её населения. Так, если во времена Ивана Грозного население России составляло около 7 млн. чел., Англии - 4,6 млн., Франции - 16 млн., Германии - 15 млн., Италии - 12 млн., Испании - 11,4 млн. и Японии - 18 млн. чел., то при Петре Первом в начале XVIII века в России было около 16 млн. чел., в Англии - 5,8 млн., во Франции - около 20 млн., Италии - 11 млн. и в Японии - 26 млн. чел. Затем в XVIII веке Россия обгоняет по населению крупнейшую страну Западной Европы - Францию. В 1800 году население России составляет 38 млн. чел., в то время как во Франции - 27 млн., Англии - 11 млн., Испании - 10,5 млн., Германии - 23 млн., Японии - 22 млн. чел.[35;с.126; 66;с.64].

Процесс территориального расширения России и роста её населения сопровождался довольно интенсивным процессом развития мануфактурного производства. Если в начале XVIII века в стране было 20 мануфактур, то в конце периода правления Петра Первого - уже 190 мануфактур [54;с.32,42]. Фактически, Петром Первым на основе заимствования достижений западноевропейской техники и технологии была проведена, если можно так выразиться, "мануфактурная индустриализация" России. В дальнейшем в XVIII веке процесс мануфактурного производства в стране успешно продолжался. К 1800 году в России было уже 1200 мануфактур. Количест-

во наемных рабочих возросло со 100 тыс. чел. в 1760 г. до 220 тыс. в 1800 г. [54;с.42]. Если до Петра в России выплавлялось 2,5 тыс. т чугуна в год против 24 тыс. т в Англии, то в 1720 г. уже 10 тыс. т [56;с.20; 54;с.42].

В течение второй половины XVIII века Россия опережала Англию по общему объему производства чугуна. С 1720 г. по 1800 г. количество домен возросло с 20 до 111, а выплавка металла - с 10 тыс. т до 162,4 тыс. т (в Англии в 1800 г. - 156 тыс. т [54;с.42]). Однако по производству чугуна в расчете на душу населения Россия по-прежнему далеко отставала от Англии, имея в 1700 г. 0,15 кг против 4 кг и в 1800 г. 4,3 кг против 13 кг. При этом выплавка чугуна в России базировалась на древесном угле, в то время как в Англии с XVIII века - преимущественно на каменном угле. С конца XVIII-начала XIX века Англия, опираясь на каменный уголь, стремительно уходит в отрыв от России также по объему выплавки. В 1870 г. в Англии было выплавлено 5960 тыс. т чугуна против 366 тыс. т в России [33;с.18]. На душу населения, соответственно, около 180 кг против 5,2 кг.

К концу XVIII века численность населения России увеличилась до 38 млн. чел. (по состоянию на 1836 г. без Финляндии и Польши - 53,6 млн. чел.), в 1855 г. - 62,6 млн. чел. Население Москвы увеличилось со 140 тыс. чел. в конце 30-х годов XVIII в. до 330 тыс. в 1816г., население Петербурга в этом же году составило 200 тыс. чел. Доля городского населения в России возросла с 2,4 % в 1630 г. до 4,1 % в 1796 г. и до 7,8 % в 1851 г.

В середине XIX века в Москве проживало 374 тыс. чел., в Петербурге - 532 тыс. чел., Одессе - 71,4 тыс. чел., Риге - 58 тыс. чел; еще в 9 городах - свыше 40 тыс. чел. в каждой (Тула, Вильно, Киев, Астрахань, Воронеж, Кишинев, Казань, Севастополь).

В 1678 г. в составе всех крестьян крепостных было 67 %, в 1796 г. - 53 %, в 1858 г. - 47,4 %. С 1812 г. падает абсолютное число крепостных. В 1861 г. оброчники составляли 59 % крепостных крестьян в нечерноземных областях и 29 % - в черноземных.

Однако уже в конце XVIII - начале XIX вв. аграрное перенаселение в центре страны вновь начало нарастать. Фактически, в XIX в. в условиях трехполья, т.е. на более высоком уровне развития повторялся процесс роста аграрного перенаселения

XVI века, завершившийся, как известно, гравитационным и демографическим коллапсами и окончанием большого ротационного цикла развития страны. Теперь к своему концу подходил длившийся с начала XVII века большой трехпольный цикл.

Процесс роста аграрного перенаселения в XIX веке отличался от аналогичного процесса в XVI веке по ряду важнейших характеристик. Прежде всего, плотность населения в условиях трехполья была гораздо выше, чем в условиях ротационных систем. Соответственно, самый рост аграрного перенаселения при трехполье был более острым и болезненным. Во-вторых, масштабы аграрного перенаселения XIX века были гораздо более грандиозными, чем в XVI веке. Если в эпоху Ивана Грозного перенаселенная зона ограничивалась рамками центрального Нечерноземья (Московская, Тверская, Смоленская, Псковская часть Новгородской, Ярославская, Ивановская, Владимирская, Костромская и часть Рязанской области), то во второй половине XIX века перенаселением были охвачены, кроме того, весь центрально-черноземный район, Северная Украина, вся Белоруссия и практически все Поволжье.

Несмотря на значительный рост миграции крестьян после отмены крепостного права на Северный Кавказ, Кубань, в Северное Причерноморье, в Сибирь, а затем и на Дальний Восток, в Европейской части России, сформировался огромный массив аграрного перенаселения, рост которого принял лавинообразный характер.

В-третьих, если рост аграрного перенаселения в XVI веке происходил в условиях господства простой ручной техники в ремесле, то в XIX веке данный процесс сопровождался становлению крупной машиной индустрии, что значительно видоизменяло структурные пропорции и результаты грядущего коллапса.

Наконец, четвертым и самым важным отличием был тупиковый характер русского трехполья. Если переход от ротации к трехполью в России был в принципе возможен и требовал для своего осуществления лишь высвобождения скота в результате сокращения населения в ходе демографического коллапса, то переход от трехполья к более интенсивным системам, который позволил бы увеличить производство земледельческого продукта, был практически невозможен. Россия не могла перейти к травопольной и плодосменной системам, характерным для земледелия Западной Европы, ни к трудоинтенсивным системам субтропической зоны. Для пе-

перехода к травопольной системе в России было слишком мало скота в расчете на единицу обрабатываемой площади, а для перехода к трудоинтенсивным системам, характерным для субтропиков, не было природных условий - ирригационного земледелия и возможности сбора нескольких урожаев в год.

Русское трехполье носило формальный характер, и по степени обеспеченности скотом, т.е. по потенциалу увеличения урожайности было ближе к средиземноморскому двуполью, чем к западноевропейскому трехполью, от которого в Западной Европе произошел переход к травопольной системе. Некоторые шансы на успех были в том случае, если бы переход к травополью сопровождался широкомасштабным применением минеральных удобрений. Однако промышленное производство минеральных удобрений в конце XIX в. еще только зарождалось в наиболее развитых странах, а в России его практически не было.

Все перечисленные особенности привели к значительному изменению характера демографического коллапса и процесса восстановления гравитационной деспотии в условиях трехполья в сравнении с коллапсом XVI века.

Несмотря на аграрное перенаселение, послереформенное сорокалетие было временем бурного развития русской промышленности. До начала XX в. рост производства земледельческой продукции на душу населения в результате массовой крестьянской колонизации Северного Причерноморья, Кубани, Северного Кавказа, Сибири и Дальнего Востока все еще позволял компенсировать довольно медленное снижение земледельческого продукта на душу населения в центре.

Тяжелая промышленность была в большей степени затронута отменой крепостного права, и лишь к 1870 г. удалось восстановить уровень предреформенного 1860 г. по производству чугуна. Но затем в связи с огромными масштабами развернувшегося в 70-х и 80-х годах железнодорожного строительства, основная металлургическая база страны переместилась с Урала в Донбасс и район Кривого Рога, где выплавка металла стала базироваться на использовании вместо древесного каменного угля и вольнонаемном труде. В русскую промышленность широким потоком потекли западноевропейские капиталы и технологии. Производство чугуна возросло с 22 млн. пудов в 1870 г. до 32,5 млн. в 1886 г., и до 165 млн. пудов в 1899 г. [48;с.249]. К 1899 г. по абсолютным размерам выплавки Россия обогнала Францию

(156 млн. пудов), но значительно отставала от Англии (455 млн. пудов), США (352 млн. пудов) и Германии (215 млн. пудов)[48;с.249]. В результате ее доля в мировой выплавке возросла с 3 % в 1886г. до 7 % в 1899г. [48;с.275]. Однако в расчете на душу населения Россия далеко отставала от западноевропейских стран и США.

Особенно бурным было промышленное развитие России в последнее десятилетие XIX в. Численность рабочих промышленности возросла с 706 тыс. в 1865г. до 1432 тыс. в 1890 г. [43;с.80] и до 2098 тыс. в 1897 г. [48;с.276]. В условиях относительной перекачки рабочей силы из сельского хозяйства в промышленность, общая численность промышленных рабочих в 1887-1897 гг. ежегодно возрастала на 6 %, что было очень высоким показателем [49;с.331]. По темпам промышленного развития в 1890-1900 гг. Россия опережала все западноевропейские страны и делила первое место в мире с США. Однако она продолжала оставаться земледельческой страной, в которой национальный доход на душу населения был в 3 раза ниже, чем в Германии и в 1,5 раза ниже, чем в балканских странах [85;с.10]. В стране при общей численности населения 128 млн. чел. городское население составляло в 1897 г. лишь 12,8 % [52;с.210]. Феномен промышленного бума последнего десятилетия XIX в. разыгрывался на фоне злокачественного роста аграрного перенаселения. В политической и социально-экономической сферах режим Александра II,III и Николая II выполнял функции, аналогичные функциям западноевропейских абсолютных монархий, но направление его эволюции и конечная судьба определялись теми отличиями сельскохозяйственной динамики России от западноевропейских стран, о которых было сказано выше.

В рамках большого трехпольного цикла русской истории период от Михаила Романова до Екатерины II можно назвать периодом развития по восходящей линии, которому соответствует гравитационная деспотия. Период от Екатерины II до Александра II - пик, середина цикла, которому соответствует олигархическая диктатура, а период от Александра II до Николая II включительно - нисходящая фаза цикла, которой функционально соответствует абсолютная монархия.

Переход от гравитационной деспотии к олигархической диктатуре и далее к абсолютной монархии проходил под воздействием широкого распространения заимствуемой у Северо-Западной Европы сначала мануфактурной, а затем и индустри-

альной технологии, позволивших России преодолеть компенсационный барьер. При этом вся политическая надстройка подвергалась заметной вестернизации.

Олигархическая диктатура представляет собой такой результат эволюции гравитационной деспотии, при котором происходит размывание служебной функции меритократии в иерархической структуре власти, превращение меритократии из приводного ремня деспотии в господствующий класс классового общества. Если в структуре гравитационной деспотии функция собственности меритократии на средства производства неотделима от функции власти и проявляется через последнюю, то при олигархической диктатуре происходит обособление обеих этих функций, меритократия распадается на собственно бюрократический государственный аппарат и на аристократию, интересы которой он обслуживает.

Эта аристократия обладает земельной собственностью и крепостными крестьянами не в силу своего положения в иерархия власти, зависящего от личных заслуг перед деспотией, а в силу своего наследственного статуса. Набравшая силу аристократия уже не нуждается в деспоте с его опекой и регламентацией, она жаждет приватизировать принадлежащее деспотии имущество и само деспотическое государство. Фактически процесс превращения гравитационной деспотии в олигархическую диктатуру представляет собой приватизацию деспотического государства наследственной аристократией. В этих условиях попытки Петра III и Павла I восстановить гравитационную деспотию и вновь заменить аристократию меритократией, заканчиваются скорой смертью обоих царей от рук аристократов.

Однако в той же мере, в какой аристократии не нужен деспот, ей не нужна и республика с конституцией, при которой придется на волю отпустить крепостных, что и доказало выступление большей части дворянства на стороне Николая I в его конфликте с декабристами. В отличие от Западной Европы, где аристократия абсолютной монархии выросла из аристократии рыхлой децентрализованной феодальной структуры при постепенном отмирании крепостного права, в России старая феодальная аристократия была истреблена Иваном Грозным в период гравитационного коллапса XVI в. и заменена меритократией в условиях сильнейшей экспансии крепостничества. Новейшая русская аристократия конца XVIII - первой половины XIX вв. представляла собой продукт перерождения меритократии в условиях отми-

рания деспотии.

Типологически наиболее близкими России этого периода странами были латиноамериканские империи XIX в. с "открытой границей" и южные рабовладельческие штаты США. В дальнейшем по мере развития капитализма влияние наследственной аристократии угасает, после реформы 1861 г. она лишается своих крепостных. Абсолютная монархия Александра II-Николая II опирается уже в основном не на аристократию, а на приобретший значительную степень автономии от нее государственный аппарат.

В отличие от меритократии эпохи гравитационной деспотии госаппарат абсолютной монархии действует в интересах растущих капиталистических слоев общества, не делясь, однако, с ними своей монополией на власть. Своего пика влияние государственной бюрократии достигает в период правления Александра III, а затем, при Николае II происходит процесс дальнейшей вестернизации надстройки, разложения абсолютной монархии и роста влияния буржуазии.

Перенаселение в центральном и центрально-черноземном районах начало проявляться уже в первой половине XIX в. в условиях господства крепостного права. Оно выражалось в том, что под давлением роста плотности населения происходило наступление пашни на пастбище, т.е. перераспределение сельскохозяйственных угодий в пользу пашни за счет сокращения площади пастбищ и сенокосов. Например, если в Тамбовской губернии в конце XVIII в. на 100 десятин пашни приходилось 77,4 дес. сенокоса и пастбищ, то в конце 50-х годов XIX в. - всего 20,9 дес., а в Рязанской губернии - и того меньше- 16-17 дес. [18;с.31], тогда как оптимальным для трехполья является соотношение пастбища и пашни как 1:2 [19;с.57-58], т.е. 50 дес. пастбища на 100 дес. пашни.

Такой же процесс вытеснения пастбища пашней наблюдался и в Белоруссии [19;с.57-58]. Это приводило к подрыву возможностей содержания крупного рогатого скота и к сокращению его поголовья в расчете на душу населения и на единицу обрабатываемой площади из-за нехватки кормов. Так, в той же Тамбовской губернии количество крупного рогатого скота на 100 чел. земледельческого населения сократилось с 59,3 в 1806-1810 гг. до 20,9 голов в 1856-1860 гг. [18;с.45]. В целом по Европейской России в конце 50-х годов XIX в. на 100 чел. земледельческого населения

приходилось всего 34,4 головы крупного рогатого скота, или в 3-4 раза меньше, чем в странах Западной Европы [18;с.46]. Нехватка скота, в свою очередь, означала нехватку удобрения и снижение урожайности, которое не могло быть компенсировано расширением обрабатываемой площади из-за аграрного перенаселения. Таким образом замыкался порочный круг в котором рост плотности населения приводил к снижению производства продукта земледелия на душу населения.

Еще более интенсивно данный процесс протекал во второй половине XIXв. С 1870 г. по 1900г. площадь сельскохозяйственных угодий в Европейской России увеличилась на 20,5 %, а площадь пашни - на 40,5 %, земледельческое население - на 56,0 %, а количество скота всего на 9,5 % [49;с.113]. В результате, в расчете на душу населения сократилась площадь пашни, еще более сократилась площадь сельскохозяйственных угодий (пашня + пастбище), и в еще большей степени сократилось поголовье скота. Средняя площадь надела в расчете на душу взрослого мужского крестьянского населения сократилась с 4,8 дес. в 1860-е годы до 3,5 дес. в 1880-е и до 2,6 дес. в 1900-е годы [44;с.92]. Если в 1877 г. менее 8 дес. на двор, или менее 3 дес. на душу взрослого мужского населения имели 28,6 % крестьянских хозяйств, то в 1905 г. - уже 50 % [44;с.117]. Количество лошадей в расчете на один крестьянский двор уменьшилось с 1,75 в 1882 г. до 1,5 в 1900-1905 гг. [1;с.151].

Деградация крестьянского хозяйства в перенаселенном центре страны несколько замедлялась и в какой-то степени компенсировалась внешней миграцией крестьянства и ростом производства на новых землях на юге европейской части страны и в Сибири. Однако неуклонный рост громадной массы аграрного перенаселения в центре принимал такие масштабы, что компенсировать его становилось уже невозможно. Положение мог спасти лишь переход к травопольной системе, но распашка пастбищ и сокращение поголовья скота на единицу пашни окончательно сделали его неосуществимым. В рамках полноценной травопольной системы для удобрения 1 га пашни требуется около 10 т. органического удобрения [86;с.256]. Таким образом на удобрение одной десятины необходимо 6 голов крупного рогатого скота, тогда как в большей части Европейской России было 1,2-1,3 головы на паровую десятину [18;с.47]. Для прокормления этого скота сеном необходимо не менее 1 дес. луга на голову, в то время как в Европейской России почти повсеместно 1дес. луга

должна была кормить 2-3 головы скота [7;с.235]. В результате урожайность зерновых в России была в 2-3 раза ниже, чем в Англии и Германии, в 1,5-2 раза ниже, чем во Франции, в 1,2-1,5 раза ниже, чем в Италии и США.

Интересно проследить сельскохозяйственную динамику России конца XIX - начала XX в. в сравнении с Германией. Сельское население Германии, составлявшее в 1882 г. 42,5 % общей численности населения, к 1895 г. сократилось до 35,7 %, а к 1907 г. - до 28,7 %. При этом сокращался не только его удельный вес в общей численности населения, но с начала 90-х годов XIX в. и абсолютная численность: с 19 млн. 225 тыс. в 1882г. до 18 млн. 501 тыс. в 1895 г. и до 17 млн.681 тыс. в 1907 г. вследствие перекачки в промышленность [2;с.371-373].

В Англии и во Франции процесс абсолютного сокращения сельского населения начался еще раньше - в 1851 и 1876 гг. [77;с.169]. По иному обстояло дело в России. Здесь удельный вес сельского населения сократился с 87,8 % в 1885 г. до 84,7 % в 1914 г., а городского, соответственно, возрос до 15,3 % в 1914г. Однако абсолютная численность сельского населения непрерывно росла, увеличившись с 71 млн. 760 тыс. в 1885 г. до 81 млн. 394 тыс. в 1897 г. и до 103 млн. 183 тыс. в 1914 г. [2;с.371-373]. При этом свыше половины прироста сельского населения не вбиралось в промышленность и оставалось в деревне, обостряя тем самым аграрное перенаселение.

В Германии ежегодный прирост неземледельческого населения составлял 722 тыс., а в России 298 тыс. чел. [2;с.371-373]. В обеих странах шло сокращение доли сельского населения во всем населении, однако в Германии этот процесс шел в 5 раз быстрее, чем в России. Только за 1895-1907 гг. в Германии из сельского хозяйства в промышленность было перекачано 4,37 млн. чел. или 350 тыс. ежегодно [15;с.36]. Но, самое главное, в Германии имело место абсолютное сокращение сельского населения: за 25 лет (1882-1907 гг.) оно сократилось на 8 %. В России, наоборот, сельское население возрастало абсолютно и за 50 лет увеличилось почти вдвое - на 87,4 % [2;с.373].

Таким образом, перекачка рабочей силы из земледелия в промышленность в Германии имела устойчивый характер и базировалась на увеличении выработки сельскохозяйственного продукта в расчете на одного работника, занятого в сельском

хозяйстве. В России же увеличение доли городского населения, не говоря уже о его ничтожных абсолютных размерах (с 12,2 % в 1885 г. до 15,3 % в 1914 г.), имело под собой крайне неустойчивую основу, ибо базировалось на росте сельскохозяйственного производства окраинных земель страны, осваиваемых посредством крестьянской колонизации, тогда как в центре производство на душу населения сокращалось по мере роста аграрного перенаселения. Вопрос заключался лишь во времени, в которое последняя из упомянутых тенденций возобладает над первой.

К началу XX в. диспропорции между развитием промышленности и земледелия приняли угрожающе масштабы. Лавинообразный рост аграрного перенаселения достиг такой критической массы, за которой снижение земледельческого производства на одного занятого в сельском хозяйстве перенаселенного центра страны становилось быстрым и необратимым. В результате, в период, начиная с циклического кризиса 1900-1902 гг., в России возникает невиданное в странах индустриального мира явление - секторный разрыв между промышленностью и сельским хозяйством. Данный феномен выражается в долговременном прекращении перекачки рабочей силы из сельского хозяйства в промышленность, вследствие снижения производства в расчете на одного занятого в земледелии. При этом увеличение количества рабочей силы в промышленности может осуществляться только за счет ее естественного прироста, а весь прирост сельского населения, не вбираясь в промышленность, остается в земледелии и, в свою очередь, еще более обостряет аграрное перенаселение.

Возникновение секторного разрыва между промышленностью и сельским хозяйством явилось решающим фактором, обусловившим буржуазно-крестьянскую революцию 1905-1907 гг. В результате этой революции устои абсолютной монархии были значительно поколеблены, в стране возникла реальная многопартийность и были обеспечены основные демократические свободы. Однако под дрейфующей в направлении парламентской монархии политической надстройкой продолжалась тихая экономическая катастрофа - секторный разрыв.

Если в 1887-1897 гг. общая численность рабочих ежегодно возрастала на 6 %, в 1897-1900 гг. - на 4 %, то в 1900-1908 гг. - всего на 1,7 %, что совпадало с естественным приростом населения [49;с.331]. Обострение аграрного перенаселения вело

к пауперизации и люмпенизации широких масс крестьянства, снижало до минимума их покупательную способность, обостряя тем самым кризисное состояние промышленности. Так, в 1900-1909 гг. производство чугуна в России сократилось, тогда, как во Франции оно возросло на 40 %, в Германии - на 67 %, в США - на 87 %. Потребление чугуна на душу населения в России упало с 1,22 пуд. в 1903г. до 1,18 пуд. в 1909 г. [49;с.246]. Страна вновь была отброшена на десятилетия назад в сравнении с Западом.

Несколько задержать, но не остановить рост аграрного перенаселения могло бы перераспределение помещичьих земель между крестьянами. Однако правительство Николая II на эту меру не могло пойти по двум причинам. Во-первых, внутри его действовало мощное помещичье лобби, а во-вторых, "черный передел" неминуемо привел бы к ликвидации принудительной товаризации земледельческого производства, т.е. крестьянских отработок за аренду помещичьей земли, что привело бы к фактической ликвидации одной из важнейших статей русского экспорта - экспорта зерна. Кроме того, раздел помещичьей земли мог привести лишь временное облегчение, ибо не устранял основную причину аграрного перенаселения - нехватку скота в расчете на единицу пашни. Дальнейший рост плотности населения неминуемо влек за собой возвращение к исходному состоянию (как это и произошло впоследствии).

Последней попыткой правительства России предотвратить демографический коллапс явилась столыпинская кампания переселенческой аграрной колонизации. С той же ревнивостью, как когда-то прикрепляли крестьян к земле, теперь пытались перемещать их из перенаселенного центра страны на осваиваемые окраины. Однако правительство вскоре убедилось, что прикреплять крестьян к земле было гораздо легче, чем переселять их на окраины страны: за 40 пореформенных лет крестьянское хозяйство центра деградировало настолько, что теперь требовало огромных затрат на обустройство на новом месте, снабжение рабочим скотом, инвентарем. Такими средствами правительство не располагало, а попытки наставить мужика на американский путь развития обещаниями грядущего благоденствия не могли увенчаться и не увенчались успехом, в чем сам Столыпин еще при жизни имел возможность убедиться.

Эффект столыпинской кампании был ничтожен. Стремительно растущую массу аграрного перенаселения не удалось не только рассосать, но и сколько-нибудь замедлить. Падение всех показателей на душу населения в сельском хозяйстве продолжалось, обостряя секторный разрыв. Количество лошадей в расчете на 100 жителей Европейской России сократилось с 23 в 1905 г. до 18 в 1910 г., количество крупного рогатого скота - соответственно с 36 до 26 голов на 100 чел. [49;с.440]. Следствием этого было дальнейшее снижение урожайности и выработки на работника. Так, средняя урожайность зерновых упала с 37,9 пудов с десятины в 1901-1905 гг. до 35,2 пудов в 1906-1910 гг. Производство зерна на душу населения сократилось с 25 пудов в 1900-1904 гг. до 22 пудов в 1905-1909 гг. [49;с.431]. Катастрофические масштабы приобрел процесс абсолютного обнищания крестьянства перенаселенного центра страны. Избыточное рабочее население деревни увеличилось (без учета вытеснения труда машинами) с 23 млн. в 1900г. до 33 млн. в 1913 г.[14;с.371-373]. В 1911 г. разразился голод, охвативший до 30 млн. крестьян [14;с.137].

Циклический промышленный подъем 1911-1914 гг. проходил в условиях полного прекращения перекачки рабочей силы из сельского хозяйства в промышленность: численность промышленной рабочей силы при этом увеличивалась лишь за счет ее естественного прироста. Все более обостряющийся секторный разрыв между промышленностью и сельским хозяйством приводил к невозможности дальнейшего развития промышленной структуры. Структурно-отраслевая решетка промышленности ограничивалась уровнем, достигнутым в период подъема 90-х годов XIX в. и включала такие старые отрасли, как черная металлургия, паровозо- и вагоностроение, производство паровых машин, простейших сельскохозяйственных орудий и бытовых товаров, легкая и пищевая промышленность, тогда как в индустриальных странах Запада приоритетное развитие в этот период получили электроэнергетика, электротехническая, химическая промышленность, производство минеральных удобрений, станкостроение, автомобиле- и авиастроение. Для развития новейших отраслей промышленности в России не было ни инвестиций, ни рабочей силы вследствие секторного разрыва. Не успев догнать передовые страны в 90-е годы XIX в., Россия с возникновением секторного разрыва вступила в период необратимого отставания от Запада.

Оценивая итоги экономического развития России в конце XIX- начале XX вв., небезынтересно провести сравнение с процессами индустриализации в Западной Европе, США и Японии с одной стороны, и с социально-экономическими процессами в странах, еще не ставших на путь индустриализации, с другой. Главным отличием российской индустриализации от западноевропейской было возникновение в России секторного разрыва между промышленностью и сельским хозяйством, вызванного ростом аграрного перенаселения. В передовых западноевропейских странах аграрного перенаселения не было, а рост сельского населения на ранней стадии индустриализации (в Англии до 1851 г., во Франции - до 1876 г., в Германии - до начала 90-х годов XIX в.[77;с.169]) сопровождался увеличением производства в расчете на одного занятого в сельском хозяйстве вследствие перехода к травопольной и плодосменной системам земледелия. В России же по мере роста плотности населения в центре страны выработка на одного занятого в земледелии сокращалась в условиях деградации трехпольной системы, а для перехода к травополью и плодосмену не было необходимого поголовья скота.

Что касается Японии, то она в начале XX в. отставала от России по общему уровню развития промышленности, но превосходила ее по темпам индустриализации. Здесь не было секторного разрыва между промышленностью и земледелием. Трудоинтенсивная "азиатская" земледельческая система позволяла увеличивать производство продукта земледелия в расчете на одного занятого путем трудоинтенсификации, т.е. путем повышения трудозатрат, компенсируемых ростом промышленного продукта, поступающего в распоряжение крестьян. При этом в 1872-1940 гг. численность населения, занятого в сельском хозяйстве Японии, оставалась стабильной на уровне 14 млн. чел., а весь его прирост вбирался в промышленность, вследствие чего общая численность населения страны за этот период увеличилась на 35 млн. чел. [75;с.133].

В России существовавшее трехполье было крайне неэластичным по рабочей силе, не могло вбирать прирост земледельческого населения без снижения производительности труда и выработки на работника земледелия, тогда как японцы, прилагая к земле большее количество живого труда, могли наращивать производство за счет ирригации и сбора нескольких урожаев в год.

Сравнения с США земледелие России не выдерживает вообще. Хотя в США рост абсолютных размеров земледельческого населения продолжался до начала 20-х годов XX в., т.е. значительно дольше, чем в индустриальных странах Западной Европы, он сопровождался еще более высоким ростом обрабатываемой площади, а следовательно, и увеличением обрабатываемой площади в расчете на одного работника. Это вело к неуклонному увеличению производства земледельческого продукта в расчете на одного занятого. О каком-либо аграрном перенаселении в заселяемых иммигрантами странах не могло быть и речи. Размер обрабатываемой площади в расчете на одного занятого в США был в 5 раз больше, чем в России (средний размер фермы в США в 1900-1910 гг. 55-58 га [76;с. 398]), при примерно одинаковой урожайности, в результате чего объем производства земледельческого продукта в расчете на одного занятого в земледелии был так же в 5 раз больше. Такая большая обрабатываемая площадь в расчете на работника требовала значительно более высокой технической оснащенности труда. В этом отношении сравнение с США могла выдержать лишь небольшая часть хозяйств в районах переселенческой колонизации - Северном Причерноморье, Кубани, Сибири и на Дальнем Востоке. Большинство переселенческих хозяйств по уровню технической оснащенности были ближе к латиноамериканскому образцу или к США начала XIX века.

Таким образом, сравнения со странами Запада и Японией показывают не только стадияльное отставание России, но и глубокие качественные отличия происходящих в стране социально-экономических процессов от процессов развития в индустриальных странах.

Может то, что не типично для индустриального Запада, было типичным для слаборазвитых стран, позже вступивших на путь индустриального развития? И Россия всего лишь одна из этих стран? Рассмотрим этот вопрос подробнее.

При поиске аналогий и параллелей среди стран "третьего мира" или полуколониальных и зависимых стран сразу следует исключить Латинскую Америку - регион переселенческой колонизации, где не было и не могло быть аграрного перенаселения. Далее, следуя в направлении с запада на восток вдоль субтропического пояса Евразии и Северной Африки, необходимо исключить все страны Средиземноморья - от Испании и Португалии до Османской империи, Ирана, Афганистана и

стран Юго-Восточной Азии.

Хотя в каждой из перечисленных стран имело место аграрное перенаселение, его масштабы не шли ни в какое сравнение с российскими. Ни в одной из перечисленных стран в силу ограниченности земледельческой зоны их территорий не сформировался самовозрастающий ком аграрного перенаселения и его рост не принял лавинообразного характера. Таким образом, здесь не было критической массы аграрного перенаселения, порождающей секторный разрыв между промышленностью и сельским хозяйством.

Остаются две страны, сравнимые с Россией по масштабам аграрного перенаселения - Индия и Китай. Однако в Индии острота аграрного перенаселения значительно ослаблялась высокой способностью трудоинтенсивной земледельческой системы поглощать избыточную рабочую силу путем развития ирригации и сбора трех урожаев в год. Наиболее близкой аналогией российского аграрного перенаселения было аграрное перенаселение в Китае. Но и китайское трудоинтенсивное земледелие выгодно отличалось от российского большей способностью поглощать избыточную рабочую силу и тем самым ослаблять остроту аграрного перенаселения. Кроме того, в Китае было значительно труднее развивать крупную промышленность, так как переселенческая колонизация была здесь гораздо слабее, чем в России, и перекачка рабочей силы из сельского хозяйства в промышленность почти отсутствовала. Поэтому острота секторного разрыва в Китае была значительно меньшей, чем в России.

В России же сформировалась поистине уникальная комбинация разнонаправленных факторов. Почти американский размах промышленного подъема 90-х годов XIX в., происходившего на базе переселенческой колонизации, породивший невиданную в доиндустриальных деспотиях крупную промышленность, стремительно перекрывался лавинообразным ростом аграрного перенаселения, порождая острейший секторный разрыв между промышленностью и сельским хозяйством. Дальнейшее обострение секторного разрыва вело к невозможности промышленного развития, угрожало деиндустриализацией страны по мере роста аграрного перенаселения, который влек за собой снижение земледельческого продукта на душу населения. Таким образом, не общая отсталость страны, а чудовищная, невиданная в других

странах диспропорциональность развития явилась важнейшей причиной революционных потрясений и формирования деспотии нового типа.

Еще одной особенностью российской индустриализации конца XIX-начала XX вв. явилась исключительно высокая степень зависимости от иностранного, преимущественно французского, капитала.

Экспансия французского капитала была обусловлена низкими темпами роста населения и перекачки рабочей силы из сельского хозяйства в промышленность во Франции, приводившими к перенакоплению капитала, не могущего быть производительно использованным внутри Франции. Столь большая зависимость от иностранного капитала не позволяет считать Россию этого периода страной второго эшелона капиталистического развития. В то же время Россию нельзя отнести и к третьему эшелону, т.е. к разряду развивающихся по асинхронному типу стран с неполноценной экономической структурой. В ней явно существовала целостная индустриальная структура с господством частномонополистического капитала, а госсектор не играл той роли, которую он должен играть в развивающихся странах. Таким образом, царская Россия начала XX века представляла собой особый эшелон развития между вторым и третьим эшелонами, не относясь при этом ни к развитым, ни к развивающимся странам.

Предреволюционные годы характеризовались прогрессирующим распадом государственной структуры. Происходило относительное истончение всех слоев индустриального общества - от кадровых рабочих до мелкой городской буржуазии и интеллигенции в сравнении с набухающей опухолью аграрного люмпенства и пауперизма. Участие страны в первой мировой войне повлекло за собой массовое истребление на полях сражений последней опоры разлагающегося абсолютизма - офицерского корпуса армии. В то же время создание массовой, еще не виданной в истории России, армии, в подавляющем большинстве состоящей из крестьян, дало в руки аграрного люмпенства беспрецедентную вооруженную силу. Содержание этой армии легло непосильным бременем на подорванную секторным разрывом экономику страны и значительно ускорило ее распад; в свою очередь, недостаточное снабжение вооружением и продовольствием и неизбежные в этих условиях потери и поражения в войне с индустриальной Германией, вели к быстрому нарастанию не-

довольства среди рядового состава и рекрутируемых из крестьян унтер-офицеров и младших офицеров и к прогрессирующей деморализации армии.

Единственным средством, дающим шанс задержать процесс быстрого разложения экономических и политических структур, было заключение сепаратного мира с Германией. Однако экономика страны была слишком тесно связана с капиталом стран Антанты, что не оставляло надежд на сепаратный мир, пока у власти оставались буржуазно-помещичьи круги. Кроме того, мир мог лишь затормозить процесс распада, но никак не устранить его причин - роста аграрного перенаселения и секторного разрыва между промышленностью и сельским хозяйством.

Результатом распада экономической и политической структуры страны стал демографический коллапс - гражданская война, голод и эпидемии 1919-1922 гг. - из которого вышла деспотия нового типа.

Итак, крушением российского абсолютизма и демографическим коллапсом 1917-1922 гг. завершился большой трехпольный цикл русской истории. Если большой ротационный цикл продолжался около 800 лет и завершился демографическим коллапсом начала XVII в., то большой трехпольный цикл длился около 300 лет - с начала XVII в. до начала XX в.

Рассмотрим теперь основные черты новой - коммунистической - деспотии, появившейся в результате завершения большого трехпольного цикла. Из-за отличий от классических доиндустриальных деспотий назовем её условно индустриальной.

Прежде всего ее характеризует сравнительно небольшая глубина демографического коллапса: в 1917-1922 гг. население страны сократилось менее чем на 10 %. Данный фактор является следствием развития крупной машинной индустрии, приведший к возможности более сильной централизации власти и уменьшению таким образом длительности демографического коллапса. В области перераспределительных отношений политика ленинско-троцкистской, а затем и ленинско-бухаринской деспотии практически не отличалась от политики доиндустриальных деспотов от Цинь Шихуана до римских императоров. Она сводилась к конфискации помещичьих земель и их разделу между крестьянами, а также к огосударствлению и регламентации промышленности, сопровождавшимся истреблением аристократии и крупных частных собственников.

Раздел помещичьих земель между крестьянами по едокам временно ослабил остроту аграрного перенаселения и обеспечил новой власти массовую базу среди крестьянства перенаселенного центра страны. В то же время окраины страны - Северное Причерноморье, Северный Кавказ, Сибирь и Дальний Восток, не знавшие аграрного перенаселения, явились базой белогвардейских движений и были подчинены центральной власти только с помощью военной силы в ходе гражданской войны. Истребление аристократии и буржуазии большевиками также было осуществлено весьма успешно. Эти слои общества были заменены жесткой пирамидой государственной меритократии.

Однако на этом сходство ленинской деспотии с доиндустриальными деспотиями кончается. Когда дело доходит до проблем производства, индустриальная деспотия проявляет новые черты, отличающие ее от своих аналогов, существовавших в прошлом. Источником всех этих отличий является определенная степень развития крупной машинной индустрии, значительно изменяющая основные экономические пропорции гравитационной деспотии.

В доиндустриальных деспотиях секторный разрыв между земледелием и ремеслом преодолевался обычно путем увеличения времени труда в ремесле, компенсирующего снижение удельного веса ремесленников в рабочей силе. Если доиндустриальная деспотия находится в радиусе контакта с абсолютной монархией, обладающей мануфактурной технологией, то секторный разрыв может преодолеваться также путем заимствования этой технологии, т.е. путем повышения производительности труда в ремесле, компенсирующего все то же снижение удельного веса ремесленников в рабочей силе. Однако как для первого, так и для второго вариантов преодоления секторного разрыва необходимым условием является сравнительно небольшая абсолютная величина производительности труда в промышленности (ремесле), гарантирующая невысокий уровень ее снижения в результате секторного разрыва.

Иная ситуация складывается при возникновении индустриальной деспотии. В условиях господства в промышленной сфере крупной машинной индустрии ни увеличение времени труда рабочих промышленности, ни повышение производительности их труда не могут компенсировать снижение удельного веса промышленных ра-

бочих в рабочей силе и вызванное им сокращение промышленного продукта на душу населения, т.е. абсолютное обнищание населения. Поэтому политика военного коммунизма в промышленности, выразившаяся в тотальной регламентации производства, ликвидации товарно-денежных отношений и создании трудовых армий, не привела и не могла привести к ликвидации секторного разрыва между промышленностью и сельским хозяйством.

В условиях индустриальной деспотии для преодоления секторного разрыва требовались новые меры, направленные на возобновление перекачки рабочей силы из земледелия в промышленность. Для этого, в свою очередь, требовалось увеличение земледельческого продукта на душу населения, невозможное вследствие аграрного перенаселения. Выход из этого положения новый режим пытался найти в принудительном изъятии необходимого продукта земледельцев.

Правительство стало на путь полного запрета торговли хлебом и приступило к проведению продразверстки, т.е. принудительного изъятия зерна у крестьян в целях недопущения свертывания промышленного производства вследствие снижения удельного веса промышленных рабочих в трудовых ресурсах страны.

Реакция крестьянства не заставила себя ждать. Она выразилась в резком сокращении посевных площадей, а попытки продотрядов забирать необходимый продукт поставил крестьян перед дилеммой: умереть от голода либо поднять восстание. В результате к началу 20-х годов наряду с развалом крупной промышленности и массовым голодом в деревне возникла вполне реальная угроза массовых крестьянских восстаний, причем восставали не казаки или сибирские кулаки, а крестьяне перенаселенного центра (например, Тамбовской губернии).

Именно полная экономическая катастрофа и начавшиеся крестьянские мятежи вынудили ленинский режим отказаться от принудительного изъятия зерна у крестьян и перейти к торговому обмену между промышленностью и сельским хозяйством. Таким образом, новая экономическая политика объективно была ни чем иным, как временным откатом от сверхцентрализованной индустриальной деспотии, пытавшейся путем изъятия зерна у крестьян преодолеть секторный разрыв между промышленностью и сельским хозяйством, к обычной доиндустриальной деспотии, ограничивающейся регламентацией промышленной деятельности.

Военно-коммунистическая попытка преодолеть секторный разрыв не удалась прежде всего потому, что она проводилась посредством изъятия у крестьян необходимого продукта, тогда как для успеха необходимо было не забирать необходимое, а создать условия для производства прибавочного продукта в земледелии, и лишь его забирать. А для этого, в свою очередь, требовался переход к новому типу экономического роста.

Итак, что же дал ленинский период деспотии нового типа, начавшийся военным коммунизмом и завершившийся нэпом ? Преодолеть секторный разрыв между промышленностью и сельским хозяйством не удалась, но в политической сфере была создана мощнейшая деопотически-бюрократическая надстройка, контролировавшая не только промышленную деятельность но и вообще все сферы общественной жизни. Были ликвидированы все более или менее демократические институты, явившиеся порождением революций 1905 г. и февраля 1917 г. Новая иерархическая структура власти фактически сбросила наслоения надстроечной вестернизации 1730-1917 гг. и предпочитала опираться на массовый террор. Тем самым была создана политическая структура, соответствовавшая той задаче, которую выдвинуло развитие страны в конце XIX - начале XX вв. - преодолению секторного разрыва между промышленностью и сельским хозяйством и предотвращению процесса деиндустриализации страны.

Нэп же в экономической сфере позволил преодолеть последствия военного коммунизма - разруху, голод и частичную деиндустриализацию 1917-1921 гг. Однако нэп не мог решить основную задачу эпохи - ликвидировать аграрное перенаселение и на этой основе преодолеть секторный разрыв. Раздел помещичьей земли между крестьянами по едокам лишь временно ослабил остроту аграрного перенаселения. Дальнейший рост плотности населения повлек за собой возвращение к предреволюционной ситуации, причем по ряду параметров положение даже ухудшилось в сравнении с 1913 годом. Это ухудшение было вызвано в первую очередь тем, что раздел помещичьих земель между крестьянами привел к ликвидации принудительной товаризации крестьянской продукции (арендная плата помещику или отработка в его хозяйстве) и тем самым снижению возможностей содержать неземледельческое население страны и поставлять зерно на экспорт.

Несмотря на потери в Первой мировой и гражданской войнах, от голода и эпидемий, население страны (в границах 1928 г.) увеличилось с 139,3 млн. в 1913 г. до 154,3 млн. в 1928 году. При этом абсолютный прирост сельского населения, обостряющий аграрное перенаселение, составил почти 11 млн. чел. Таким образом, сельское население страны за этот период возросло с 114,6 млн. до 125,3 млн., или на 9,3 %, тогда как общая посевная площадь увеличилась с 105 млн. га до 110 млн. га, или всего на 5 %. При этом площадь под зерновые практически не увеличилась: 94,4 млн. га в 1913 г. и 94,7 млн. в 1928 г. [34;с.19,27]. В результате посевная площадь под зерновыми на душу сельского населения сократилась с 0,82 га в 1913 г. до 0,75 га в 1928 г., т.е. на 9 %. Правда, за этот же период несколько возросла обеспеченность крестьян крупным рогатым скотом: его поголовье возросло с 58,4 млн. до 66,8 млн. или на 14 % [12;с.315]. Однако в расчете на 100 чел. сельского населения количество крупного рогатого скота почти не увеличилось. Поэтому урожайность зерновых также увеличилась весьма незначительно: в 1909-1913 гг. она составляла в среднем 6,9 ц /га, в 1922-1928 гг. - 7,6 ц/га [34;с.19].

Таким образом, производство зерна в расчете на душу сельского населения составило 565,8 кг в 1909-1913 гг. и 570 кг в 1922-1928 гг. На первый взгляд, казалось бы, эти данные свидетельствуют о том, что углубление секторного разрыва удалось приостановить. Но при дальнейшем исследовании выясняется, что это не так.

В условиях экстенсивного трехполья (а перейти к травопольной системе по образцу Западной Европы мешало аграрное перенаселение и нехватка скота) рост поголовья скота в крестьянском хозяйстве, происходивший в результате укрупнения самих этих хозяйств после раздела помещичьей земли, приводил к росту потребления зерна скотом и снижению удельного веса товарного зерна в валовом продукте крестьянского хозяйства. Кроме того, к снижению товарной продукции приводил также некоторый рост потребления зерна на душу населения и на голову скота в сравнении с дореволюционным временем. К увеличению нагрузки на единицу пашни вследствие роста аграрного перенаселения прибавлялось увеличение нагрузки вследствие роста поголовья скота: если в 1913 г. на 100 га пашни приходилось 55 голов крупного рогатого скота, то в 1928 г. - 60 голов. В результате доля зерна,

расходуемого на прокорм скота и птицы увеличилась с 26,2 % валового сбора в 1925-1926 гг. до 31,9 % в 1927-1928 гг. [34;с.27]. Это привело к снижению удельного веса товарной продукции зерна с 25,5 % валового сбора в 1909-1913 гг. до 19 % в 1925-1929 гг., а в абсолютном выражении - с 16,7 млн. т до 15 млн. т [34;с.23].

Особую остроту положение приобрело к концу 20-х годов. По сравнению с 1913 г. валовая продукция сельского хозяйства увеличилась в 1928 г. на 24 %, а ее товарная часть уменьшилась на 30 % [22;с.86]. Товарное производство зерна сократилось более чем вдвое и составило 48,4 % от уровня 1913 г. [39;с.193].

Создавшееся положение повлекло сокращение удельного веса рабочей силы, занятой в промышленности и торговле, и увеличение удельного веса занятых в сельском хозяйстве - процесс, невиданный в индустриализирующихся странах. Так, доля занятых в промышленности и строительстве сократилась с 9 % всей рабочей силы в 1913 г. до 8 % в 1928 г., в торговле - соответственно с 9 % до 3 %, тогда как доля занятых в сельском хозяйстве увеличилась с 75 % до 80 % [22;с.144-5].

В то же время, например, Франции удалось сбросить занятость в сельском хозяйстве с 52 % в 1850г. до 42 % в 1900г., США, соответственно, с 65 % в 1900г. до 38 % в 1900г. и до 21,2% в 1929г., другим странам, соответственно, в 1900г. и в 1920г.: Италии - с 60 % до 52 %, Испании - с 68 % до 60 %, Швеции - с 54% до 44 %, Японии - с 71 % до 54,6 % [64;с.30-31;79;с.250].

Происходил процесс натурализации и аграризации всей экономики. Углубление секторного разрыва поставило промышленность перед угрозой абсолютного сокращения занятой в ней рабочей силы вследствие нехватки продовольствия. Со второй половины 1928 г. были введены карточки на хлеб в ряде городов, а с начала 1929 г. - во всех городах страны. До минимума сократились экспортные возможности страны: если в 1909-1913гг. среднегодовой экспорт зерна составлял 727,4 млн. пудов, то в 1925-1926г. всего 127 млн. пудов [36;с.82-83].

За период 1913-1928гг. страна еще больше отстала от передовых государств, не знавших секторного разрыва между промышленностью и сельским хозяйством. Объем валовой промышленной продукции в СССР в 1928 г. составлял 7,9 % от уровня США и 33,3 % от уровня Германии [20;с.234]. Особенно велико было отставание в тяжелой промышленности и машиностроении. Если в начале 90-х годов XIX

в. отставание России от Запада было в основном количественным, то с возникновением секторного разрыва в начале XX в. оно приобрело качественный характер. Россия не могла расширять структурно-отраслевую решетку промышленности, так как для этого не было в достаточном количестве рабочей силы. В результате структура российской промышленности оставалась на уровне конца XIX в., тогда как на Западе широкое развитие получили такие отрасли, как электротехническая, автомобильная, авиационная, тракторная, химическая, возрос уровень станкостроения и электроэнергетики.

Рассмотрим более подробно перемены в хозяйственном механизме страны в сопоставлении с другими странами.

В области хозяйственного механизма нэп принес глубокие изменения в сравнении с дореволюционным периодом. Прежде всего, была сведена к минимуму роль иностранного капитала, которому в 1913 г. принадлежала примерно треть основного капитала акционерных промышленных обществ и более 40 % основного капитала главных русских банков [14;с.136]. Национализация принадлежавшего иностранному капиталу имущества и прекращение платежей по долгам царского режима банкам стран Запада (16 млрд. руб.) настолько напугали иностранных инвесторов, что никакие соблазны нэпа не могли побудить их вкладывать капитал в экономику новорожденной деспотии. Этим было крайне затруднено сбалансированное расширение и обновление основного капитала промышленности.

Во-вторых, из сферы рыночных отношений были изъяты рынки капитала и рабочей силы. В собственность государства перешли земля, транспорт и основные мощности промышленности, производившие до 80 % валовой продукции. В результате был создан урезанный вариант рынка, сильно затруднивший процесс межотраслевого перетока капиталов. Данная проблема настолько важна для уяснения происходивших в экономике процессов, что требует самого пристального изучения.

Дело в том, что во всякой нормально функционирующей капиталистической экономике вследствие колебаний спроса и постоянного возникновения новых видов продукции и технологии происходит постоянный перелив капиталов из одних отраслей в другие. Этот процесс рынок регулирует следующим образом. При возникновении нового вида продукции (технологии) в данной отрасли цены на новую про-

дукцию устанавливаются на сравнительно высоком уровне под воздействием спроса, превышающего предложение. Вследствие этого более высокая прибыль привлекает в данную сферу производства капиталы из других отраслей и происходит насыщение рынка, уравнивающее предложение данного вида продукции со спросом на нее на оптимальном для развития экономики уровне равновесия.

Однако дело принимает совсем другой оборот, если на пути межотраслевого перелива капитала кем-либо (господствующими в данной отрасли монополиями либо государством) воздвигается непреодолимый барьер. В этом случае цены на продукцию данной отрасли под воздействием спроса, превышающего предложение, устанавливаются на уровне, постоянно превышающем уровень нормального рыночного равновесия, т.е. на уровне квазиравновесия. Это означает, что объем продукции данной отрасли в натуральном выражении меньше оптимального, т.е. необходимого для равновесного, сбалансированного развития экономики.

Таким образом, на том промежутке который должен покрываться увеличением производства продукции в натуре путем межотраслевого перелива капитала, но не покрывается вследствие наличия барьеров на пути такого перелива, возникает дефицит продукции в натуре, т.е. возникает структурный разрыв. В сфере товарно-денежных отношений это состояние квазиравновесия приводит к постоянному росту инфляции. Именно склонность ранних моноотраслевых монополий - картелей и трестов - генерировать структурные разрывы в экономике побудила развитые страны принять антикартельное и антитрестовское законодательство, ограничивающее монопольное ценообразование и не дающее безраздельное господство монополии в какой-либо отрасли обрабатывающей промышленности и сферы услуг.

Генерировать структурные разрывы может не только частная монополизация какой-либо отрасли экономики, но и в гораздо больших масштабах государственная, основанная на господстве в данной отрасли госсектора. Поэтому в развитых странах господство госсектора ограничено в основных отраслях, в которых не создаются новые виды продукции - энергетикой, транспортом, добывающей промышленностью. В обрабатывающей промышленности, не говоря уже о сфере услуг доля госсектора в этих странах, как правило, не превышает 25 %. Это относится к странам, в которых структурно-отраслевая промышленная решетка сформировалась еще до то-

го, как в обрабатывающей промышленности этих стран возник государственный сектор.

Что же касается стран, получивших название развивающихся, то их индустриализация с самого начала проходила в условиях преобладающей роли госсектора в крупной обрабатывающей промышленности. В странах этой группы индустриализация не была саморазвивающимся процессом, а опиралась на адаптацию индустриальной технологии, уже изобретенной в развитых странах, при отсутствии сколько-нибудь развитых частнокапиталистических структур.

В этих условиях преобладающая роль госсектора в крупной промышленности развивающихся стран и попытки государства планировать его развитие постоянно приводят к возникновению структурных разрывов в экономике и перманентной инфляции. В силу этого экономическое развитие данных стран имеет форму двухфазного цикла. Первая фаза цикла - это период бурного развития госсектора и накопление критической массы структурных разрывов. Вторая фаза - абсолютное сокращение госсектора путем приватизации и акционирования государственной собственности, усиление позиций частного капитала и закрытие образовавшихся в первой фазе цикла структурных разрывов, т.е. возвращение к сбалансированному экономическому росту.

При этом если в развитых странах создание несущих конструкций экономики - многоотраслевых концернов - предшествовало созданию госсектора в обрабатывающей промышленности и политике государственного регулирования экономики вообще, то в развивающихся странах такие концерны создаются самим государством и за счет ресурсов, аккумулируемых посредством государственного регулирования.

Таким образом, долговременным следствием секторного разрыва между промышленностью и сельским хозяйством, возникшего в России к началу XX в., был переход страны в разряд развивающихся стран (Латинская Америка, Испания, Португалия, Греция, Турция) в период нэпа. Но, в отличие от развивающихся стран, структура экономики которых была изначально неполноцелостной либо анклавной, Россия перешла к неполноцелостной структуре от целостной индустриальной структуры посредством разлома последней. Разлом целостной индустриальной структуры

в России явился результатом долговременного секторного разрыва между промышленностью и сельским хозяйством, приведшего к громадному дефициту рабочей силы в промышленности и тем самым к невозможности одновременного развития ряда взаимосвязанных отраслей индустрии по синхронному типу. Тип развития экономики России отныне стал асинхронным. При этом если бы в России удалось каким-либо образом сузить секторный разрыв между промышленностью и сельским хозяйством, траектория ее развития пошла бы по двухфазному циклу, характерному для развивающихся стран.

Однако природные условия перенаселенного центра России были таковы, что полностью исключали возможность перехода к трудоинтенсивным системам, поглощающим избыточную рабочую силу по субтропическому образцу. Столкнувшись с катастрофическим расширением секторного разрыва, сталинское руководство пыталось в 1928 г. увеличить изъятие прибавочного продукта из крестьянских хозяйств за счет уменьшения их необходимого продукта. Крестьяне реагировали традиционным способом - сокращением посевных площадей. Но патовая ситуация 1921 г. на сей раз продолжалась недолго. В отличие от тогдашней разрухи в руках деспотии в конце 20-х годов находилась полностью восстановленная крупная промышленность и крепко сколоченная, проникающая глубоко в сельскую местность иерархия власти и подавления, а кроме того - полная поддержка пауперизованных слоев деревни. Выход был найден в коллективизации сельского хозяйства и переходе к форсированному типу экономического роста.

Что же представляет собой форсированный тип экономического роста, и чем он отличается от традиционного? Чтобы ответить на этот вопрос, следует проследить процесс формирования целостного механизма преодоления секторного разрыва между промышленностью и сельским хозяйством. Как уже известно, непосредственной причиной секторного разрыва было аграрное перенаселение и вызванное его ростом снижение земледельческого продукта на душу населения. Отсюда логически вытекает следующее: чтобы не допустить дальнейшего снижения земледельческого продукта на душу населения, необходимо приостановить рост аграрного перенаселения, т.е. весь прирост сельского населения должен изыматься из сельского хозяйства и направляться в другие сферы производства. Повышающийся таким образом

удельный вес неземледельческого населения требует для своего обеспечения производительностью увеличение производства земледельческого продукта в расчете на одного земледельческого работника. А для этого, в свою очередь, требуется увеличение трудозатрат работника земледелия, т.е. интенсификация его труда.

Коллективизация сельского хозяйства обеспечила выполнение двух задач - трудоинтенсификация и увеличения нормы изъятия прибавочного продукта крестьян за счет сокращения их необходимого продукта. При этом планировался переход от экстенсивного трехполья к травопольной системе по образцу стран Западной Европы. Однако для полноценной травопольной системы в стране было недостаточно крупного рогатого скота в расчете на единицу пашни. Поэтому увеличение земледельческого продукта на душу населения осуществлялось в основном за счёт роста посевной площади. Это привело к недопустимой распашке пастбищ и практически подорвало возможности повышения урожайности. Однако за счет экстенсивного фактора - расширения обрабатываемой площади - удалось ликвидировать секторный разрыв между промышленностью и сельским хозяйством и возобновить перекачку рабочей силы из земледелия в промышленность.

При этом посевная площадь в расчете на один колхозный двор возросла в сравнении с посевной площадью единоличного хозяйства на 40 % - с 4,5 га до 6,3 га [34;с.115,223]. Общая посевная площадь под зерновыми увеличилась в 1928-1932 гг. с 94,7 млн. га до 99,6 млн. га, а так как сельское население не увеличилось (весь его прирост вбирался в другие сферы), то в расчете на душу сельского населения площадь под зерновыми увеличилась за этот период на 5 % [34;с.223]. В еще большей степени увеличилась общая посевная площадь колхозов. В 1932 г. она составила 91,6 млн. га против 63 млн. га в этих хозяйствах до вступления в колхоз [34;с.112].

Важным фактором роста сельскохозяйственного производства явилось также более эффективное использование инвентаря и рабочего скота в рамках простой кооперации труда. Это объяснялось тем, что среди крестьянских хозяйств было много безлошадных и не располагавших собственным инвентарем. В результате простой кооперации труда колхозы, не имевшие тракторов, на одну и ту же работу затрачивали почти на 30 % меньше труда, чем единоличные хозяйства [34;с.43].

Наконец, третьим важным фактором роста товарной сельскохозяйственной

продукции явилось сокращение ее потребления крестьянами. В результате этого товарность зерновых в колхозах повысилась до 50 % в сравнении с менее 20 % в единоличных хозяйствах. Основным источником пропитания колхозников стала работа в личном подсобном хозяйстве. Таким образом, в результате форсированной индустриализации и коллективизации секторный разрыв между промышленностью и сельским хозяйством удалось преодолеть. Однако цена, заплаченная за это, оказалась непомерной. Потребность в колоссальной откачке рабочей силы из сельского хозяйства для предотвращения падения производства сельскохозяйственной продукции на душу населения привела к тому, что из сельского хозяйства было изъято гораздо больше рабочей силы, чем могла вобрать промышленность, развивающаяся по сбалансированному рыночно-конкурентному типу. Поэтому рыночное равновесие было отброшено и была сформирована система плановых цен, позволяющая проводить накачку экономической структуры по нескольким отдельным направлениям, отделенным друг от друга коридорами структурных разломов.

Необходимым дополнением к системе плановых цен в условиях реального социализма является директивное планирование производства как в стоимостных, так и в натуральных показателях. Почему же такое планирование не только не способствовало преодолению структурных разрывов и разломов, но и непосредственно генерировало их? Рассмотрим этот вопрос подробнее.

Как уже было сказано выше, оптимальной траекторией развития экономики является траектория, достигаемая при совершенной конкуренции. Весь вопрос в том, почему директивное планирование не способно обеспечить достижение этой траектории. Дело в том, что директивное планирование в принципе не может учесть постоянное изменения в соотношениях факторов производства, происходящие под влиянием научно-технического прогресса. Для того, чтобы составить научно обоснованный план на среднесрочную и долгосрочную перспективу, плановик должен знать, какие в этот период произойдут научные открытия, какие новые технологии возникнут в результате этих открытий и, наконец, какие изменения в комбинациях факторов производства вдоль всей технологической цепи повлечет за собой внедрение этих новых технологий. Разумеется, этого не знает не только плановик, но все гении мира, вместе взятые. В результате под видом научно обоснованного плана

предлагается примитивная экстраполяция тенденций предыдущего периода на последующий с учетом руководящих пожеланий. Это и есть планирование "от достигнутого", уйти от которого при реальном социализме невозможно.

Первоначально планирование в нашей стране было направлено на максимизацию откачки рабочей силы из сельского хозяйства. Этот период длился примерно до Великой Отечественной войны. Затем планирование стало ориентироваться на фондоемкую модель роста по мере нарастания структурных разрывов и разломов.

Однако в отличие от развивающихся стран в России был сломан механизм структурной адаптации, позволявший этим странам строить целостную индустриальную структуру в ходе последовательно сменяющих друг друга двухфазных анклавных циклов. Сломан же этот механизм был именно в результате огромного давления аграрного перенаселения и потребности в колоссальных размерах перекачки рабочей силы из сельского хозяйства в промышленность. Образовавшаяся система накачки коренным образом отличалась от экономических структур развивающихся стран.

Если в развивающихся странах государством контролировалась лишь сравнительно небольшая доля цен и в целом поддерживалось рыночное равновесие, то в России в условиях форсированной модели с рыночным равновесием было покончено, а государство стало определять подавляющее большинство существующих цен. При этом опять-таки в отличие от развивавшихся стран в России система накачки экономической структур путем вностоймостного безэквивалентного перераспределения ресурсов через госбюджет в меньшей степени базировалась на прямых бюджетных дотациях и в большей - на механизме деформации цен. Сущность этого механизма состоит в том, что цены на сырье, энергоносители и продовольствие резко занижаются в сравнении с равновесным уровнем. За счет такого занижения цен создается иллюзия рентабельности большинства производств обрабатывающей промышленности. Однако, если ликвидировать искусственное занижение цен на сырье, энергоносители и продовольствие, то многие прежде рентабельные отрасли станут убыточными.

Слом механизма структурной адаптации привел к тому, что процесс накачки экономической структуры через структурные разломы продолжался до тех пор, пока

все аграрное перенаселение было перекачано в промышленность, пронизанную структурными разломами. Такой форсированный рост промышленной структуры привел в конце концов к полному истощению бюджетных ресурсов, т.е. возможностей переброски в потенциально убыточные отрасли ресурсов с прибыльных участков. Все большая часть новых капиталовложений омертвлялась, проваливаясь в структурные разломы, и экономический рост полностью прекратился. Экономика оказалась в структурном тупике.

Какие же изменения вносит в макроэкономический воспроизводственный процесс, обрисованный во II главе нашей работы, переход к социально-экономической структуре реального социализма?

Главным фактором, действующим в направлении искажения нормальных воспроизводственных пропорций, в СССР с начала 30-х годов явилась необычайная мощность и интенсивность накачки промышленности рабочей силой, перекачиваемой из пораженного застойным аграрным перенаселением сельского хозяйства в ходе индустриализации и коллективизации.

Абсолютная численность занятых в сельском хозяйстве сократилась за довоенные пятилетки более, чем на 20 млн. чел. - с 60,7 млн. в 1928 г. до 39,5 млн. в 1939 г. при росте общего объема сельскохозяйственного производства на 14 % [41;с.34]. За тот же период количество занятых в промышленности возросло с 4,5 млн. до 12,5 млн. чел, т. е. почти в 3 раза [22;с.144-145]. Таких темпов и масштабов перекачки рабочей силы из сельского хозяйства в промышленность не знала ни одна страна мира. Доля населения, занятого в сельском хозяйстве, сократилась с 80 % в 1928 г. до 53,1 % в 1940 г., а в промышленности и строительстве, соответственно, возросла с 8 % до 23 % [22;с.144-145; 51;с.72].

Разумеется, столь высокие темпы индустриализации во многом были вызваны необходимостью в кратчайший срок повысить обороноспособность страны перед лицом угрозы внешней агрессии. И эта задача, в общем, была решена. Тысячу раз прав авиаконструктор А. Яковлев, писавший следующее: "Будь это не новая, социалистическая страна, а старая, дореволюционная Россия, она рухнула бы перед Германией, подобно Польше, Франции и десятку других буржуазных европейских государств" [57;с.275].

Лишь в ходе войны в стране было окончательно ликвидировано аграрное перенаселение, что открывало благоприятные перспективы возвращения на более сбалансированную траекторию развития. Однако исторический шанс был упущен, в основном по вине США.

Дело здесь в том, что переход на более сбалансированную траекторию и соответствующее уменьшение сферы действия командно-распределительных механизмов в экономике были возможны лишь в условиях кардинального снижения уровня военной угрозы СССР со стороны США. К сожалению, после смерти Ф. Рузвельта в руководстве США не нашлось деятелей, способных осознать, в какой тупик будет втягиваться СССР на путях безудержной военной гонки с Америкой и какой угрозой это чревато для судеб всего мира.

Вместо этого, правящие круги США носились с атомной бомбой и идеей "отбрасывания коммунизма" из Восточной Европы. Они никак не могли уразуметь, что оккупация Восточной Европы была нужна СССР не для распространения на весь мир социалистической системы, а для недопущения повторения в какой-либо форме 1941 г. У нас ведь не было труднопреодолимых для неприятеля естественных преград, как Ла-Манш и тем более Атлантический океан. Для того, чтобы заменить их, и была создана восточноевропейская зона безопасности.

Таким образом, послевоенная международная обстановка фактически блокировала всякую возможность отхода СССР от форсированной модели, и, наоборот, подталкивала к еще более масштабному использованию командно-распределительных механизмов в экономике.

Процесс накачки промышленности избыточной рабочей силой продолжался и в послевоенный период. Количество рабочей силы, занятой в промышленности и строительстве, возросло с 18,6 млн. в 1950 г. до 28,9 млн. в 1960 г. и до 40,7 млн. в 1970 г., тогда как количество занятой в сельском хозяйстве сократилось с 34,8 млн. в 1950 г. до 32,5 млн. в 1960 г. и до 29,4 млн. в 1970 г. [51;с.72]. В абсолютном выражении сокращение численности рабочей силы, занятой в сельском хозяйстве, выглядит не очень большим, однако не следует забывать, что в промышленность перекачивалась не только рабочая сила, которая непосредственно изымалась из сельского хозяйства, но и ежегодный ее прирост, не отражавшийся статистикой. Таким об-

разом, удельный вес занятых в сельском хозяйстве снизился с 48,5 % в 1950 г. до 36,7 % в 1960 г. и до 26,3 % в 1970 г. при росте доли занятых в промышленности и строительстве, соответственно, с 26 % до 32,6 % и до 36,4 % [51;с.72].

В отличие от довоенного периода, когда рост производства в сельском хозяйстве достигался в основном за счет трудоинтенсификации, а в промышленность перекачивалась рабочая сила из неисчерпаемого резервуара застойного аграрного перенаселения, после войны перекачка генерировалась уже в основном вбрасыванием в сельское хозяйство техники - тракторов, комбайнов, грузовиков, а затем и минеральных удобрений.

Механизм такой перекачки во всех индустриальных странах имеет много общих черт и состоит в следующем. Каждая порция индустриальных средств производства, поставляемых в сельское хозяйство сокращает потребность в рабочей силе на производство прежнего количества продукции и тем самым выбивает из сельского хозяйства соответствующую порцию рабочей силы, которая, в свою очередь, перекачивается в промышленность и сферу услуг. При этом, чем больше мощность ресурсного потока, направляемого в сельское хозяйство, тем выше темп перекачки от туда рабочей силы.

При социализме (это относится и ко всем соцстранам Восточной Европы) мощность ресурсного потока, закачиваемого в сельское хозяйство, значительно выше, чем при капитализме одного с ним уровня экономического развития, а следовательно, значительно выше темпы перекачки рабочей силы из сельского хозяйства.

Вдобавок, значительные резервы подлежащей высвобождению рабочей силы образуются в сельском хозяйстве за счет использования характерной для специфической колхозно-кооперативной структуры простой кооперации труда. Например, если при фермерстве каждое хозяйство должно быть обеспечено всем комплексом сельскохозяйственной техники - трактором, сенокосилкой, комбайном, грузовиком, то при колхозном хозяйстве каждый из этих агрегатов приходится, как правило, не менее, чем на 5-6 колхозных дворов.

Стабильно более высокие темпы перекачки рабочей силы из сельского хозяйства, как правило, приводили в социалистических странах к повышению общих темпов экономического роста в сравнении с капиталистическими странами. Факти-

чески они и были тем самым основным преимуществом реального социализма, обеспечивавшим превышение указанных темпов. Но за фасадом высоких темпов роста подспудно зрела страшная угроза, являвшаяся оборотной стороной этих темпов.

Дело здесь в следующем. В ходе капиталоемкой фазы технического прогресса, имеющей место в период циклического подъема, как указывалось в главе II, в капиталистической экономике рост производства вследствие перекачки рабочей силы из сельского хозяйства сочетается с повышением производительности труда внутри самой промышленности вследствие технического прогресса. При этом такое повышение производительности труда внутри промышленности посредством технического прогресса требует для своего осуществления определенного уровня автономных инвестиций.

Существует область допустимых значений темпа перекачки рабочей силы из сельского хозяйства, при которых сохраняется максимально возможный уровень автономных инвестиций в промышленности и, следовательно, максимальный темп роста производительности труда внутри промышленности от технического прогресса. Если же темп перекачки рабочей силы из сельского хозяйства значительно выше допустимых значений, то, соответственно, замедляется темп роста производительности труда внутри промышленности: подавляющая часть инвестиций идет на обеспечение перекачиваемой рабочей силы средствами производства, а на техническое перевооружение в самой промышленности почти ничего не остается.

При нормальном капиталистическом цикле процесс роста капиталоемкости в ходе циклического подъема сопровождается процессом снижения нормы накопления = процессом снижения темпов перекачки рабочей силы из сельского хозяйства. Участие процесса перекачки в росте капиталоемкости здесь минимально.

При социализме же процесс роста капиталоемкости в период подъема не сопровождается снижением нормы накопления и темпов перекачки рабочей силы из сельского хозяйства. В результате этого происходит огромное удлинение капиталоемкой фазы цикла вследствие накачки промышленности рабочей силой вплоть до полного исчерпания ресурсов избыточной рабочей силы, перекачиваемой из сельского хозяйства, при резком снижении темпов роста производительности труда

внутри самой промышленности.

Фактически, временной горизонт капиталоемкой фазы экономического цикла, составляющий при капитализме 8-10 лет, при социализме растягивается до 40 лет, что ведет к огромному участию процесса перекачки в росте избыточной капиталоемкости. Соответственно, когда резервы перекачиваемой из сельского хозяйства рабочей силы оказываются исчерпанными, и наступает депрессивная капиталоемкая фаза технического прогресса, замене подлежит гораздо большая часть экономической структуры, чем при традиционном капиталистическом цикле. А точнее, во столько раз большая, насколько более интенсивным был процесс перекачки рабочей силы из сельского хозяйства.

Таким образом, для форсированной модели экономического роста, существовавшей при реальном социализме, характерно огромное удлинение экономического цикла и наличие избыточной капиталоемкости, которая равняется базовой капиталоемкости, подлежащей сбросу в ходе кризиса и депрессии, умноженной на величину избыточной перекачки.

В свою очередь, для обеспечения избыточной рабочей силы средствами производства при социализме функционировал механизм централизованной безвозмездной ресурсной подпитки предприятий через систему прямых дотаций и косвенных субсидий, предоставляемых посредством применения резко заниженных цен на ряд видов энергии и сырья, и прежде всего на нефть и газ. Вдобавок ко всему, в СССР в послевоенный период наблюдалась аномальная динамика энергоемкости ВВП: в то время как на Западе энергоемкость ВВП устойчиво снижалась, у нас она столь же стабильно росла [9;с.399].

Данная траектория развития закономерно вела к структурному тупику, т.е. к прекращению экономического роста и долговременной стагнации. В период 1950-1970 гг. экономика социалистических стран развивалась более высокими темпами, чем капиталистических, тогда как в 1970-1985 гг. - более медленными. При этом производительность труда внутри самой промышленности при социализме всегда росла значительно более медленными темпами, чем при капитализме. Превосходство же соцстран в темпах экономического роста в 1950-1970 гг. объяснялось исключительно гораздо более высокими темпами перекачки рабочей силы из сельского

хозяйства в промышленность.

Когда же в 1970-1985 гг. темпы перекачки рабочей силы из сельского хозяйства снизились, в то время как темпы повышения производительности труда внутри промышленности продолжали оставаться устойчиво низкими, общие темпы экономического роста социалистических стран в сравнении с капиталистическими резко замедлились. Данный феномен прослеживается на примере большого числа стран примерно с одинаковым исходным уровнем развития. Например, в 1950-1970 гг. Польша развивалась быстрее Испании, Болгария и Румыния - быстрее Португалии и Греции, Северная Корея - быстрее Южной. В 1970-1985 гг., наоборот, темпы экономического роста Испании уже значительно опережали соответствующие показатели Польши; Португалия и Греция росли быстрее Румынии и Болгарии, а Северная Корея безнадежно проиграла экономическое соревнование Южной.

По мере втягивания социалистических стран в структурный тупик рост уровня жизни населения повсеместно прекращался. В СССР это произошло еще в конце 70-х годов. Однако в течение всех 80-х годов продолжался, хотя и затухающим темпом, процесс перекачки населения из сельского хозяйства. При этом бывшие сельские жители, проживавшие в квартирах без удобств - горячей воды, ванны, канализации, центрального отопления - переселялись в городские квартиры с удобствами. Однако этот рост уровня жизни за счет роста коммунальных услуг нигде не принимался во внимание и не учитывался в показателе ВВП на душу населения.

Так, например, Турция и Польша, судя по официальной статистике имели в середине 90-х годов примерно одинаковый ВВП на душу населения - около 5,5 тыс. долл. [8;с.151-158]. Однако при этом в сельском хозяйстве Польши было занято, проживая тем самым в квартирах без удобств, менее 20 % населения, тогда как в Турции - 47 % [74;с.47]. Этому может быть только одно правдоподобное объяснение - стоимость коммунальных услуг не включается официальной статистикой в ВВП на душу населения. С учетом коммунальных услуг ВВП на душу населения в Польше должен значительно (не менее чем на 1 тыс. долл.) превышать турецкий уровень.

Таким образом, ВВП на душу населения в СССР и странах Восточной Европы занижался официальной статистикой на величину коммунальных услуг.

Итак, на первом этапе социалистического развития из сельского хозяйства в

промышленность перекачивается больше рабочей силы, чем было бы при капитализме. Это приводит к тому, что темпы развития экономики социалистических стран на этом этапе превосходят темпы роста экономики капиталистических стран. На втором же этапе рост структурных разрывов и разломов приводит к резкому падению фондоотдачи и росту фондоёмкости производства в социалистических странах. Темп роста экономики этих стран начинает отставать от темпа ее роста в капиталистических странах, затем он более и более снижается, и, наконец, рост прекращается вовсе. Это и есть структурный тупик.

После прихода к власти М.С.Горбачева начался распад централизованной системы управления экономикой. Если до Горбачева в экономике действовало железное правило "рост заработной платы не должен превышать роста производительности труда", то в эпоху перестройки при стагнации производительности труда начался резкий рост заработной платы. По-видимому, идеологами перестройки предполагалось, что окрыленные невиданным ростом зарплат и выборностью директоров трудящиеся массы станут лучше работать и перегонять США. Вместо этого в 1988-1990 гг. был разрушен потребительский рынок и возникла система тотального дефицита: при сохранении низких цен вооруженное высокими зарплатами население немедленно сметало с полок магазинов все появлявшиеся там товары.

Ослабление идеологического и политического контроля стремительно вело к выходу из-под влияния Москвы сначала стран Восточной Европы, а затем и союзных республик. При этом республиканские элиты, да и широкие народные массы, были уверены, что "метрополия", поставляя республикам нефть и газ по заниженным ценам, тем самым нещадно эксплуатирует их.

Вследствие развала централизованной системы управления экономикой с 1989 г. начался спад производства, конца которому не видно и по сей день. Фарсовый путч августа 1991 г. был последней отчаянной попыткой восстановить управляемость государством и его экономикой. После провала путча альтернативы "гайдаровским реформам" уже не было.

Либерализация цен и приватизация госсобственности явились ключевым звеном реформ 90-х годов как в России и СНГ так и в Восточной Европе. Однако исходное положение экономики к началу реформ в странах Восточной Европы корен-

ным образом отличалось от ситуации в России и СНГ. Во-первых, в отличие от СССР, в Восточной Европе не было мощного пресса аграрного перенаселения и, соответственно, мощность накачки промышленности рабочей силой была гораздо ниже. Во-вторых, цены на энергоносители, поставляемые странам Восточной Европы из СССР, были гораздо ближе к мировым, чем цены, действовавшие внутри СССР.

Результатом действия этих факторов явилось то, что экономическая структура стран Восточной Европы оказалась деформированной в минимальной степени. В результате либерализации цен и структурной адаптации здесь была обрушена сравнительно небольшая часть экономической структуры, после чего вновь возобновился экономический рост. Объем производства ВВП на душу населения в нижней точке кризиса в 1993 г. нигде в Восточной Европе не падал более чем на 30 % к уровню 1989 г. [8;с.151-158].

Страна	ВВП на душу населения		
	1989 г.	1993 г.	1996 г.
Польша	5402	4408*	5529
Чехия	10683	8421	9417
Венгрия	7130	5962	6731
Словакия	7701	5766	6804
Румыния	4961	3584	4243
Болгария	4826	3622	4043
Эстония	6011	3803	4128
Латвия	6194	3070	3322
Литва	6730	3681	3977

* - для Польши нижней точкой кризиса был не 1993, а 1991 год.

Как видно из таблиц, наименьший уровень ВВП на душу населения отмечался среди восточноевропейских стран в Румынии и Болгарии, которые весьма близки в этом отношении странам Балтии - Эстонии, Латвии и Литве. При этом в странах Балтии степень деформации экономической структуры при социализме была гораздо большей, чем в странах Восточной Европы, но большая степень ее обрушения

компенсировалась массивной безвозмездной помощью Запада по типу ФРГ-ГДР.

Что касается России, то здесь либерализация цен и ее важнейшая составляющая - резкое повышение цен на энергоносители - привели к фактической остановке обрабатывающей промышленности при относительном благополучии сырьевых отраслей - нефтегазовой, черной и цветной металлургии, химической промышленности, работавших на экспорт. При этом замысел правительства Гайдара-Черномырдина сводился к следующему. Поскольку отечественные промышленность и сельское хозяйство являются значительно более энергоемкими, чем соответствующие отрасли на Западе, то есть смысл их свернуть, а высвободившиеся энергоресурсы продать на Запад, получив при этом больше продукции народного потребления, чем могли бы дать отечественные отрасли.

Определенный резон в этом рассуждении, конечно есть. Но, увы, минусы данного подхода явно превышают плюсы. Во-первых, была поставлена под угрозу продовольственная безопасность страны: в условиях когда за счет импорта удовлетворяется свыше половины потребностей страны в продукции животноводства, открывается широкая возможность шантажа с помощью экономических санкций. Во-вторых, свертывание отечественной обрабатывающей промышленности негативно отражается на отраслях нефтегазового комплекса, стимулируя дополнительный спад добычи нефти.

В-третьих, остановка обрабатывающей промышленности означает безработицу де-факто для десятков миллионов людей: ходить на работу можно, но нельзя получать за это заработную плату. В-четвертых, экспансия топливно-энергетического комплекса при коллапсе обрабатывающей промышленности стимулирует формирование правящей элиты латиноамериканского образца, заинтересованной не в росте производства, а в разворовывании бывшего госимущества и финансовых спекуляциях.

И, наконец, в-пятых генеральная линия Гайдара-Черномырдина привела к снижению ВВП Российской Федерации в расчете на душу населения почти в 2 раза - с 6919 долл. в 1989 г. до 3962 долл. в 1996 г. [8;с.151] при огромной поляризации доходов. С учетом этой поляризации и разворовывания ВВП прожорливыми элита-

ми уровень ВВП на душу остального, не элитного населения, сократился по сравнению с 1989 г. более, чем вдвое.

При этом первопричина всех бедствий - спад производства - как-то вообще выпал из лексикона правительства, ключевыми словами которого стали инфляция и борьба с ней. Поскольку борьбе с инфляцией посвящена подавляющая часть вышедшей после 1991 года экономической литературы, стоит рассмотреть этот вопрос подробнее.

Если экзогенно задан спад производства, то возможным ответом правительства на него являются два варианта - инфляционный и безинфляционный. Для того, чтобы претворить в жизнь безинфляционный вариант, необходимо в той степени, в которой сокращается производство, уменьшать зарплату работников. Например, рабочий, получавший до спада 100 рублей, должен получать 90, затем 80, 70, 60 рублей и так до нуля. В этом случае цены остаются прежними, а инфляции не будет. При инфляционном варианте по мере спада производства зарплата растет, но цены растут еще быстрее. В итоге покупательная способность, к примеру, 100 тыс. инфляционных рублей будет равна покупательной способности 60 старых неинфляционных рублей, а снижение реальной зарплаты со 100 до 60 старых рублей будет, как и в первом случае, определяться глубиной спада производства.

Но если при снижении номинальной зарплаты по безинфляционному варианту любому человеку видно, к какому "светлому будущему" его ведут, то при инфляции процесс обнищания маскируется ростом номинальной зарплаты. В эпоху Гайдара к данному преимуществу инфляции присоединялась еще насущная необходимость ликвидировать рублевые сбережения населения, сделанные в период бесконтрольного роста зарплат в 1988-1991 гг., за которыми не было вообще никакой товарной массы, или, по выражению самого Гайдара, ликвидировать "денежный навес". В результате гиперинфляции 1992-1994 гг. сбережения населения были ликвидированы, после чего наступил период "борьбы с инфляцией".

В 1995-1997 гг. инфляция была сведена к минимуму, но обещанный монетаристами экономический рост так и не наступил. Наоборот, всю продолжался промышленный спад. За счет чего же, спрашивается, удалось сбить инфляцию? Да все за счет того же вышеописанного снижения реальной зарплаты. Правительство,

правда, не осмелилось снижать номинальную зарплату, но вместо этого увеличило интервалы между выплатами, не выплачивая зарплату в положенные сроки, а растягивая ее на большие промежутки времени, что было эквивалентно снижению номинальной заработной платы,

Таким образом, в основе всех происходящих на поверхности экономической и политической жизни событий в России 90-х годов XX века лежит необычайно глубокий трансформационный спад, а вернее сказать, коллапс реального сектора экономики, а вовсе не финансовые трудности с инфляцией и дезинфляцией.

Вообще, убежденность представителей доморощенного монетаризма в том, что стоит лишь покончить с инфляцией и добиться финансовой стабилизации, как тут же начнется экономический рост, свидетельствует о весьма слабом знакомстве с положением дел в развивающихся странах. В действительности в большинстве из наименее развитых стран мира инфляции вообще нет (либо она крайне невелика, вследствие преобладания натурального хозяйства), как нет и намеков на какой-либо экономический рост.

На самом деле проблема выхода России и всего СНГ из трансформационного коллапса неизмеримо сложнее, чем кажется она поборникам финансовой стабилизации и борцам с инфляцией. Проблема прежде всего в том, где изыскать инвестиционные ресурсы для технического перевооружения отечественной обрабатывающей промышленности на основе энергосберегающих технологий

Окидывая взглядом сегодняшнего безрадостную российскую и украинскую действительность, нельзя не задаться вопросом: а были ли другие реальные варианты реформирования отечественной экономической и политической систем? Ведь сегодня уже всем очевидно, что стагнация 80-х годов не могла продолжаться сколь-нибудь длительное время: по мере роста затрат на добычу нефти и падения уровня самой добычи спад экстремально энергоемкого производства был неизбежен.

Несомненно, наиболее перспективной для России и Украины была китайская модель двухсекторной экономики. Однако реализовать ее у нас было гораздо сложнее, чем в Китае, прежде всего потому, что у нас не было "преимущества отсталости", которым располагал Китай. В Китае около 70 % населения все еще занято в сельском хозяйстве, тогда как в СССР в 1991 г. в сельском хозяйстве было занято

12,4 % совокупной рабочей силы, а остальные 87,6 % - в промышленности и сфере услуг [74;с.47].

Поэтому в Китае перекачка рабочей силы из сельского хозяйства в сельскую же промышленность давала значительный рост ВВП на душу населения, притом не было необходимости прибегать к урбанизации и затратам на коммунальные услуги. Проживание переливаемой в промышленность рабочей силы в сельской местности в домах без удобств обеспечивало минимальный уровень издержек и крайнюю дешевизну китайского экспорта, наводнившего рынки развитых стран. В свою очередь, высокие темпы экономического роста в свободном секторе экономики позволяли выделять необходимые ресурсы на дотации предприятиям госсектора и сохранять жесткие границы между двумя секторами экономики, не допуская бесконтрольной перекачки распределяемых государством по заниженным ценам ресурсов в частный сектор. Ну и, наконец, не следует забывать о том, что китайцы не потребляют продукцию животноводства - мяса, молока, сливочного масла и т.д. Кроме того, у Китая было важнейшее психологическое преимущество: в отличие от московской элиты, китайцы хорошо знали, что их страна никогда не станет ни Европой, ни Америкой, что надо искать свой путь развития.

В России и в Украине весь огромный массив аграрного перенаселения был перекачан в пронизанную структурными разломами промышленность. В этих условиях создание свободного сектора в промышленности могло происходить лишь за счет высвобождения рабочей силы из уже существующих производств, что не давало ощутимого роста ВВП на душу населения. Кроме того, колоссальный отрыв цен госсектора СССР от мировых, прежде всего во много раз заниженные цены на энергоносители в условиях двухсекторной экономики породили бы мощнейший переток ресурсов из госсектора в частный сектор, справиться с которым и не допустить коллапса госсектора можно было бы лишь с помощью широкомасштабных репрессий. В свою очередь, в условиях стагнации экономики проведение таких репрессий столкнулось бы с широким общественным недовольством как внутри страны, так и за рубежом. Горбачевская же элита (включая сюда и ГКЧП) хотела любой ценой сохранить за собой поддержку Запада. В результате вместо китайского варианта произошел коллапс государства при явной латиноамериканизации правящей элиты.

Вместо брежневской системы, в которой привилегии номенклатуры были жестко регламентированы, а за развал дела могли и освободить с работы, эта номенклатура предпочла криминальную латиноамериканскую модель, при которой, приватизировав госсобственность, можно воровать и вообще ни за что не отвечать. Такое направление действий правящей элиты в конце концов и определило развитие событий в России и Украине по катастрофическому сценарию.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

1. Анфимов А.М. Крестьянское хозяйство Европейской России 1881-1904 гг. – М., 1980.
2. Анфимов А.М. Крупное помещичье хозяйство Европейской России. – М., 1969.
3. Баталов А., Княжинская Л., Сдасюк Г. Южная Индия. – М., 1966.
4. Васильев Л.С. Проблемы генезиса китайского государства. – М., 1983.
5. Вебер М. История хозяйства. – Пг., 1924.
6. Вихляев А.А., Шавишвили Д.Ф. Розничные цены. – М., 1990.
7. Военно-статистические сборник. – Выпуск IV. – СПб., 1871.
8. Вопросы экономики. – 1997. – №10.
9. Гайдар Е. Аномалии экономического роста. – Соч.в 2-х т. – Т.2. – М., 1997.
10. Илюшечкин В.П. Рентный способ эксплуатации в добуржуазных обществах древности, средневековья и нового времени. – М., 1971.
11. Илюшечкин В.П. Развитие производительных сил и общественного производства в древнем и средневековом Китае // Производительные силы и социальные проблемы старого Китая. - М.: Наука, Гл.ред.вост.лит., 1984.
12. Ильин Г.Ф. Единство исторического процесса // Общее и особенное в историческом развитии стран Востока. – М., 1966.
13. Искендеров А.А. Феодалный город Японии XVI столетия. – М., 1961.
14. История КПСС. – М.: Политиздат, 1979.
15. Кассель Г. Теория конъюнктур. – М., 1925.
16. Кейнс Д. Общая теория занятости, процента и денег. – М., 1978.
17. Кобищанов Ю.М. Феодализм, рабство и азиатский способ производства // Общее и особенное в историческом развитии стран Востока. – М., 1966.
18. Ковальченко И.Д. Крестьяне и крестьянское хозяйство Рязанской и Тамбовской губерний в первой половине XIX века. – М., 1959.
19. Козловский П.Г. Отраслевая структура сельского хозяйства в поместьях Белоруссии во 2-й половине XVIII века // Проблемы аграрной истории. – Ч.1. – Минск,

- 1978.
20. Колганов М.В. Национальный доход. – М., 1959.
21. Косминский Е.А. Исследование по аграрной истории Англии XIII в. – М.-Л., 1947.
22. Кронрод А.Я. Общественный продукт и его структура при социализме. – М., 1958.
23. Кулишер И.М. Лекции по истории экономического быта Западной Европы. – Пг., 1916.
24. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. – Т.23.
25. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. – Т.24.
26. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. – Т.25. – Ч.II.
27. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. – Т.26. – Ч.I.
28. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. – Т.26. – Ч.III.
29. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. – Т.46. – Ч.I.
30. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. – Т.46. – Ч.II.
31. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. – Т.47.
32. Мельянцев В.А. Восток и Запад во втором тысячелетии. – М., 1996.
33. Мотылев В.Е. Проблема темпа развития СССР. – М., 1929.
34. Мошков Ю.А. Зерновая проблема в годы сплошной коллективизации сельского хозяйства СССР. – М., 1966.
35. Муравьев А.В., Самаркин В.В. Историческая география эпохи феодализма. – М., 1973.
36. На аграрном фронте. – 1926. – №8-9.
37. Непомнин О.Е. Социально-экономическая история Китая. – М., 1980.
38. Непомнин О.Е. Экономическая история Китая 1864-1894 гг. – М., 1974.
39. Ноткин А.И. Очерки теории социалистического воспроизводства. – М., 1948.
40. Ноткин А.И. Темпы и пропорции социалистического воспроизводства. – М., 1961.
41. Плышевский Б.П., Яременко Ю.В. Закономерности движения общественного

- продукта и национального дохода. – М., 1963.
42. Полянский Ф.Я. Городское ремесло и мануфактура в России XVIII в. – М., 1960.
 43. Рындзюнский П.Г. Крестьянская промышленность в пореформенной России. – М., 1960.
 44. Рындзюнский П.Г. Утверждение капитализма в России. – М., 1978.
 45. Сальвиоли Г. Капитализм в античном мире. – Харьков, 1923.
 46. Самаркин В.В. Историческая география Западной Европы в средние века. – М., 1976.
 47. Туган-Барановский М.И. Основы политической экономии. – Спб., 1908.
 48. Туган-Барановский М.И. Русская фабрика в прошлом и настоящем. – М., 1938.
 49. Финн-Енотаевский А. Современное хозяйство России. – Спб., 1911.
 50. Харрод Р. Теория экономической динамики. – М., 1959.
 51. Хачатуров Т.С. Советская экономика на современном этапе. – М., 1975.
 52. Хромов П.А. Очерки экономики России периода монополистического капитализма. – М., 1957.
 53. Шумпетер Й. Теория экономического развития. – М., 1982.
 54. Экономическая история социалистических стран. – М., 1985.
 55. Экономическая история капиталистических стран. – М., 1986.
 56. Яковлев А.Ф. Экономические кризисы в России. – М., 1955.
 57. Яковлев А. Цель жизни. – М., 1970.
 58. Bairoch P. Disparities in Economic Development since the Industrial Revolution. N.Y., 1981.
 59. Boserup E. The Conditions of the Agricultural Growth. L., 1965.
 60. Boserup E. Population and Technology. Oxford, 1981.
 61. Buck J. Land Utilization in China. Shanghai, 1937.
 62. Buck J. Food Agriculture in Communist China, L., 1966.
 63. Cho-yun Hsu. Han Agriculture. Seattle, 1980.
 64. Cippolla C. The Economic History of World Population. Harmondsworth, 1978.
 65. Cippolla C. Before the Industrial Revolution. L., 1981.

66. Clark C. Population Growth and Land Use. L., 1968.
67. Clark C. and Haswell M. The Economic of Subsistence Agriculture. L., 1964.
68. Clark C. The Wealth of England. L., 1946.
69. Cleave J. African Farmers. N.Y., 1974.
70. Cox H. The Problem, of Population. L., 1922.
71. De Vries J. Economy of Europe in an Age of Crisis. Cambridge, 1976,
72. Domar E. Essays in the Theory of Economic Growth. N.Y., 1957.
73. East G. An Historial Geography of Europe. L., 1935.
74. FAO Production Yearbook 1991. Rome. 1992.
75. Geerts C. Agricultural Involution. Berkeley, 1963.
76. Gras N. A History of Agriculture in Europe and America. N.Y., 1940.
77. Grigg D. The Agricultural Systems of the World: An Evolutionary Approach. Cambridge, 1974.
78. Jones E. Agriculture and the Industrial Revolution. Oxford, 1974.
79. Kuznets S. The Economic Growth of Nations, Cambridge, 1971.
80. North D. and Thomas R. The Rise of the Western World. Cambridge, 1973.
81. McEvedy C. and Jones R. Atlas of World Population History7. L., 1978.
82. Robinson J, The Accumulation of Capital. L., 1956,
83. Rostow W. The Stages of Economic Growth. Cambridge, 1960.
84. Russell J. Population in Europe 500-1500. - The Fontana Economic History of Europe. Vol. 1.L., 1972.
85. Shanin T. The Awkward Class. Oxford, 1972.
86. Slicher van Bath B, Agrarian History of Western Europe 500-1850. L., 1963.
87. Smith T. The Agrarian Origins of Modern Japan. Steanford, 1959.
88. Sollow R. Contribution to the Theory of Economic Growth. Quarterly Journal of Economic. Vol.70. 1956. P. 65-94.
89. Tauber J. The Population of Japan. Princeton, 1958.
90. Toynbee A. The Industrial Revolution of the XVIIIth Century in England. L., 1908.
91. WallersteinJ. The Modern World-System. N.Y., 1980.
92. White K. Roman Farming. Haca. 1970.
93. WrigleyE. Population and History. L 1969.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	3
Глава I. Докапиталистическое расширенное воспроизводство	7
§ 1. Исторические типы интенсификации земледелия	7
§ 2. Сущность компенсационного барьера и условия перехода к капитализму	15
Глава II. Капиталистическое воспроизводство и экономический цикл	36
Глава III. Синхронный тип капиталистического воспроизводства: структурные разрывы и их последствия	78
Глава IV. Асинхронный тип воспроизводства: структурно-адаптационная модель	96
Глава V. Асинхронный тип воспроизводства: форсированная модель ("реальный социализм")	109
Использованная литература	154